Сура

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

4 (128)

ИЮЛЬ - АВГУСТ

Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью.

Александр Куприн

В НОМЕРЕ:

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
Иван БЕЛОЗЕРЦЕВ. Лучшее время моей судьбы 3
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
Светлана ПОПЕЕВА. Большего и не надо. Стихи 7
Михаил ФЁДОРОВ. Пусти ме да гинем… (На погибель). Роман.
Окончание. Начало в № 3 за 2015 г. 12
Мила МАШНОВА. Харьков — Москва. Стихи 62
Владимир РОГОЖКИН. Женские колени. Рассказы..... 66
Поэзия Костромы 96
Гаспаре ДОРИ. Сто тридцать девять. Рассказ 100
Марк ШЕВЕЛЁВ. Прелести земные. Стихи 108
Юрий АРБЕКОВ. От Ровно до Житомира. Рассказы о службе на Украине ...112
Джованни (Джанни) МОИ. Возвращение мечты. Стихи 123
К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
Лидия ТЕРЁХИНА. Один из многих. Очерк 128
Олег ДЕМИДОВ. Жизнь и творчество Мариенгофа
во время Великой Отечественной войны 132
Пензенские поэты о Великой Отечественной войне 147
ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ
Екатерина КОЗЫРЕВА. И была песня… М.Ю. Лермонтов через 200 лет 152
ПАМЯТЬ
Татьяна КАЙМАНОВА. Куприн о газетной пехоте,
или Позволено ли журналисту страдать интеллектуальной трусостью 158
Валерий СУХОВ. А.И. Куприн и С.А. Есенин.
Творческие параллели и полемический диалог 173
ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ
Ангелина КУЧЕРОВА. Записки юного читателя 180
Геннадий ГОРЛАНОВ. Кто как говорит. Стихи для детей 185
КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ
Эдуард АНАШКИН. «Звезды окликая…» 190
Валерий БУТОВ. Мату — шах, или Берегите родной язык 195
Вячеслав БАХТИН. Ее величество ирония.
По прочтении книги Г. Горланова «Пиитики» 203
ДЕБЮТ
Лауреаты литературного конкурса имени А.А. Сазонова 206
КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»
Песни Владимира МОЧАЛИНА 211
Роман ДАВЫДОВ. Песенная Пенза 215
Об авторах 217

© Редакция журнала «Сура»

Иван БЕЛОЗЕРЦЕВ

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ МОЕЙ СУДЬБЫ

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2015 год Годом литературы и выразил уверенность в том, что этот год станет ярким, объединяющим общество проектом, цель которого — привлечь внимание к литературе и чтению. Об этом мы беседуем с врио губернатора Пензенской области Иваном Александровичем Белозерцевым.

— Иван Александрович, а какое значение Году литературы придается в Пензенской области?

— Для Пензенской области это не формальное событие. Литературное богатство и наследие Пензенского края поражает обилием имен великих писателей, поэтов и летописцев, оставивших яркий след в истории русской литературы и вошедших в сокровищницу русской культуры. Пензенская земля подарила миру гения мировой литературы — Михаила Юрьевича Лермонтова. Великим называют первого русского литературного критика и публициста Виссариона Григорьевича Белинского. Крупнейшим русским историком признают Василия Осиповича Ключевского, по словам которого, «высшая задача таланта — своими произведениями дать людям понять цену и смысл жизни».

Классик русской литературы Александр Иванович Куприн. Русский прозаик, поэт и философ Александр Николаевич Радищев. Непревзойденный писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин. Исторический романист Иван Иванович Лажечников. Писатель Николай Семенович Лесков, о котором литературовед Д.П. Святополк-Мирский писал: «Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей, и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть». Исследователи его наследия говорят, что все его творчество буквально пронизано Пензой и Сурским краем. А сам Лесков всегда подчеркивал, что его жизнь в Пензенском крае была

самым лучшим временем его судьбы. Кстати, Лесков дважды мой земляк: он родился в Орловской губернии. И я искренне могу повторить за ним слова, что Пензенская область — это «лучшее время моей судьбы».

На нашей земле жили и работали Александр Грин, Денис Давыдов, Анатолий Мариенгоф, Александр Малышкин, Роман Гуль, Федор Гладков, Константин Бадигин, Лаврентий Загоскин и многие другие выдающиеся литераторы, чьи имена составляют славу отечественной культуры. Все они черпали вдохновение на пензенской земле, которая настолько богата литературными талантами, что для изучения творчества и сохранения их имен в памяти поколений в Пензе создан Литературный музей, один из первых и немногих в России.

— Согласен с Вами. Литературное наследие у нас действительно богатое, и наша задача — донести это богатство до наших земляков и гостей региона. В связи с этим, какие подготовленные мероприятия послужат достижению этой цели в Год литературы?

— Ярких акций, напоминающих об особой миссии и исключительной значимости литературы, в Пензенской области пройдет много. Боюсь, что все их не учесть и не перечесть. В каждом районе и городе области разработаны свои программы. И прежде всего это, конечно же, наши традиционные литературные праздники: Всероссийский Лермонтовский праздник поэзии и Купринские чтения, которые наполнены светлой атмосферой духовности. Также реализуется проект «Пензенская тропа в русской литературе», в его рамках проходят мероприятия, приуроченные к знаменательным датам жизни и творчества наших писателей-земляков А.Н. Радищева, Т.З. Семушкина, К.С. Бадигина, А.Г. Малышкина и других писателей и поэтов.

К Году литературы мы приурочили проведение книжных ярмарок и фестивалей, творческих встреч и мастер-классов с современными авторами, областных литературных конкурсов юных поэтов, прозаиков и чтецов, выпуск книг, сборников стихов и рассказов пензенских авторов.

— А как лично Вы относитесь к литературе и чтению?

— Значение литературы в жизни каждого человека трудно переоценить. Все свои знания мы черпаем из книг. Книги — это еще и расширение мировоззрения, и духовное саморазвитие. Они заставляют нас мыслить и переживать, из них мы получаем необходимую нам информацию. По жизни мне очень много приходилось и приходится читать специальной литературы, которая связана с работой. На художественную литературу времени остается меньше. Однако тем, кому постоянно не хватает то времени, то желания, чтобы сесть за книгу, могу дать хороший рецепт, который помогает всем без исключения. Найдите только одну минуту, чтобы зайти в книжный магазин или библиотеку. И вот там обязательно произойдет невероятное. Попадая в книжный мир, забываешь обо всем, и из него не хочется выходить. Глаза разбегаются, и так хочется прочесть всё и сразу. Сколько книг, сколько незнакомых авторов... И становится жаль, что за одну жизнь всё прочитать невозможно!

Заметьте, даже те, кто не отличается особой любовью к чтению, попадая в книжный магазин или библиотеку на минутку, могут провести там и час, и два, и три, а уходить всё не хочется, и кажется, что вот-вот найдется та самая книга, которая нужна тебе позарез для жизни, для работы, для отдыха… И обязательно находишь, и не одну. При этом всегда становится жаль, что всех книг не унести.

Мне еще помнятся те времена, когда книги были таким дефицитом, что очереди за ними занимали за сутки до открытия магазина и стояли всю ночь, чтобы подписаться на собрание сочинений какого-нибудь классика. А особо дефицитные тома привозили из загранпоездок, где литература на русском языке была в достаточном количестве. Еще вспоминается, как интересные книги зачитывали до дыр, передавая друг другу, а иногда и под одеялом с фонариком, чтобы родители не ругали за позднее чтение.

В советское время книга была, без преувеличения, богатством и ценилась на вес золота. Сегодня, когда можно купить любую нужную книгу или скачать её из Интернета, этого не понять. В то же время нельзя сказать, что книги сегодня обесценились. Они так же востребованы, как и прежде. А может, и больше, потому что книг сегодня выпускается и продается в разы больше. Да и домашние книжные полки во многих семьях постоянно пополняются. О таком ассортименте и оформлении книг, особенно детских, мы могли только мечтать. Цены, конечно, кусаются, но для этого есть библиотеки.

— И все-таки учителя бьют тревогу: дети стали мало читать…

— Здесь, действительно, есть над чем поработать. Внимание к проблемам приобщения молодых людей к литературе, необходимости знакомства школьников с произведениями классиков и современных авторов, продвижению русского языка не должно ослабевать ни у учителей, ни у родителей.

В современном мире для молодежи появилось много других альтернативных форм проведения досуга и пополнения знаний. Прежде всего это Интернет, компьютерные игры, которыми они порой увлекаются чрезмерно. Да и старые «пожиратели свободного времени» получили бурное развитие. Телевидение (с четырьмя-шестью каналами в наше время!) сегодня манит тысячами передач на сотнях спутниковых и цифровых каналов.

Поэтому обеспокоенность учителей можно понять. Если дети не читают классику, дающую четкие понятия добра и зла, если они не интересуются летописью своей страны, отраженной не только в учебниках, но и в исторических романах, повестях, рассказах, то завтра им легко будет привить идеологию, направленную на разрушение России.

Книги обеспечивают связь времен и поколений. Мы видим, что произошло на Украине, когда в течение каких-то 20 лет там переписали историю, поменяли учебники, заменили литературу — разорвали связь времен. Посмотрите, к чему это привело. К катастрофе! Это наглядный пример роли литературы в истории человечества.

Владимир Владимирович Путин, выступая на Российском литературном собрании, где была выдвинута идея об объявлении Года литературы, обратил внимание собравшихся писателей, сотрудников библиотек и музеев, издателей на мощную созидательную силу русской литературы и ту роль, которую она во все времена играла в формировании личности. Он сказал о способности литературы развивать творческий потенциал людей, объединять нацию вокруг общих духовных и нравственных ценностей, задавать эстетические и культурные ориентиры нашим гражданам.

Таким образом, лозунг «Книга — источник знаний» по-прежнему актуален, и задача учителей и родителей заключается в том, чтобы прививать молодежи любовь к чтению. Наверное, для этого и существуют библиотеки — храмы литературы, которые нужно посещать всем: и взрослым, и детям. И не от случая к случаю, а регулярно, чтобы пополнять свою копилку мудрости и знаний.

— В Год литературы в библиотеках области проходят мероприятия, направленные на развитие интереса читателей к творчеству писателей, в том числе современных пензенских. Что бы Вы хотели пожелать нашим пензенским литераторам?

— Прежде всего, чтобы современные авторы стали продолжателями традиций в прославлении Пензенского края. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что ваше творчество сегодня востребовано не меньше, чем в былые времена. По большому счету, вы являетесь современными летописцами Пензенской области. Какой бы жанр вы ни выбрали: романы, стихи, рассказы, поэмы, повести… — это ваш вклад в описание жизни и настроения ваших земляков. По вашим произведениям будут судить о нас и нашем времени. И, конечно же, от вас во многом зависит, как сегодня воспринимают наш регион за его пределами. Помните об этом всегда. И помните о том, что все мы земляки и, поймав взглядом такие родные и знакомые сердцу слова, как Пенза, Пензенская область, Сура, становимся сентиментальными. Пусть в ваших произведениях они станут ключевыми.

А в заключение хочу призвать жителей Пензенской области жертвовать прочитанные книги для сельских библиотек. К сожалению, их фонды стареют, а пополнение идет не такими быстрыми темпами, как хотелось бы.

У многих из вас дома наверняка есть прочитанные книги, которые вы уже никогда не снимете с книжных полок. Знаю людей, которые из-за отсутствия места в книжных шкафах хранят их упакованными в коробках. Это неправильно. Книги должны жить, распространять добро и знания. Сегодня вы подарите книгу незнакомому вам человеку, а завтра она вернется к вам добром в виде воспитанных и культурных людей, которые появятся рядом с вами.

— Спасибо, Иван Александрович, за интервью. Наша редакция тоже хочет подключиться к объявленной Вами акции по сбору книг для сельских библиотек и совместно с региональным отделением Союза писателей России помочь в их сборе.

Все желающие передать книги могут обратиться к нам по телефонам:

63-44-32, 63-44-21 и по адресам: Пенза, ул. Белинского,10, и пр. Строителей, 168-а.

Светлана ПОПЕЕВА

БОЛЬШЕГО И НЕ НАДО

Стихи

Я ПОМНЮ

Мы даже не были знакомы —
Я никогда не видел деда —
Лишь в запылённости альбомной
И в жёлтой вырезке газетной.
Год 41 — 45-й.
Вот бабушка и дед мой рядом,
Её чуть приобнял он за талию,
И фоном — голубые дали,
И нежность с поволокой тайны,
И свет, и птичка вылетает.
Год 41 — 45-й.
Ромашки, танками помятые,
И вороньё, беду пророча,
Рвёт всё живое в клочья… в клочья.
Год 41 — 45-й.
Как выдержали эти даты
Бомбежки, взрывы, канонады,
И детский плач горящей хаты,
И мессершмитные закаты,
Кричащие глаза солдата,
Зажавшего в руке гранату,
И эхом отголосок сиплый:
«Не отдадим врагу Россию!»
Год 41 — 45-й.
Вперед, за родину, ребята!
И долгожданная победа…
Медаль у бабушки за деда.

И над Рейхстагом знамя наше,
И списки без вести пропавших.
На Красной площади парады,
Салют над праздничным Арбатом.
И фотографии в альбоме…
Я помню…
Помню…

ГОСТЬ

Сна окно приоткрыв немного,
Как-то к ней заглянул он июлем.
С подоконника свесил ноги
И прикрылся ресниц тюлем.

В сновиденья добавил сладости,
Ведь, конечно, он был поэтом.
Называл её просто Ладою,
Находя радость в этом.

Чтоб вставалось ей с песней утренней,
Каждой птице свирель в клювик.
И ромашки полями ей в спутники,
Лепестки просчитав до «любит».

Он расчёсывал ветром косы ей
И, даруя мечтам свободу,
Наряжал в бриллианты росные,
Чтобы раз — и на подиум.

Не скупясь, ей закаты дарил,
Россыпь звёзд в отражении прудном.
И разлив золотой зари
Над проснувшимся утром.

Пригубив озорства вино,
Закружил в мелодии вальса…
Только сон и остался сном,
Так и остался.

* * *

Ветер листает листьев страницы,
Тушью дождя окропляя их тайны.

Мимо спешащие серые лица,
Серые взгляды, серые здания…

Ветра дыхание болезненно хриплое —
Зайчики солнца попрятались в прошлом.
А бабье лето так и не прибыло:
Видно, запуталось в тёмных дорожках.

Полувидения сумрачных улиц —
Тени танцующих танго деревьев…
Где и когда мы с тобой разминулись,
Где и зачем ты другой руки греешь?

Лишь посочувствует пёс одинокий.
То ли налево мне, то ли направо…
Бросит фонарь апельсины под ноги,
Но, к сожалению, мне не набрать их.

Холод бессовестно лезет под юбку,
Ограничением такта не скован.
Эх, вот рвануть бы куда-нибудь к югу,
В ласку и нежность прибоя морского.

Но рядом лишь ветер и листьев страницы,
Тушью дождя окроплённые тайны.
Мимо спешащие серые лица,
Серые взгляды, серые здания…

ДОЖДИСЬ

Там, где меня раньше не было,
Ели покрыты инеем.
Снежных лугов километрами
Скрыты дорог линии.
Там, где меня раньше не было,
Жизнь, как у всех — по-разному.
Спальных районов ребусы —
Скрытая недосказанность.
Там, где меня раньше не было,
Зимняя ночь нескончаема.
Звёзды дождями с неба… и
Вот уж в заварочном чайничке.

Там, где меня раньше не было,
Время сжигает прошлое.
На серебристом пепле
Месяц рисует рожками…
Вновь я туда, куда не было,
Методом слепо-тыканья.
С глупой такой нелепостью
В поезд чужой прыгаю,
И не туда, куда следует,
Вновь не собравшись с мыслями…
А где-то там, где не было,
Ждёшь меня ты — единственный.

* * *

К старой часовенке мостик горбатый.
Тихо бреду я промозглою пустошью.
Осень-священник грехи мне отпустит,
Впрочем, а большего мне и не надо.

Хлябь под ногами — не серебро-злато, —
Было в запасниках — только вот роздано.
Это прозрение поздно, но послано,
Впрочем, а большего мне и не надо.

Тропка виляет, и нет ей возврата.
Узел заплечный расскажет о многом.
Да хорошо: не одна иду — с Богом.
Впрочем, а большего мне и не надо.

* * *

Пишет письма красавица осень,
Не засовывая в конверты.
Вихрь, житейскою круговертью
Их подхватывая, уносит.

Дождь пунктирно штрихует даты
На листах золочено-рыжих,
А она все сидит и пишет
Непроявленному адресату.

Крест несет свой в любви и вере,
Отметая весь сор досужий,
Лишь перо — мелкой дрожью, нервно,
Ком в груди подтолкнув наружу.

Бисер слёз на строку нанизывая,
Вышивает судьбу Кончиты.
И летят в поднебесье письма
Вплоть до самой до её кончины.

* * *

Я луны абажур
Куплю на базаре
И тебя окружу
Пальцев нежных касаньем.
Заключу в лабиринт
Листопадами парка,
Брызну йодом рябин —
Пометкой-помаркой.
Дымкой лягу в траву,
Натуманенной, пышной,
Не во сне — наяву
На поэму расстишу,
Листьев с клёнов нарву,
Разлохмаченных, рыжих,
Про себя понавру —
Понавру выше крыши.
И тебя обвиню,
Если мне не поверишь,
А потом в стиле ню
Образумлю…
за дверью.

* * *

Лето-художник цветущей палитрой
Включит на полную воображенье,
Сердце собьёт с привычного ритма,
Снова ослабив земли притяженье.
И, чемоданами дел не нагружена,
Ранью рассветной, не очень жаркой,
Клеточкой каждой почувствую нужность
Просто обычной пробежки по парку.
Встретив улыбку, совсем незнакомую,
Вдохом глубоким в себя впустив праздник,
Вам подарю — не кому-то другому —
Яркий букет стихотворных фантазий.

Михаил ФЁДОРОВ

ПУСТИ МЕ ДА ГИНЕМ... (На погибель)*

Роман

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

1

Роман жил в монастыре, погружаясь в неведомый доселе мир православия, в котором на всё в жизни были свои объяснения. Согласно принял догму о том, что многое в мирской жизни греховно и предопределено. А если кругом только порок, грех, а надежда только на спасение, то чего ещё ждать на своем земном отрезке пути. Но что-то в Кирпишине противилось, не соглашалось с этим.

При каждом удобном случае он спешил в Свято-Тихоновский монастырь к отцу Гурию и ему изливал душу. Уже начавший густо седеть батюшка отвечал на волнующие молодого послушника вопросы, и тот, принимая слова духовника как голос свыше, покорно все впитывал и потом в меру сил и упорства пытался это воплотить в своей уже почти иноческой жизни.

Но оставался открытым старый болезненный вопрос.

— Фёдор Стратилат-то исправно служил власти, — говорил отец Гурий. — Защищал её. А ты?.. Были мы в плену язычников, коммунистов и теперь неизвестно кого. Но и в том, и в этом плену православные исполняли накладываемые на них повинности... И этим они и отличаются от сектантов... Служить Отечеству, пока служение не касается гонений на Христа. Только тогда православный выбирает между Богом и кесарем и принимает сторону Бога... Как Фёдор Стратилат... А пока такой вопрос не возник, надо исполнять государственные повинности. В этом тоже свой подвиг... Ну, что, скоро в военкомат поедешь?

** Окончание. Начало в №3 за 2015 г.*

— Батюшка!..

— Я понимаю твой страх! Мир во зле лежит, это да... Но такая твоя боязнь — тоже грех. Когда ты уже обнаружил этот грех исповедью, ты делаешь его сухим тростником, пригодным для сгорания в очистительном пламени. Но если, покаявшись, ты снова грешишь, то на тростнике том прорастают побеги...

Роман вышел из кельи священника, спустился по порожкам и хотел было присесть на скамейку, но его остановила взметнувшаяся с дощатой сидушки дородная и ранее незнакомая ему монахиня в клобуке.

Монахиня грузно заскрипела по доскам.

— Кто это такая?..

— Это наша новая игуменья матушка Досифея, — сказала проходившая мимо послушница.

— А батюшка?

— Он тольки духовником остался. Ему тяжело две ноши нести: игуменскую и духовную. Вот и испросил себе с епархии помощницу. По хозяйству подсоблять.

Роман вышел из монастырских ворот и пошел по знакомой лесной дорожке. Вот в чаще зачернел покосившийся крест. Зазеленели мхом привязанные к соснам надкрестья.

Остановился около чернушной перекладины:

— Вразуми, Господи! Как быть?.. Ведь я всем своим существом в ином мире... А меня снова в мирское... Или, может, отец Гурий хочет меня испытать?.. Насколько крепок я... Смогу ли выдержать это испытание... Как Федор Стратилат...

Брёл, а под ногами хрустел валежник, лицо задевали низкие ветви, в глаза изредка простреливало плавкое солнце. Чащоба мрачно и сыро окружила послушника. С болота потянуло сыростью и накрыло туманом.

2

Когда с восходом над приречной долиной прекратили трещать жучки, Роман собрался на хозяйственный двор проститься с Линдой. Та прижалась мордой к его щеке и вздрагивала.

— Ну, Христорадушка моя! Неси службу исправно! И жди меня... Может, год, может, два...

Потом Роман несколько часов смотрел в окно автобуса, и его донимал внутренний голос:

«Слазь... Сдалась тебе эта армия...»

И следом перечил:

«Что тогда отцу Гурию скажешь?..»

Приехав в город детства и юности, направился домой. Не сразу узнал в осунувшейся, сделавшейся меньше ростом женщине свою мать. Та прижалась к груди сына и затряслась. Затем отстранилась и, поправляя свесившуюся косу, стала разглядывать сына:

— Рома!.. Ромчик мой!.. Подрос... Возмужал... А чего на мои письма не отвечал?..

— Мама, я же в монахи собираюсь... А они с мирским порывают...

Мать рассказала, что сына не очень-то и искали. Было три повестки. Два раза приходил участковый. Вот и весь сыск.

— Ты что в длинном халате-то?..

— Это подрясник!

— Ну, ладно, ладно...

— У нас, мама, только за особые заслуги могут положить послушникам ходить в подряснике, — произнёс с гордостью.

— Ну, ну, говори. Я слушаю тебя. Ты хоть надолго? Али, может, насовсем?..

— Я тут, мама, приехал, чтобы с армией всё уладить.

— В военкомат не пущу!

Глаза её наполнились страхом. Она закрыла собой дверь.

— Мама, я должен туда пойти, понимаешь...

Кирпишина пыталась уговорить сына не ходить к военным, говоря о том, что о нём давно забыли, что сначала лучше она сама сходит за благословением к отцу Георгию, а потом Роман уже поступит, как пожелает. Но Роман был непреклонен и откладывать своего визита не захотел.

Военком, увидев на пороге своего кабинета молодого человека в длинном, чёрном, до пола платье, замахал волосатыми руками:

— Это ещё что за привидение?

— Товарищ полковник! Призывник Кирпишин... Пришёл, чтобы отдать свой долг отечеству...

— Мичман! Мичман! — полковник, согнувшись дугой к аппарату, нажал клавишу. В кабинет влетел бородач.

— Кто ко мне пропустил это чучело?

Мичман за руку вытянул Романа в коридор и по длинному проходу провёл в пустую комнату. Закрыл дверь. По углам желтели платяные шкафы со множеством ящичков, на столах возвышались горы папок.

— Слушай, отче! Ты чего военкома пугаешь?

— Я говорю, что пришёл служить!

— Понял, понял, что служить... А у тебя с головой всё в порядке?..

— Не жаловался.

— Хм... Только вот все команды давно уже укомплектованы и отправлены... Я тебе могу предложить разве что в Азербайджан...

— Куда, куда?

— На Кавказ. Но это будет по великому блату... Купцы со дня на день должны приехать...

— А чего там делать?

— За мусульман в Карабахе воевать!..

Роман остолбенел.

— О, да я же и не сообразил сразу, что ты православный... Ну, тогда твоё дело швах! Заказа на вашего брата пока не поступало... Подождать надо...

Проводил толком ничего и не понявшего Романа к выходу и погрозил пальцем:

— Больше так не шути!

Радости матери не было предела. Собрав сыну коробку гостинцев, кулёк костей собаке, поехала с ним на автостанцию.

— Ты пиши хоть иногда, Ромчик!

— Мам, ну нельзя же!.. А если постригусь, то вообще обязан буду всякую связь порвать...

— Сынок...

— Мам! Я ведь и за тебя молиться буду. Это гораздо важнее...

— А можно, я к тебе приезжать буду?

— Ну, если только не часто...

3

С души словно плиту свалили. Вернувшись в Задонск, Роман заспешил в Свято-Тихоновский монастырь к духовнику. Хотелось скорее поделиться с ним последними новостями.

Войдя в ворота, удивился изменению обстановки в ранее как бы всегда погруженном в безмолвие монастыре. Через весь двор тянулась к особняком стоящему дому траншея. Монахини ломами долбили твердый грунт и лопатами углубляли канаву. Носили на носилках трубы.

Со ступенек дома, подбоченясь, понукала их мать Досифея:

— Сёстры! Чего телитесь?..

«Ну и выражения же...»

Она подошла к опускавшим в траншею трубу мужчинам-слесарям:

— Поторапливайтесь, сладенькие!

— Что это? — спросил Роман уже знакомую ему монахиню Рафаилу.

— Водопровод к матушке тянем, — ответила та, посмотрев с опаской в сторону игуменьи и осторожно трогая мозоли на ладонях.

— А зачем?

— Говорят, сауну с бассейном замыслила...

Сказала и, вздохнув, перекрестилась.

Роман перепрыгнул через траншею и направился к домику отца Гурия. Заметил, как в окне качнулась штора.

— Спаси Господи! — отец Гурий вышел навстречу.

В светлице обшивала скуфейку золочеными нитками келейница матушка Корнелия.

— Пройдём ко мне, — потянул батюшка.

Роман обратил внимание на сложенные стопой на подоконнике книги и невольно подумал:

«Батюшке уже и недосуг читать...»

Выслушав послушника о его поездке в военкомат, священник перекрестил Рому:

— А ты боялся!.. Видишь, как жить с Богом?

— Да, всё сложилось как нельзя лучше... — зарделся послушник.

— Но не в полной мере... — поднял тонкий палец. — Отныне тебе надо в настоящие воины... В воины Христовы!.. Воины, которые несравненно выше воинов мирских. В тех, которые духом заряжены!

Отец Гурий говорил чеканно, часто дыша.

— К чему вы всё это, батюшка?

— А к тому, что у нас у каждого свой решающий бой впереди...

Более отец Гурий ничего не сказал, а, порывисто выйдя на крыльцо, окликнул:

— Матушка Досифея! Матушка...

Роман, поцеловав руку батюшки, сбежал по ступенькам, по которым уже скрипела наверх, поддерживая руками широченные подолы платья, игуменья.

— Ох, ну и матушку же нам прислали, — проговорила инокиня Рафаила.

— Самая кипень!.. — сказала монахиня Анатолия, прислонив к куче земли лом.

— Спаси Господи! — поприветствовал их Роман.

Подумал: «Как здесь раньше было тихо! А нынче? Шум, гам. Разве что ещё кранов и экскаваторов не хватает... Ну и матушка-прорабушка...»

4

— Съезжу-ка в деревню на родину, — сказал Филиппыч Роману.

— Родина ведь у тебя-то здесь.

— Ну, ты уже как истый монах заговорил... И про всех близких забыл... А я не-ет... Сына проведать надо бы... А вот телочек на попечение монаху Мелхиседеку оставляю... А ты чтобы за собакой приглядел... Кормил два раза в день...

— Управлюсь как-нибудь.

Филиппыч взял саквояж и загремел сапогами по коридору.

Рома откинулся на спинку кровати:

— Не-ет, мне теперь не до моих близких... Видимо, пришло время постриг принимать. Заявление в братию писать. Раз сам отец Гурий про воинство Христово заговорил... А вот, постригусь в монахи и тогда!..

А что тогда?

От охватившего его волнения ни выговорить ничего не мог, ни представить что-то конкретное — все смешалось в голове в предвкушении какого-то особого счастья.

После трапезы с полной миской борща он направился на хозяйственный двор. Вдали за лугами синела кромка леса, где ещё дальше поблёскивали

«скитские» купола. По траве бродили коровы, тарахтел на пахоте трактор, визжали бултыхавшиеся в реке пацаны.

Вот она, Божья благодать!

Вот за что надо молиться...

Вот чему служить...

А ты — с автоматом за танками собрался бегать...

Собака встретила его злобно: дёрнулась на цепи и зарычала.

— Линда! Линдочка... Это я, Роман, твой хозяин... Что, не признала?

Роман долго сидел перед оскалившейся овчаркой и шажок за шажком приближался к конуре. Линда, обнюхав миску, лизнула руку Кирпишина. И принялась лакать.

Послушник гладил урчащую псину и приговаривал:

— Хозяин совсем тебя забыл... Забыл... Он исправится... Ты только малость подожди...

Вспомнил, что ему утром идти в город в воскресную школу и рассказывать детям про жизнь Христа, про деяния апостолов, про мировую, всеохватную любовь, которая может помирить самых заклятых врагов, погасить любой самый страшный конфликт, наполнить опустевшую жизнь содержанием. К этому надо было ещё хорошо приготовиться: помолиться, освежить в памяти творения иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонского... Чмокнув кожистую сопатку у собаки, заспешил в монастырь.

5

Когда Филиппыч вернулся из деревни (сына почему-то не привез), Романа уже постригли в монахи и перевели жить в братский корпус. Он стал носить деревянный крест поверх платья на груди и параманный — тряпичку с мощами святого старца и вышитым крестом — под платьем на спине.

А в ушах молодого инока ещё долго стояли слова батюшки Гурия, произнесенные в присутствии всей братии:

— С одеянием монашеским я возлагаю на тебя и монашеский крест!.. И нарекаю тебя именем Роман в честь Романа Сладкопевца!..

В книжках вычитал, что Роман Сладкопевец жил в Константинополе. Однажды после горячей молитвы он увидел во сне Богородицу, которая вручила ему свиток и велела его проглотить. Проснувшись, он почувствовал вдохновение и воспел «Дева днесь», за которой зазвучали и другие песнопения.

«Но какой я сладкопевец? — подумал Роман. — У меня и голоса-то нет. И петь я толком не умею, не то что сладко... А о сочинительстве вообще говорить не приходится...»

Вскоре Роман понял, что это знак. Что он на самом деле сладкопевец, сладкопевец не по голосу, а по душе. Он бы любого согрел, любого утешил. Как мать дитя, убаюкал бы каждого... Вот в чём тайна сладкопения. Это когда порывы твои певучие, душевные...

Бытовые условия у монахов были лучше, чем у послушников. Чистота в кельях, белые занавески на окнах, в коридорах ковры, на каждом этаже туалет и душ.

— Дай облобызаю! — крепко припечатал свой поцелуй Филиппыч. — А какая мантия! Какая намётка... Так, глядишь, великую схиму со временем примешь.

— Я и малой недостоин, — потупил глаза Роман.

— Смирён, смирён, истый инок!.. А мне теперь, знаешь, кого вместо тебя подселили?

— Кого?

— Да твоего земляка Павла... Бандюгу этого. Его-то в братию не берут...

Роман ничего не сказал в ответ. Не он решает вопрос о постриге. Мог только предполагать, что Павел как ездил послушником на «КамАЗе», так и будет ездить. Ему монашества не видать хотя бы потому, что он постоянно чертыхался. Не постригут и Филиппыча — слишком остёр на язык, батюшек отругать может, любому монаху в глаза скажет то, что о нём думает.

6

Соседом Романа оказался инок Ферапонт. В прошлом служил в строительных частях, плавал на сейнере, лесничил на Байкале, пока не прибила его судьба к этой обители. В монастыре Ферапонт благодаря своему каллиграфическому почерку выбился в писари и теперь каждый день готовил и отправлял разные бумаги, разбирал приходящую почту и докладывал о ней епископу Льву. Вечером успевал сбегать на речку и половить рыбу, которую они вместе с Романом после трапезы уминали в келье.

Ферапонт всем подходил Роману, только ночной храп его донимал. Стоило только прилечь Ферапонту, как по келье начинали летать хриплые, переходящие в сопение звуки, похожие на свист тепловоза. Иногда складывалось впечатление, что с невидимых гор сыплются камни и вот-вот братский корпус накроет селью. Роману часто приходилось спать с двумя подушками на голове.

От Ферапонта он узнал о том, что на Балканах притесняют сербских братьев, что армянам в Карабахе удалось стабилизировать фронт, что между абхазами и грузинами выставлены российские десантники.

Как-то тот, собираясь спать, упомянул о другом:

— Твово отца Гурия в епархии что-то не жалуют... Чует моё сердце, уберут его оттуда...

— Типун тебе на язык! Он же монастырь из ничего поднял! На святой земле Тихона Задонского службу возродил...

— Ну и что... Мало ли история знает, когда самых святых подвижников потом метлой...

— Не может быть...

Роману захотелось выведать всё поподробнее, но Ферапонт отвечать уже не стал и, как обычно, захрапел.

По разговорам братии Роман был наслышан, что в епархии фактически правил секретарь митрополита отец Лаврентий, а сам Владыка — митрополит Феофил — подолгу находился в разъездах, предпочитая окормлять верующих за границей, нежели в своей митрополии. Какое решение принимал секретарь Лаврентий, тому и быть. А у епископа Льва к отцу Лаврентию мосты давно были наведены — Ферапонт часто расхваливал подарки, какие паковал тому в кули.

«У моего батюшки душа чище!.. Он подарки возить епархиальному начальству не будет...»

Утро звенело от птичьего гомона. Романа послали приводить в порядок монастырское кладбище. В тени густых вязов и кленов он принялся обкашивать заросшие плиты. Еле различал почти стёртые надписи:

«Схимонах Феоктист»;

«Иеромонах Боголеп» ...

Посчитал годы земной жизни покоившихся под плитами. Выходило, что почти все они прожили более восьмидесяти лет, а монах-пустынник Авраамий — девяносто девять.

Вот жизнь-то! Сколько им на земле далось, и сколько ещё в другом мире дастся...

Докосил до безымянного холмика у кустов орешника. Присел около осыпавшегося трухой креста. На нём ни имени, ни даты рождения, ни даты смерти. Неизвестно кто. Невольно подумал о корнях кустарника, который питается останками.

А вокруг кустов щебечут птицы, в траве стрекоза поблескивает своими слюдяными крылышками... На душе стало легко-легко... Неужели и у него будет такая же могила, к которой через несколько столетий подойдёт безусый инок и будет вот так же заботливо обкашивать траву.

— Эй!.. Братка!..

Роман встрепенулся. Это был Филиппыч. Тот опустился рядом на корточки:

— О вечном думаешь?

— А откуда ты знаешь?..

— Да я уже полчаса за тобой наблюдаю... То травку погладишь, то землицы подсыплешь...

— Всё приметил.

— Ещё бы!.. Хотя я и не такое видел... Знаешь монаха Варсонофия? Так он себе гроб в столярке уже сколотил и спать в нем собирается...

— Зачем?..

— Так он, как ты, всё о смерти думает... А где к ней ближе? В гробу...

Они, смеясь, поднялись и пошли с погоста. По пути чуть не столкнулись с зелёным «газиком», въехавшим в монастырские ворота. Рядом с водителем с задумчивым видом сидел отец Гурий.

7

Гурий не заметил своего духовного сына. Он был поглощён своими мыслями: зачем его приглашал к себе Задонский епископ Лев? Такой неожиданный звонок и такая настойчивая просьба.

— Епископ очень хотел бы видеть вас, батюшка... — пропел епископский помощник.

А что, зачем — ни слова больше.

Епископ Лев встретил отца Гурия на порожках своих мраморных покоев и облобызал. Они поднялись по царственной лестнице в просторную епископскую прихожую, из прихожей по ковровым дорожкам прошли в гостиную с диванами и столами и уже далее в озолоченный богатым убранством кабинет.

С потолка свисала парадная люстра с электрическими свечами, вдоль стены тянулись ветвистые фикусы и волосатые кактусы, а углы занимали огромные кресла.

— Давненько у вас не был, — с першением в горле проговорил гость, опускаясь в одно из кресел под картиной с патриаршим изображением.

— Стремлюсь жить в ногу со временем... У меня ведь и банкиры бывают, и судьи. Одним словом, власть... Не пригласишь же их в келейку, кхе, заморыша...

«Заморыша...»

— Ну, а как тебе там, в скиту? — епископ в свою очередь ввалился в своё с высоченной спинкой мягкое кресло.

— Да многотрудные дела... Веру укрепляем с Божьей помощью... И бытовых хлопот не перечесть...

— И я вот сокрушаюсь, что не поспеваю всюду...

Епископ поерзал в кресле и осторожно перешел к другому:

— Высокопреосвященнейший недоволен тем, что у тебя келейница, как её...

— Корнелия...

— Да, сестра Корнелия. Монастырь ведь женский, и сам лучше меня знаешь — в женском монастыре женщины, в мужском — мужчины. Всякие слухи вокруг тебя ходят. Скажу больше, что и анонимные письма в епархию посыпались...

— Что-то мне раньше, когда надо было скит подымать, об этом не говорили.

— Это раньше... А нонче...

— Так что, его Высокопреосвященство желает, чтобы я...

— Очень желает...

Отец Гурий задумался.

— Просто облегчить твои хлопоты хочет... Ты ведь и в больнице часто... Вот он меня и просил поговорить с тобой по-отечески. В областном центре приход освобождается... Он тебя туда прочит...

— Что-то я не могу понять, ведь если Высокопреосвященнейший хочет, то мог бы мне самому об этом сказать…

— Но ты же знаешь, как он загружен… Сейчас снова в отъезде… На Святой горе…

С тяжёлыми мыслями покинул епископские покои отец Гурий. Не замечая скопившихся у монастырских ворот иноков, ждущих его благословения, сел в машину и уехал.

8

Вернувшись в скит, отец Гурий долго не мог прийти в себя. Даже повысил голос на свою келейницу. В поиске хоть какого-то успокоения направился в надвратную церковь, в которой часто уединялся и где в эти часы никого не было.

Сумеречный полумрак сковывала тишина. Зажёг одну лампадку и приставил к одной иконе, потом другую — к другой. Задержался около смоляного образа с согбенным старцем.

Стоял, а на глаза навёртывались слёзы. Из сердца так и рвалось:

— Гонят тебя, Гурий… Неугоден ты стал… Как восстанавливать — ты незаменимый… Укор ты нынешним архиереям… Доставалам и мшелоимцам[1]… У тебя о духовном душа горит… А им вместе с этой Досифеей как бы покои пошикарнее… Там всяких бездушных дельцов принимать… Сауну задумала!.. Тьфу, нечисть!.. А ты дело святого Тихона возжелал продолжать… Да им начхать на Тихона и иже с ним…

Отец Гурий подходил к узким окошкам и озирал двор монастыря. В его глазах расплывались колокольня, сестринский корпус, храм, гостиничная недостройка. Ещё несколько лет назад здесь были одни сараи. А теперь…

— Нет, не отдам бесам своё дитя!

Быстро идя в келью, он бубнил:

— И келейницу Корнелию в вину поставили… Блуд усмотрели!.. Да я к ней не то что пальцем ни разу не прикоснулся, я и взглядом плотским никогда не посмотрел.

Поднявшись в келью, попросил позвать матушку Досифею. Та вскоре появилась:

— Слушаю вас, батюшка Гурий!

И смотрит на него преданными маленькими глазками.

— Скажи, матушка! Чем я тебе не угоден?..

— Всем, батюшка, угоден! Всем!

Та чуть в ноги не кидается.

— А вот ты мне не всем! — брови его сошлись. — Ты почто в монастыре всякие самовольные стройки затеяла?.. Зачем сауну делаешь? Зачем мрамором свои покои обделываешь?.. Почто сестер в храм перестала пускать?.. Они

[1] Мшелоимец — от «мшелоимство», что означает «мзда», «корысть».

с мозолями на руках только до кровати доберутся, как ты их снова: копать, таскать, бетон мешать...

Игуменья согнулась, перехватила одной рукой другую и потом тихо спросила:

— Мне можно идти?

— Ступай с Богом!.. И жду тебя сегодня же на исповедь...

Весь вечер отец Гурий прождал игуменью в храме, но та, сказав привратнице, что уехала по делам, так и не появилась.

9

Утром к батюшке позвонили:

— Отец Гурий?

— Да, это я, спаси Господи!

— Это с епархии. Вас к себе отец Лаврентий вызывает.

— А зачем?

— Приезжайте, и только с заявлением о вашем уходе из монастыря.

— Простите, а с кем я говорю? — проглотив что-то в горле, глухо произнес отец Гурий.

— Дежурный по епархии.

— А как бы мне самого отца Лаврентия услышать?

— Он на службе.

— А Владыка?

— Его Высокопреосвященство в отъезде.

«Что за наглость! Какой-то секретаришко решает чужие судьбы... Молокосос!..»

Отца Гурия закачало.

— Еду в епархию и устрою им там!.. Разыщу митрополита и воздам им по всем статьям!.. А что ты воздашь? Что устроишь?.. Митрополит-то снова в Греции-Америке, и за него этот сморчок Лаврентий. А что ты этому недоумку скажешь?.. Он ведь тебя не переваривает... Сколько раз ты ему отказывал и в кирпиче, и в листовом железе на его дом, и в мясе, и в мёде...

Часто дыша, отец Гурий опустился на диван и долго-долго лежал на нем недвижимо.

— Батюшка! Вам плохо? — заглянув, испугалась Корнелия.

— Ох, сестра, сестра...

— Чайку? Валидол? Корвалольчика?.. Всё полегче будет...

— Да в этом ли моя хворь?..

Приподнялся, подошел к окну, опёрся руками о подоконник, а увидев, как с машины у покоев игуменьи сгружали дорогую пузатую мебель, схватился за грудь и стал медленно-медленно оседать.

Корнелия выскочила на крыльцо:

— Сестры!.. Сестры!..

Вместе с прибежавшими монахинями перенесли батюшку и уложили на диван.

— Батюшка, милый ты наш!..

— Любимый!..

Сунули под язык таблетку, поднесли к губам стакан с водой.

Отпив, отец Гурий вяло произнес:

— Меня вызывают завтра в епархию... Видимо, оттуда я к вам, милые мои ласточки, уже не вернусь.

— Почему, батюшка, вы не вернётесь? — затрясла его за руку инокиня Корнелия.

— Да Владыка хочет этого...

Печальное известие о возможном отъезде батюшки стремительно облетело обитель. Кельи загудели, как соты. Сестры заволновались. Они искренне любили отца Гурия. Он их принимал в обитель, он их постригал, к нему они бегали по несколько раз на день исповедаться или просто получить совет или утешение. К сердцу каждой из них у него была своя пастырская тропинка.

Среди монахинь были те, кто был недоволен тем, что батюшка так приблизил к себе келейницу — эту красючку Корнелию. После этого он меньше уделял им внимания, все более занимаясь Корнелией, над которой самым гнусным образом надругался директор школы и которая теперь нуждалась в постоянном духовном уходе. Именно от них полетели в епархию письма с досужими вымыслами.

— Что будем делать? Что?.. — поднимала руки вверх инокиня Рафаила, стоя в кругу монахинь.

— Да что, что... Идем к батюшке... — заявила сестра Анатолия.

Отец Гурий выслушал сестёр и развел руками:

— Я и сам не знаю, что мне теперь делать...

— Мужайтесь, батюшка, и да укрепится сердце ваше упованием на Бога! — заявила сестра Анатолия.

10

Поздним вечером, после отбоя, когда паломники все улеглись, насельницы обители собрались под окнами игуменьи. Они молились, пели, стучали во входную дверь. Настоятельница не отзывалась.

Может, поведение их выходило за все дозволенные рамки монастырских правил, но они хотели до отъезда отца Гурия — были уверены в его поездке в епархию — переговорить с матерью Досифеей.

Перепуганная Досифея долго стояла у окна, выглядывая смутьянок, а когда стуки в дверь усилились, она набрала номер духовника.

— Батюшка, — заговорила отрывисто. — Что происходит в монастыре?

На другом конце провода некоторое время молчали, а потом вполне дипломатично ответили:

— А ты выйди, матушка, да разберись…

Игуменья не вышла. Усилившийся страх пронизал все её тело. Она боялась сестер.

Дальше все развернулось, словно по дьявольскому сценарию. Такое возможно было бы где-нибудь в разбитной мужской компании, во взбунтовавшемся гарнизоне, но никак не в монастыре и тем более в женском. Но жизнь порой преподносит удивительные сюрпризы.

— Она не хочет видеть нас!..

— Она тянет время!..

Раздавались крики.

Рассерженная затворничеством настоятельницы сестра Анатолия подозвала свою дочь сестру Елену:

— Сбегай в канцелярию и поищи ключ от кельи игуменьи…

Вскоре сестра Елена вернулась с черным подржавевшим ключом. Матушка Анатолия сунула ключ в замочную скважину, повернула, и дверь отворилась. Сестры гурьбой ввалились в коридор.

Игуменья, гневно смотря на них, подняла вверх руку с крестом:

— Христом Богом говорю, остановитесь!..

Монахини стали призывать игуменью выслушать их, но та слушать ничего не желала, лишь гнала и замахивалась крестом:

— Прочь!.. Прочь!..

Вот со всей силы ударила по голове сестру Рафаилу.

Та схватилась за лоб.

Игуменья замахнулась на сестру Анатолию, но тут ее руку перехватили сестра Елена и послушница Варвара. Вцепились и другие. Потянули из коридора.

Досифея отбивалась, но ее тащили по ступеням…

Её парализовал страх.

Над головой раздавалось:

— Спаси батюшку Гурия!..

— Убирайся отседова!..

Она толком не могла понять: её хотят просто выгнать из монастыря или тащат в укромное место бить. С неимоверным усилием настоятельнице удалось вырваться, и она бросилась назад по лестнице. Пробежав коридор, закрылась в келье. На все три оборота ключа. Рыская по комнате глазами, стала боком сталкивать к двери недавно привезенную мебель: тяжёлое кресло, громоздкий стол.

— Она не хочет с нами общаться! — летело с улицы.

Тут из-за трапезной выскочила сестра Рафаила с топором, и все вновь устремились вперёд.

Игуменья тем временем в ужасе орала по телефону:

— Епископ Лев!.. В монастыре восстание!..

Вот дверь затрещала, кресло и стол поехали…

Увидев сверкнувшее лезвие, игуменья завопила не своим голосом:

— Убивают!..

— Фу ты, — вперед раскрасневшихся монахинь, хватаясь за грудь, протиснулся батюшка Гурий. — Пшли! Пшли! По кельям все…

Игуменья в безотчетном страхе вжалась в угол. Сестры одна за другой стали расходиться. Исчез и топор.

11

— Где тут матушка Досифея? — спросил вбежавший в келью игуменьи послушник Павел. — Я из Задонска… Меня епископ послал…

Игуменья, гневно глянув на отца Гурия, вышла из угла, где просидела молча около часа:

— Я вам этого никогда не прощу!

Спускаясь по ступеням, с опаской поглядывала по сторонам. Под улюлюканье сестер машина тронулась с места.

— Матушка, что случилось-то у вас? — спросил Павел, когда фары осветили сосны.

— Бунт…

— Бабий бунт, что ли?.. Хе-хе…

Машина вылетела на большак. Пассажирка на переднем сиденье что-то бубнила себе под нос и опухшей ладонью вытирала пот с лица. В груди у нее все клокотало. И вместе с тем тело никак не покидал тот безотчетный панический страх, который она испытала при виде топора.

Епископ Лев встретил её у распахнутых настежь ворот:

— Матушка, вы как?

Та ничего не ответила и, зло хлопнув дверцей машины, пошла наверх. Епископ поспешил за ней. На задаваемые на ходу вопросы он не получал никакого ответа.

— Иди к себе! — бросил зевавшему на диване в канцелярии монаху Ферапонту. — Понадобишься — позову…

Тот заскрипел по лестнице.

— Ну, что? Матушка…

В открытые окна епископских хором в темень двора полетели клокочущие обрывки разговора епископа с игуменьей.

— Если бы вы только знали, какое унижение мне пришлось испытать… Ко мне ворвались в покои… Меня вытаскивали за руки… Приготовили топор!..

Лицо епископа наливалось сизой кровью. Он вставал, глубоко дыша, ходил по ковру и вновь садился. В своей жизни он повидал многое, были драки и бесчинства, но такого, чтобы монахини кинулись на свою настоятельницу с топором — такого припомнить не мог… Подробности погрома никак не укладывались в его величавой голове.

А мать Досифея всё восклицала:

— Пригрел себе блядючку… Науськивал против меня. Послал с топором…

Глубокой ночью телефонным звонком епископ Лев поднял с постели отца Лаврентия:

— Отче! Почиваешь?.. Извини за столь поздний звонок. Это епископ Лев.

— Спаси Господи!

— Владыка не вернулся?

— Нет, а что?..

— В Свято-Тихоновском монастыре монахини игуменью топором чуть не убили... Она сейчас у меня...

В комнату летели с берега реки весёлые песни подгулявших горожан, слышался лай собаки, а епископ как прижал трубку к уху, так и не мог оторвать её, слушая что-то нечленораздельное.

12

В Свято-Тихоновском монастыре все шло своим чередом. В пять утра по сестринскому корпусу пробежали будильщики, и в храм на литургию заспешили монахини. Батюшка Гурий встал у алтаря, и к нему на исповедь одна за другой потянулись насельницы. В семь сорок пять под сводами полились хвалебные звуки акафиста.

Черный епархиальный «мерседес» въехал в скитские ворота и остановился у храма. Из него вылезли холёный священник с маслянистым лицом — епархиальный секретарь отец Лаврентий — и громила — наместник Задонского монастыря епископ Лев.

— Где отец Гурий? — спросил секретарь у сложившей вместе ладони и поцеловавшей его бескостную руку монахини.

— В храме он. Служит.

— Ну, пусть пока служит...

Отец Лаврентий и епископ Лев пошли по двору монастыря.

— Да вроде все тихо, спокойно, — говорил отец Лаврентий. — А ты меня ото сна оторвал...

— Да спокойно-то спокойно... — переваливался с ноги на ногу епископ.

Обойдя двор, отец Лаврентий посмотрел на свои фирменные часы, сверкнувшие дорогими камнями:

— Ну прямо по строгому валаамскому чину службу ведут... В другом монастыре давно бы уже окончили...

— Это вы намекаете, что у меня в Задонске?.. Да, уже давно закончили. А зачем молитвой морить. Надо силёнки и для другого приберечь, — огладил свой непомерный живот епископ.

На ступеньках храма появились монахини.

— Ну, слава Богу!

Вот в окружении сестер заметили отца Гурия.

Увидев епархиального секретаря и епископа, он что-то сказал сестрам и направился к приезжим. Обнялся с каждым, прикасаясь губами к щекам (вид-

но было, как при этом сморщился отец Лаврентий и содрогнулся епископ Лев), и пригласил к себе в дом.

«Ах, вот она какая, — пронзило красотой келейницы отца Лаврентия. — Кто бы такой только не пожелал...»

— Оставьте нас одних, матушка! — попросил отец Гурий.

— Ну что, отче, рассказывай-ка нам, что тут ночью произошло?

Секретарь сел, а епископ заходил из угла в угол.

— Да ничего особенного, — начал отец Гурий. — Как выясняется, сёстры захотели поговорить с матушкой Досифеей и упросить ее ехать в епархию вместе со мной... И там уже Владыку уговаривать, чтобы не отрывал меня от них... Законное требование?.. Законное...

— А зачем матушку тогда за руки хватать, топором дверь выламывать? — заговорил басом епископ.

— Вот тут-то и произошло это досадное недоразумение. Она их не захотела выслушать, а они не нашли подхода к ней.

— Ну дает! — епископ уставился на Лаврентия. — Подхода... А если к каждому из нас любой монах, не найдя подхода, будет с топором ломиться...

— Да, да... — отец Гурий глубоко-глубоко вздохнул.

— Что-то мне во всё это мало верится, — произнес секретарь. — Врываться в келью. Вытаскивать. Потом выламывать дверь. Замахиваться топором... Вы, отче, видимо, все это сорганизовали... Выгнать ее вам надо было...

«А вам меня?» — подумал отец Гурий и, опустив голову, продолжил:

— Можете у сестер справиться.

— А чего справляться? Он уже всех подговорил, наверно... — заявил епископ.

— Ладно! Хватит! — ударил по столу Лаврентий. — Давайте-ка сюда ко мне, — достал листок с записями, — сестру Рафаилу.

После того как все сестры в один голос подтвердили свое желание только переговорить с наместницей, а та почему-то воспротивилась, отец Лаврентий подвёл черту:

— Еще разборок нам в монастыре не хватало!.. Мало их в миру случается... Будем считать, что ничего не было. Отслужим примирительную молитву, и дело с концом.

Епископ смотрел на епархиального секретаря широченными глазами, ничего не понимая. Секретарь упускал такую возможность, чтобы удалить отца Гурия из монастыря.

— Что пялитесь на меня, отче? — Лаврентий посмотрел на епископа. — Везите матушку Досифею...

Епископ хотел напомнить секретарю про цель вызова в епархию отца Гурия, но, видимо, подходящий момент для этого пока не наступил.

13

С еще заметными синяками на лице и руках матушка Досифея ступила на монастырский двор. Другого у нее выхода не было. Степенно поднялась в храм, покорно произнесла вместе с монахинями и отцом Гурием примирительную молитву, но душа ее этой молитвой не прониклась.

Теперь-то она этим смутьянкам и отцу Гурию покажет!

Хотя обустройство своих покоев решила временно отложить. Всему свое время. Она и не такое обстряпывала.

Уже во время примирительной молитвы у нее в голове зрел план, как загрузить послушаниями сестру Рафаилу, чтобы та Божьего света невзлюбила! Как перевести в прачечную сестру Анатолию с её дочерью и не выпускать оттуда, пока у тех руки не покроются от хлорки волдырями. Как до предела заполнить все дни других ослушниц бесконечными работами, чтобы те и дорогу к алтарю забыли! А с отцом Гурием... у него сердце больное... его достанет другим способом и доведёт до инфаркта...

«Вы еще меня узнаете!..» — вскидывала руки к алтарю Досифея.

— Ты слыхал, что у твоего духовника в монастыре случилось? — спросил несколькими днями позже Ферапонт Романа.

Тот в общих чертах был наслышан кое о чём, но как именно всё произошло, не представлял.

— Но ведь там все уже улеглось, — лишь сказал Роман.

— Если бы... Я знаю, что от монахинь в Московскую патриархию письмо поступило с прошением убрать Досифею. И такое же в нашу епархию...

— Да ну!.. Снова конфликт?.. Хотя, видимо, игуменью лучше куда-нибудь перевести...

— А вот тут-то ты и не прав! Если у них на поводу пойти, хлопот не оберёшься. Это им не то, это не так... Забыли, что на всё воля Божья. Надо было смириться, а они на тропу войны... Да еще голодовкой грозят... Дорогу железнодорожную перекрыть...

— Бедный батюшка Гурий...

— Нашёл себе бедного!.. Он не бедный, он бесноватый!

— Ты что?! Я тебе!..

Роман стал замечать, что игуменья Досифея стала частым гостем у епископа Льва и долго у него задерживалась, а Ферапонт после ее визитов приходил и рассказывал ему все новые и новые подробности: монахини уже к кому только ни обращались, куда только ни слали телеграммы, нигде их и слушать не хотели. И вот теперь объявили голодовку.

— Как ты не понимаешь, они защищают своего батюшку, — оправдывал Роман своего духовника.

— Ничего себе защита... Да от нее у епископа уже руки пятнами покрылись, а у отца Лаврентия нога задергалась.

ГЛАВА ПЯТАЯ
МОНАСТЫРСКАЯ ЗАЧИСТКА

1

— Новенький… И ты в Сербию собрался? — носком ботинка остановил Погожева облокотившийся на шлагбаум жилистый мужчина в черном берете.

— А что, раз меня мирная жизнь не принимает, я вот и сюда… Кроме того, я всеми своими костьми военный… Отец служил, я служил, воевал…

— Это ты правильно говоришь, у нас — как понесло по военной дороге, так с нее и не свернешь, — мужчина в берете рассматривал листок направления. — Должен тебя предупредить: здесь ни с кем не валандаются… Чуть что не так — в один момент!.. Я вон сколько этих казачков под зад коленом… С литрухой раз поймаю — и баста…

— Да я-то только по бумагам от казачков, а так я карабаховец…

— Хм… Посылали мы и туда ребят… Было дело такое… Многих повидали эти сосенки… И тех, кто потом в Абхазии. И тех, кто в «Пээмэрке»…

С еле заметной хромотой Дмитрий прошёл к огромной армейской палатке, растянувшейся под еловыми мохнатыми лапами. Отдернул тяжелую полу. Оказался между двумя рядами поржавевших коек. Сбросил поклажу на свободную панцирную сетку. В груди заиграли знакомые, полузабытые военные нотки: снова он на привычном военном материке.

Уже после обеда, перезнакомившись с другими парнями, узнал, что их шефа в черном берете зовут Скорцени, что он бывший спецназовец. Прошёл много горячих точек, был даже у моджахедов в плену, и с ним шутки плохи. Недавно поймал одного с бутылкой и так отделал, что тот еле из лагеря уполз…

— Вперёд! — рявкнул Скорцени.

Строй забубухал по полю сапогами.

Погожеву застучала в бок противогазная коробка, запрыгал на спине «калашник». Таких забегов он не помнил с военного училища. Приходилось терпеть боль в ноге и вспоминать курсантское прошлое.

Взмыленные, они вернулись в лагерь.

— А, маменькины сыночки! — огрызался Скорцени. — Если бы я бегал, как вы, мои потроха давно бы на ветке перед моджахедами болтались…

По опушке леса серел забор из плит, за которым тянулось в сторону аэродрома стрельбище.

Буквой «зэт» прорезала стрельбище траншея с насыпными брустверами. В шестидесяти шагах от траншеи зеленели мишени в человеческий рост, еще в шестидесяти — снова такие же мишени, а далее в пятидесяти — мишени уже в половину человеческого роста.

Когда Погожев с первого выстрела поразил самую дальнюю мишень, Скорцени одобрительно помахал бывшему карабаховцу и уже более никогда не попрекал того тем, что тот не укладывался в норматив на три километра.

Еще Погожев потешил Скорцени тем, что, как кошка, перелетал из окопа в окоп, как рысь, прыгал с бревна на бревно. За спиной этого парня чувствовалась добротная военная школа.

Погожев каждый день после тренировок ходил к домику в шашечку у начала аэродромной бетонной полосы и допытывался у контрактных солдат наземной службы, когда же будет борт на Сербию.

2

Туманным сентябрьским утром Скорцени поднял отряд по тревоге. Всех погрузили в грузовики и куда-то повезли. Погожев трясся в кузове и думал: «Что же это может быть?.. Ведь без вещей... Без оружия... Или так все и надо, чтобы скрытно, чтобы никто и не знал...»

Долго пробирались по бору, чуть не увязли в болоте за сосняком, выбрались на шоссе. Помчали. Их иногда обгоняли легковые. Вокруг сочно желтели кукурузные поля и пахло мятой.

«Совсем от жизни цивильной отвык», — Погожев размышлял о своих лесных буднях.

Вот заколесили мимо купеческих двухэтажек старинного городка.

— Никому не выходить! — крикнул Скорцени.

Погожев отогнул подол тента: их грузовик стоял в хвосте скопившихся у монастырких ворот легковых машин, большей частью иномарок, «Волг», реже — «Жигулей», около которых сновали дяди в рясах.

— Задонск! Да ведь я здесь был, когда к брату Касьяныча добирался... Чего это они нас, благословлять, что ли, привезли?

Вскоре батюшки расселись по легковушкам, и те, вытянувшись вереницей, тронулись за «мерседесом».

Грузовики замкнули колонну.

Высыпавшие во двор обители монахини с удивлением наблюдали необычную картину: в ворота скита с нарастающим гулом, поднимая клубы пыли, въезжали одна за другой легковые машины со священниками. Можно было подумать, что святые отцы съезжались на какой-то большой православный праздник.

Некоторые монахини даже подались было за благословением к приезжим, но по тому, какими взглядами те встретили их, сразу попятились назад.

Из «мерседеса» вылез отец Лаврентий и, расправив плечи, оглянулся на поднимавшегося из задней дверцы епископа Льва.

— Где отец Гурий? — строго спросил секретарь подбежавшую насельницу.

— У себя в келье, — ответила матушка Рафаила.

— А игуменья?

— Тоже была у себя...

— Всех паломников в Задонский монастырь, — сказал отец Лаврентий подошедшему в камуфляжной форме Скорцени.

Скорцени направился к грузовику, из которого попрыгали на булыжниковый двор крепкие парни. Что-то уточнив у священника, Скорцени показал на корпус:

— Слушай боевую задачу: всех паломников в грузовик и отправляем в Задонск... — скомандовал и, смеясь, добавил: — К мощам святого Тихона прикладываться...

— А кто такие паломники?

— Это те, кто не в черных рясах, а в цивильном, — объяснил Скорцени.

Парни браво направились к желтевшему домику и загремели там по дощатым доскам. Без труда согнали с коек паломников, повытаскивали из-под кроватей спрятавшихся бомжачков, в пинки погнали их по монастырскому двору, подбадривая:

— Вас Тихон ждёт! Тихон!

В считанные минуты паломники были погружены в грузовики и увезены.

— Бесов изгоняем! — утёр себе нос Погожев, вспомнив своё посещение обители.

3

Увидев в окно наплыв епархиальных священников вместе с парнями в пятнистой форме, отец Гурий удалился в свою дальнюю комнатку и, склонившись перед иконой с изображением Тихона Задонского, пал на колени.

Келейница Корнелия предусмотрительно вставила ключ в дверь.

— Ну, что?.. — отец Лаврентий расхаживал по двору. — Скоро я увижу духовника?

— Он молится, — ответил приехавший с ними и уже кое-что выяснивший его брат отец Кирилл.

— Ну, пусть замаливает грехи, пока мы с грехами других разбираться будем.

— Матушку Досифею, может, позвать? — спросил Кирилл.

— Зачем же... Она пусть теперь отдыхает... Канцелярия, посмотри, открыта?..

Чувствуя что-то недоброе, монахини разбредались по кельям.

Секретарю епархии открыли канцелярию, и тот с епископом Львом прошли туда.

— Ишь, как показушничает! — отец Лаврентий оглядел скромно обставленную комнату и спросил епископа Льва: — С кого начнем?

— С зачинщиц, отче! — пробасил тот, поднес к носу листок и прочитал: — Сестра Рафаила.

— Надо же, ты все знаешь, — рассмеялся Лаврентий.

— А у меня везде свои люди есть...

— И в самой епархии?

— И в самой!

— Кто же это, если не секрет?..

— Ты…

— Ну даёшь!.. Отец Кирилл! — громко позвал Лаврентий и продолжил, когда тот заглянул: — Сестру Рафаилу к нам пригласите… Сестринский корпус… Келья…

— Двадцать три, — снова поднес к носу лист епископ.

4

Отец Кирилл подозвал Скорцени:

— Мне крепкий парень нужен.

— А вон, моего лучшего головореза бери, — тот показал на Погожева.

— Не… Я с ним уже намаялси… — Кирилл узнал бывшего сторожа своего прихода.

— И я намаялси, — сказал и сплюнул Погожев.

— Знакомы, выходит… Ну, тогда вон того… — Скорцени показал пальцем на другого и взял батюшку за рукав.

— Ты только им скажи, — посмотрел на окна канцелярии, — мы ведь за так шмон наводить здесь не будем!

— Не волнуйтесь! Все уже давно обговорено…

Отец Кирилл с двумя парнями скрылся в сестринском корпусе, и вскоре они вывели оттуда под руки матушку Рафаилу. Та освободила свои руки и пошла между сопровождавшими.

— Матушка Рафаила, — встал навстречу отец Лаврентий.

Та остановилась, склонив голову.

— Проходите, проходите…

Матушка Рафаила посмотрела на икону с образом Божией Матери на стене, перекрестилась.

— Скажите, матушка! А почему вы ломали дверь?

— Я уже вам объясняла, что нам надо было во что бы то ни стало с матушкой игуменьей поговорить…

— А она, что, не хотела? — съязвил секретарь.

— Видимо, так… Я вот и открыла…

— Взломала! — выпалил епископ.

— Ну ладно… ладно, открыла, взломала… А вы тоже подписывали прошение, чтобы убрать от вас Досифею? — снова поднял глаза Лаврентий.

— Подписывала…

— Но разве вы не знали, что не ваше это дело — решать, кому руководить обителью?

— Может, и не наше, но все равно.

— Вот они все какие! — снова вырвалось из епископа.

— Не мешайте!.. А скажите, вы настаиваете на своих требованиях теперь?..

— Настаиваю, я и голодать не перестала…

— Да с её-то телесами голодать можно… — затрясся епископ.

— А с вашими?.. — зыркнула на него.

— Во, дерзкая какая! Ни на грош смирения… И кто же их таких в монахини постриг?..

— Батюшка Гурий, — сказала с достоинством матушка Рафаила.

— Ладно, вот клянитесь на Библии, что будете беспрекословно подчиняться любому, кого мы поставим к вам в начальники! — показал на Библию на столе и поднял крест.

— Как это любого… Вы что, игуменью так и оставите?

— Слушайте, сестра! Я же вам только что сказал, что любому начальнику… Или вы забыли о монашеском послушании?..

— Я-то не забыла, но клясться не буду. Я монахиня прямая! В хитростях не очень-то. Мне — игуменью убирайте, а духовника батюшку Гурия оставляйте!

— Целуй Библию! Крест!

— Поцелую, если начальником будет батюшка Гурий!

— С ней все ясно, — передернулся епископ Лев, переглянувшись с секретарём.

— Да, удаляем её из монастыря!

— Это не в вашей власти, — уставилась на приезжих монахиня.

— А вот это уж в нашей… Отец Кирилл!

На пороге снова появилась фигура священника.

— Помочь собрать все поклажки, дать немного подъемных, чтобы с голоду не померла, и до ближайшей автостанции!

Двое дюжих парней подхватили матушку Рафаилу под руки и понесли.

Та мотала руками, упиралась ногами:

— Люди добрые! Помогите!..

Её пронесли по двору и утолкали в машину.

5

— Что здесь всё-таки происходит? — дернул Погожев за рукав Скорцени.

— Сектобой! Ересь выжигают… А мы подрабатываем… Еретиков, как бунтовщиков, за шиворот и навыкинштейн!

Мимо провели в корпус бледную, как простыня, матушку Анатолию.

— Скажите, зачем ключом дверь кельи игуменьи открывали? — спросил в канцелярии Анатолию епархиальный секретарь.

— Нам надо было во что бы то ни стало с ней связаться…

— Слушайте, отец Лаврентий! Да хватит вам тут, все и так ясно… Быстрей надо… А-то мы здесь до следующих петухов провозимся, — глянул на тикающие на стене часы епископ.

— Ладно… Вы тоже подписали бумагу эту? — показал длинный лист.

— Подписывала.

— Игуменью вам заменить?

— Надобно, ох как надобно…

— Удаляем из монастыря, — вновь встрял епископ.

— Как это удаляем?! — выпрямилась матушка Анатолия.

— А вот так… Не хотите устав соблюдать, так скатертью дорожка…

— Постойте, постойте! Мы с дочерью квартиру в городе продали, чтобы здесь жить, деньги на монастырь отдали, а вы…

— Тем паче, удаляем… Отец Гермоген!

В дверях появилось тучное тело протодьякона.

— То же самое: выдать паспорт и с поклажкой на ближайший поезд…

— Какой поезд? Куда удаляем?.. — у матушки Анатолии подкосились ноги, и она упала.

Протодьякон поднял ее на руки и понес.

— С ее дочерью будем беседовать? — спросил епископ Лев, ставя галочку в списке.

— Зачем? Она тоже такая же бесноватая…

— Да что же всё-таки здесь происходит? Посмотри, в каком состоянии выносят их? — снова дернул Погожев Скорцени.

— Да отцепись ты! — оборвал тот. — Самому тошно!

Скорцени происходящее тоже не нравилось. Одно дело разбираться с мужиками, а другое — с бабами, да ещё монахинями. Двух кричащих и отбивающихся насельниц епархиальные молодцы минуту уталкивали в машину. Машина, обдав всех пробензиненным дымом, тронулась к воротам. Видно было, как в салоне монахиня ударила по лицу патлатого священника и с головы святого отца в окошко вылетела скуфейка. Тот в свою очередь заехал обидчице прямо в нос.

Новых сестёр усаживали в легковые и увозили. Вот из подъезда сестринского корпуса выскочила молодая монашка и за ней отец Кирилл. Он ухватился за ее полу. Монахиня упала. Отец Кирилл на неё. Монахиня резким движением сорвала крест с груди отца Кирилла и закинула далеко в кусты. Потом легла спиной на землю, расправила руки. Эту монахиню двое батюшек попытались поднять. Но безуспешно. Тогда один из них сбегал за водой и облил её из ведра. Только тогда утолкали в епархиальный «мерседес» мокрую и чихающую брызгами монашку.

— Куда они их? — спросил Погожев.

— Пойдем отседа!

Со Скорцени направились к грузовику, у которого хватались за животы парни в пятнистом. Мимо них проспешили к домику духовника епархиальный секретарь с епископом Львом.

6

— Ну и разборки же у монахов, как у бандюг! Неужели в этой катавасии и отец Гурий как-нибудь замешан?.. — спрашивал себя Погожев.

Тут раздался пронзительный крик:

— Батюшку жгут!..

— Пожар!..

Погожев увидел, как за деревянным домиком взметнулся дымок. Дымок вспыхнул. Потух. Потом снова заалел. Огонь стал разрастаться на глазах. Священники в суматохе заметались по двору. Кто-то стучал в колокол. Кто-то бежал с ведрами. Кто-то прыгал в свою легковую и вылетал с монастырского двора.

— Идем... Лучше в источнике пока отсидимся. А то, я думаю, здесь светопреставление начинается.

— А тут разве есть источник? — спросил Скорцени.

— Святого Тихона... Я ведь здесь когда-то бесов из себя изгонял...

— А что это такое?..

— Это нечто вроде сегодняшней вакханалии...

Еще некоторое время в нерешительности — что делать: бежать за ведрами с водой или нет — стояли на монастырском дворе, выходили за ворота, а когда направились к источнику, в скитских воротах их чуть не сбил вбегавший взмыленный монах с собакой на поводке.

* * *

Проводив вереницу машин, направлявшуюся в Свято-Тихоновский монастырь, инок Ферапонт вернулся в канцелярию Задонского монастыря, где ему наказали неотлучно дежурить.

Ферапонт изредка звонил в Свято-Тихоновский монастырь и был в курсе всего происходящего там: что вывезли паломников, стали выпроваживать монахинь, что пострадал кто-то из приезжих батюшек. Поэтому, когда к нему зашел инок Роман, тот обрадованно произнес:

— Скит зачищают... Уже половину монашек выгнали. Скоро до твоего батюшки очередь дойдёт...

— Какая очередь?

— А как основного смутьяна. Ведь такую бучу заварил, что даже в самой патриархии затылки зачесались... — показал на телефон. — Только что из Москвы звонили!

— Да мели языком больше!.. Батюшка — великий богомолец, и лучшего пастыря во всей епархии не сыскать...

— Давай, давай! Талдычь мне тут... А вот посмотришь, уже вечером его ноги в скиту не будет!

— А где же он будет?

— Вот этого я уж тебе сказать не могу.

Роман удрученно вышел на двор, по которому возбужденно ходили привезенные из Свято-Тихоновского монастыря паломники. Судьба наставника волновала его не меньше своей. Утром видел колонну машин, направившихся

в сторону скита. Там были грузовики с людьми в пятнистой форме. Всё это настораживало. А что, если на самом деле те отправились, чтобы что-то сделать с монастырем? С его духовным отцом?.. Но никакое насилие не укладывалось в голове молодого инока.

— Чем озабочен, братка? — его остановил Филиппыч.

— Да об отце Гурии думаю…

— И я тоже…

Они вышли из ворот и сели на пригорке.

— Тама вон, — Филиппыч показал на покрывало леса, в глубине которого золотились купола. — Смотри, а никак уже пожар?

К небу потянулся сизый дымок.

— Не могу! — резко встал инок.

— Чего, в скит?

— Да… — оглянувшись на монастырские ворота и перекрестившись, Роман пошёл, ускоряя шаг, к дороге.

— Линду захвати! — крикнул ему вслед Филиппыч.

— Зачем?..

— На всякий случай…

Роман забежал на хоздвор и уже оттуда выскочил вместе с собакой.

— Христофор! Вперёд…

Собака, длинно выбрасывая вперед лапы, слетела с бугра и влетела в траву. Высоченный травостой прорезала полоса. Оказалась на пустыре, перевернулась и стала тереться спиной. Потом нагнала бегущего по пыльному большаку монаха, и они свернули на лесную тропу.

7

Именно с Романом чуть не столкнулся Погожев в скитских воротах. Собака, пробежав мимо парней в пятнистом, влетала на монастырский двор. Сдерживаемая поводком, повернула к дому отца Гурия.

Рядом из окон уже дымившейся трапезной выскакивали бородачи в рясах.

Линда взлетела по ступеням на второй этаж и устремилась на чернеющих в глубине коридора священников.

— Фа-с-с!..

— Отец Гурий, если ты сейчас… — брызгая слюнями над лежащим, часто дышащим и схватившимся за металлические дужки кровати батюшкой, поднял свои ручищи епископ Лев.

И тут епископская рука оказалась в клешне собачьей пасти. Епископ трубно заорал, дёрнул руку, собака повисла на ней.

— А-а!

Епископский рёв слышала вся округа.

Купавшиеся в источнике парни повыскакивали из воды. Уже подходивший к источнику вместе с Погожевым Скорцени схватился за кобуру. Больные

психушки, находящейся рядом с монастырем, стали выламывать решётки на окнах.

Вокруг отца Гурия вмиг стало пусто, загремели ботинки убегающих священников. Епископ орал и крутился на месте.

— Линда! Фу! Фу...

Роман пытался оторвать собаку.

Но та, брызгая слюнями, рыча, висела на руке. Лицо епископа кривилось от нестерпимой боли... Тот бил овчарку ногой, тянулся к подсвечнику...

— Линда!!!

Собака, слизывая кровь с клыков, отошла в сторону.

— Так их, так их, иуд архиерейских! — с передыхом восклицал отец Гурий.

— Батюшка, не бойтесь! — не мог отдышаться Роман. — Они теперь не подойдут...

— Я тебе покажу, сатана! — ещё кто-то орал с улицы.

— Где Скорцени?! — метался по двору Лаврентий.

— Сейчас, сейчас «скорая» приедет! — в келью духовника вбежала келейница Корнелия и всплеснула руками.

— Вы что здесь делаете?! — вне себя от ярости, скатился с горки и подскочил к Скорцени епархиальный секретарь. — Мы зачем вас?.. Зачем?.. Там с-собаки!.. А вы...

Скорцени, приглаживая свой всхохлившийся чуб, снимал рубашку, а Дмитрий, не спеша, сапоги.

Другие парни обсыхали около источника.

— А что?.. — невозмутимо произнес Скорцени. — Мы своё дело сделали, а собаки не по нашей части.

— Это все он, он! — подлетел отец Кирилл, тыча в Погожева.

— Гав! Гав! — протяфкал тот в ответ.

— Ну, ждите, заплатим же мы вам... — епархиальный секретарь метнулся назад, откуда слышались лай и крики:

— Караул!

— А-а...

8

Когда Погожев и Скорцени поднялись по тропе к воротам, то мимо них проехала «скорая», в которой какой-то старичок лежал на носилках, а рядом сидел повстречавшийся им в воротах монах. Из окна микроавтобуса торчала морда овчарки с длинным розовым языком.

— Вспомнил! — ударил себя по груди Дмитрий. — Это же тот парень, которому я рассказывал про Касьяныча! А тот, что лежит, — отец Гурий.

— По машинам! — скомандовал Скорцени.

Парни в пятнистом полезли в кузова, и под ропот священников грузовики покинули монастырский двор. По дороге несколько раз останавливались и

подсаживали женщин в длинных одеждах. Из рассказов расстриженных монахинь Погожев узнал, что на самом деле произошло в монастыре. Инокини не были в обиде на парней, но и радости в глазах их не было видно. У Дмитрия невольно сжимались кулаки:

— Вернуться бы и набить святым отцам морды… Нашли себе, с кем силами меряться… С монахинями…

Огонь на монастырской кухне затушили. Над двором повисла гробовая тишина. Священники еще долго что-то обсуждали, приводя себя и двор обители в порядок.

К приехавшим по чьёму-то вызову милиционерам вышел епархиальный секретарь Лаврентий и, кося взгляд, спросил:

— А разве что-то случилось?

— Да вот, звонили… — высунулся из «уазика» капитан с гусиным профилем.

— Это просто пошутили. Нескольких сестер и одного свихнувшегося из монастыря отправили куда следует…

— А, бывает, бывает, — промычал капитан и скомандовал водителю:

— Разворачивайся!

Дежурка заверещала в лес, который вовсю раскачивало налетевшим порывистым ветром, гнавшим по небу белогривые облака и пытавшимся то ли кого-то догнать, то ли что-то сокрушить, а может, и вырвать с корнем.

9

Опоздай «скорая» на немного, помощь врачей уже не понадобилась бы. В больнице отца Гурия сразу поместили в палату интенсивной терапии. Рядом с ним неотлучно дежурила его келейница Корнелия, которая во всем помогала медицинским сестрам. Две недели она выхаживала батюшку и выходила.

Другие монастырские изгнанницы разъехались по знакомым и родственникам. Сестре же Анатолии и ее дочери ехать было некуда (квартиру они продали, уходя в монастырь), и они дневали и ночевали на вокзале, куда монастырские паломники приносили им пищу для пропитания.

После всего случившегося Роману путь в Задонский монастырь был заказан. Не ждали его и ни в какой другой обители. Да и после увиденного ему не хотелось более находиться в травмировавшей его душу монастырской среде.

А куда теперь?

Домой?

Не до тепла ему материнского…

Вспомнив про предложение мичмана, безысходно поехал в военкомат.

— А, не запылился, голубчик!.. — преобразился бородатый. — Я знал, что ты все равно придешь… Не ты первый, и не ты последний… Баксы всем нужны. Ну, куда? В Абхазию? Карабах? В Памир на крышу мира?..

— Мне в Сербию…

— Что, всё-таки к братанам-православным потянуло… Ну, да ладно… Мне-то какая разница… Теперь и туда добровольцы треба… Только все, что между нами, никому! Сам понимаешь, что про это никто не должен знать… А я хлопочу от чистого сердца…

Из военкомата Роман вышел уже с мелко исписанным рекомендательным письмом. Хотелось заехать домой и попрощаться с матерью, но, представив, что станет с ней при таком известии, проехал квартал со своим домом:

— Либо напишу, либо вернусь с орденом…

В больнице разыскал отца Гурия.

— Значит, решился… Понимаю, понимаю, — проговорил батюшка. — Я и сам, будь помоложе, туда бы теперь подался… Там свежего воздуха больше. А здесь, сам видел… Всё дурно пахнет… Ну что же, утвердись там! Это будет твоё настоящее испытание! Подвиг!

— Как у Фёдора Стратилата?

— Может, как у Фёдора Стратилата, — глаза отца Гурия заслезились.

— Батюшка, а как всё-таки вы?

— За меня не волнуйся… Я к зарубежникам[2] подаюсь… Вот, на севере нам с сёстрами брошенную обитель приглядели… Туда мы и поедем…

— Батюшка, молитесь за меня!

— Дай, я тебя на дорогу… — приподнялся с кровати и, притянув к себе, крепко поцеловал трижды в лоб, а потом перекрестил:

— Ступай с Богом!..

Корнелия проводила инока тоже со слезами на глазах.

10

— А это что за явление? — Скорцени, вытаращив глаза, смотрел на Романа в рясе и с собакой на поводке.

— Послали к вам… — произнес Роман как бы виновато.

— Кого я вижу! — заметив монаха, выскочил к шлагбауму Погожев. — Это, выходит, ты отца Гурия спас?..

Помахал оскалившейся собаке.

— Ну, ладно, ладно… Чего молчите, шеф? Да таких воинов с оркестром встречать надо! Ведь перед вами монах! Пересвет! Помните, татарского Челубея выбил из седла? К тому же не пьет, не курит, любой приказ выполняет…

— Заткнись, тарахтелка! — разглядывал новичка Скорцени. — Как бы он при первом же выстреле в штаны не наложил… Видел я этих мусульман, молящихся… А потом разбегающихся…

— Обижаете, мы же православные! — хлопнул себе в грудь Погожев и добавил: — Я его беру под свою опеку, и сами скоро убедитесь, что за инок к нам пришёл…

— Смотри, я тебя за язык не тянул, — проговорил Скорцени. — А не получится, в один минут выгоню.

---

[2] Зарубежники — представители зарубежной православной церкви.

Роману пришлось многое изменить в своём образе жизни, и теперь каждый его день был заполнен военными тренировками. Все давалось с трудом. От бесконечных пробежек, подтягиваний, отжиманий, стрельбы губы покрылись коростой, руки мозолями, а ноги и спина с непривычки ныли.

Готовил и собаку. Во время учебных стрельб водил её вокруг поля, чтобы привыкала к выстрелам.

— На мины натаскивай! — сказал Скорцени.

Роман ставил Линду рядом со своей ногой. Тротиловую шашку поднесет ей под нос:

— Нюхай!

И закопает в сторонке.

Линда потом долго ходит, ищет, найдет и уляжется рядом около засыпанной ямки, виляя хвостом.

В напряженных тренировках пронеслась осень. А их все не отправляли. Дмитрий с Романом уже собирались своим ходом добираться до Балкан, когда однажды вечером лагерь облетела долгожданная весть:

— Утром борт на Сербию!

Роман пошел в лес. На глинистой заимке сгрёб горсть земли, умял её в четырёхугольный мешочек параманного креста, который с пострига в монахи носил на теле, зашил и подтянул натянувшиеся от веса веревочки.

Рассветная изморозь сковала поле. По опущенному на бетонку помосту в брюхо четырехмоторного лайнера втаскивали огромные тюки гуманитарного груза, цепочкой вбегали люди в камуфляжной форме, и вот за последней фигурой с рюкзаком прошмыгнула собака.

Задник поднялся. Самолет загудел. Гул перешел в свист, и пузатая махина, разбежавшись, медленно всплыла в блеклое небо.

— С Богом, ребята! — махал рукой с бровки полосы Скорцени.

Стоящий рядом с ним бородатый мичман пересчитал долларовую пачку и облизнулся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЗА ДРУГИ СВОЯ…

1

Роман покачивался на деревянном сиденье грузовика и, держась за цевье автомата, думал: правильно ли он поступил? Не погорячился ли? Ведь мог остаться с отцом Гурием и сейчас бы восстанавливал северную обитель. И молился, не имея и понятия о страхе, который отныне подкарауливал его из-за каждого дерева и каждого куста. Он, человек самого мирного поприща, монах, связал свою судьбу с самым немирным делом.

Обогнали колонну солдат. Навстречу заскрипели повозки со скарбом, засигналили допотопные легковушки, загруженные сверху, словно стогами сена,

вещами… Беженцы… В ложбине мелькнул своим чёрным днищем скинутый с обочины и сожженный автобус.

Изредка поглядывал на упёршуюся мордой в сапог Линду:

— Ну что, Христофорушка! В путь. Покой нам только снится…

Переводил взгляд на кемарящего у него на плече Погожева:

— Вот ему-то ничего… Он снова в своей стихии…

Тот, посапывая, сквозь сон улыбался.

Поднимаясь в гору, попали в туман. Обзор сократился до видимости в парной. Не более десяти метров. На календаре еще была зима, а вокруг, как весной или осенью, непрозрачный воздух. И, как в самолете, можно было забыться.

Изредка в парящих промывах брезжил снежный лужок, восседал на скале серый валун, наезжала хвойная стена, проплывали обледенелые колёса и тросы горнолыжного подъемника…

Вывалились из парных облаков. Вокруг растянулась перевалистая ковровая, кое-где подснеженная красотища. Горы черные-черные, снежники белые-белые.

Проехали село с халупами, хибарами, как у них в российской глубинке и ничуть не лучше, разве что цвет крыш непривычный — рыжий от черепиц. А так все такие знакомые виды. И запахи — коров, овец, свиней, навоза у сараюшек.

Пошли на спуск. Попали в ущелье с узким просветом над головой. Леса сменились на булыжниковые плато. Вокруг зачернели каменные лбы, и среди них дома в пол-этажа, как бы врытые в землю. Всё пряталось в этих краях от ветра. И людей что-то не видать. Только вот остановят машину и слышно:

— Дозвола?

«Пропуск», — догадался Роман.

И дальше в путь.

В полдень стали подниматься на лысый перевал, и вот вдали тусклой границей очертилась линия моря. Рыча, машина еще долго карабкалась по склонам, съезжала вниз и, наконец, остановилась на лесной опушке.

— Братки! — ступил навстречу мощный мужчина в кожане, сапогах и папахе, с цигаркой в зубах и пулеметной лентой через плечо. Правая кисть у него была забинтована.

Это был Душан, в отряд которого прибыло пополнение.

— Добре дошли! — сказал Душан.

Из темени леса появились несколько мужчин в военной форме без опознавательных знаков.

— С собакой, ко мне! — сказал крепкий, выступивший вперёд высокий парень, заметив в кузове морду.

«Откуда такая чистая русская речь?» — подумал Роман.

— Зарко Дражкович! — представился тот. — Пойдете ко мне?

— Да нам выбирать не приходится... Меня звать Роман, это — Линда, а это — Погожев.

Дражкович обхлопал парней по плечам.

— А что такое «добре дошли»? — спросил Роман.

— Добро пожаловать, — живо улыбнулся Зарко.

2

Новобранцы по покрытому лишайником плато пошли навстречу пронизывающему ветру.

— Да я ведь русских туристов возил, — говорил Зарко. — Вот и знаю русский...

Спрыгнули в неожиданно начавшуюся траншею.

— Русс!

— Русс!

Их приветствовали редкие зябнущие в шинелях военные.

— Ну и дует же! — аж клонился Погожев.

— А это с моря, — Зарко показал на черную полосу залива.

Вскоре он отдёрнул плащ-палатку в блиндаж с брёвнами сверху:

— Это наша хатка. Как там у вас? Хата. Хатка...

— Хатёнка, — засмеялся Дмитрий, сразу подавшись к огромной бочке, в которой полыхали угольки.

— Ребяты сделали!.. Ну, сидайте...

Погожев надел на себя все тёплые вещи. Завозился в своей поклаже Роман. Линда обошла и обнюхала маленькую землянку, торкнулась носом в поддувало и улеглась в ноги хозяину.

— Здесь, того и жди, ветер всех выдует... Так куда же мы попали, Зарко?..

— Вы, другови мои, — закурил Дражкович, — находитесь на границе Крайины... Это наша исконная славянская земля... Которую от нас хотят забрать хорваты... Вот мы её здесь и защищаем... Мы на границе славянского мира. А дальше папские недоумки...

Роман и Дмитрий переглянулись: вот куда их забросила судьба. На стык двух мировых религий, из столетия в столетие конфликтующих между собой. На самый западный окраек православного мира. В форпост.

В блиндаж заглянул Душан.

— А это наш старшой!

Душан уселся на единственный стул в виде пня:

— Так, доручек нам!

Зарко засуетился около печки.

— А что такое доручек? — спросил Роман.

— Завтрак, значит, — объяснил Зарко.

Душан отстегнул от своего пояса фляжку, плеснул из неё в стакан:

— На, глотни, русс! — протянул Погожеву, который её мигом осушил и облизнулся:

— Ракия?..

— Ракия! Ракия! — засмеялся Душан и, наполнив стакан, посмотрел на Романа.

Тот замахал руками.

— Склонься ко мне, молодатый! — потянул к себе голову Романа Душан. — Вина не допье, жену не доебе...

— Да он монах! — заржал Погожев.

— Монах? А вот-вот... — Душан потрогал пальцами чёрную одежду на Романе.

— Я за него! — Погожев оглушил второй стакан.

— А это тоже доброволка? — Душан посмотрел на собаку, которая заурчала.

— А, добре, добре псина...

3

— Вон там хорваты, — Зарко показывал на разрушенный мост через пролив. — Они оттуда часто атакуют. А вон там во фруктовом саду, — показал в другую сторону, на обрубленные ветки, воронки, — тоже они. А за той горой моё сеоце, село. Там остались жена и двое дочерей.

— А что они не ушли? — спросил Роман, вглядываясь в завораживающую серость гор над бирюзовым языком залива.

— А как, там ведь хозяйство... Его ведь не оставишь... Да, предупреждаю, ходить здесь опасно. Кругом мины. На прошлой неделе двоих разорвало. Паштет...

— Мины вокруг ставят, — пояснил Погожев. — А взрывается одна, и за ней все другие!

— Ты, я вижу, уже стреляный! — произнёс Дражкович.

— Ещё бы... Можно сказать, с восточной границы православного мира попал на западную... — швыркая носом, проговорил Погожев.

— Айда, а то либо продрогнем, либо нас снайпер заметит...

Пригибаясь, один за другим перебегая открытые места, спустились со взгорка. Кругом было тихо-тихо, и не верилось, что и на этом пятачке земли время от времени звучали выстрелы и шли друг на друга иноверцы, внешне похожие один на другого.

Потекла обычная военная жизнь. Кто за передним краем хорватов наблюдал, кто по хозяйству был занят, кто отдыхал. Иногда наведывался Душан и уводил с собой Зарко. Тот был ещё и охотником, и прекрасно знал все близлежащие места.

Погожев сначала воспринял Зарко прохладно. Он ведь сам бывший лейтенант российской армии, потом лейтенант карабахской, побывал в Абхазии, в Приднестровье, а тут поставили над ним сержанта, можно сказать, младшего чина, и тот команды раздаёт. Он уже подумывал пойти к Душану и попроситься хотя бы под начало к какому-нибудь офицеру, как был сражён поступком За-

рко. Тот выставил на стол кожаную бадейку с ракией. В российской армии и карабахской с выпивкой дело обстояло строго: там тоже пили, но с этим и боролись. А здесь — сам командир проставляется!

— За сербов!..

— За братьев!..

Потом Погожев, путаясь в словах, называл Зарко то Касьянычем, то Бульбой, то Здравко. И уже напрочь забыл про гложущее желание уйти под начало другого.

Роман, если и пробовал вино, то только из приличия. Ему было не до питья. Он никак не мог себе представить то, как сможет выстрелить в человека. Сама мысль об этом приводила в ужас.

С одной стороны, не убий. Заповедь. А с другой — ведь и Фёдор Стратилат был доблестным воином и, видимо, убил не одного противника Рима... А сколько православных воинов и убивали, и стреляли?..

4

Всех разбудил лай Линды. Прятавшийся от ледяного ветра в глубь траншеи Дмитрий высунул голову из-за бруствера и ахнул: по склону горы, уже метрах в ста, перебегая от камня к камню, мелькали фигуры.

Он схватил автомат и прилип к проему в насыпи. Нажал на пусковой крючок. Дуло автомата запрыгало.

В следующие десять секунд уже рядом поливал Зарко.

— Что телишься? Что? — рявкнул Погожев на застывшего у отдернутой плащ-палатки Романа. — Живо туда!

Роман прошёл к развёрстой щели. На него бежали несколько человек. Он передернул затвор. Навёл мушку. В ней запрыгало рыжее лицо. Опустил мушку. И тут Романа обдало песком. Он съехал в траншею. Увидел, как Зарко через него кинул гранату.

— Неси патроны! — заорал Погожев, гневно глянув на бледного Романа.

Тот метнулся в блиндаж, принес горсть.

— Магазин заряжай!..

Роман трясущимися руками пытался вжать патроны в пружинящую металлическую расщелинку.

— Дай! — Погожев выхватил и со злости толкнул Романа ногой.

Тот, пряча лицо, нырнул в блиндаж. Наверху стреляли. Роман вдавился в угол, обхватил руками лежащую, часто дышащую, как после длительной пробежки, Линду и что-то забубнил.

Когда выстрелы стали редеть, ввалился весь потный Погожев:

— Ну, что, ссыкло! Когда же ты свое воинское послушание выполнять будешь?..

— Не трожь его, — сказал появившийся следом Зарко. — Я тоже в первого зайца не мог выстрелить!

— Чуть не ухандокали нас… — плевался Погожев. — Я таких, как ты, в Карабахе, знаешь, как учил…

После того как Погожев в запале горячности рассказал, как линчевал мусульман, Роману совсем стало плохо. Он волчонком ощерился на Погожева.

— Монашек сраный!..

Губы у Романа затряслись. Если бы не прижавшаяся к нему рычащая Линда, он бы кинулся на обидчика.

5

Роман ещё не пришёл в себя, как посыпали мины. Вокруг полетели комья земли вперемешку со снегом. Глаза защипал дым. Нос забил тухлый запах взрывчатки.

Только улегся черный шлейф от первой гранатной атаки, как бруствер заплясал от мин более крупного калибра. По ходам сообщения засвистели осколки.

В блиндаже безопаснее — над головой два наката бревен, — но вот что-то заухало, и блиндаж от взрывов закачался, как зыбка.

— Проснулась нечисть! — слал в накат Погожев.

Возле блиндажа рвануло, и выход завалило землёй. Осталась только небольшая щель.

— Надо откапываться!.. — Погожев потянулся за миской. — А то сейчас снова полезут…

Заработал проворно, молча.

Рядом Роман — руками.

Наверху послышался топот ног.

Кто это?

Погожев — быстрее разгребать. Роман — резче: а руки жжёт, будто горячие угли. Рядом Линда лапами.

Глаза Дмитрия упёрлись в широченную спину. Плечи спины тряслись от очередей.

— Хорват!

Схватив карабин, Погожев нажал на спусковой крючок — выстрела не последовало. Забитый песком затвор заело.

Плечи пулеметчика тряслись.

Роман молча достал гранату, выдернул чеку и швырнул ее в щель…

— Тр-рах!..

Погожев упёрся спиной в прочную стойку и ногами раздвинул проход. Выскочив к лежащему, схватил его оружие.

Но куда стрелять? Кругом густая дымная мгла.

Вот заметил бегущих назад и отстреливающихся солдат. Хорваты… Давай поливать.

— Как Роман? — подбежал Зарко.

— Да жив твой Роман Бредопевец...

— А тебя за спанье на посту следует к дереву, — зло выругался Зарко. — Если бы не залаяла Линда...

— Слушай, Зарко, но ведь ветер какой... — стал оправдываться Погожев.

Роман выбрался из блиндажа и налитыми солоноватой жидкостью глазами разглядывал свою первую жертву, тело которой валялось на блиндаже, а ногу отбросило за бруствер. Потом правой рукой выполнил уже почти забытое крестное знамение.

6

Теперь Роман искал себе уединенное место. В траншее или в блиндаже ему постоянно кто-то мешал. Приглядев низину за склоном с виноградником, он спустился в ущелье к густым можжевеловым кустам, за которыми слышалось плескание речки.

Связал из двух веток крест, прикрепил к низкому стволу дерева, припал коленями на землю. Долго молился, не слыша ни шума воды, ни воя ветра. Уже в сумерках вернулся в расположение отряда.

— Ты смотри, а то тебя ещё хорваты сцапают! — недовольно пробурчал Погожев.

— А я в следующий раз Линду с собой возьму.

Стал бегать к ручью с собакой. Спустятся, Роман склонится перед ветками и молится, а Линда вытянется рядом за камнем и лежит, вроде как отдыхая.

Погода испортилась. Солнце не показывалось несколько дней. И вот вечером Зарко сказал:

— Ночью атакуем!

— Почему ночью? — спросил Погожев.

— Так надо...

Роман лежал на бруствере и всматривался в покрытую редким снегом высоту, которую то смазывала плотная, сырая хмарь, то эту хмарь сдувало. А Романа не покидало волнение. Волнение перехватывало дыхание, теснило грудь.

Вперёд просочились солдаты в горчичных армейских шинелях и залегли.

Гнетущую тишину дополнило дыхание слева — это был Зарко, дыхание справа — это Погожев. В блиндаже скулила Линда.

— Христофор! Ты — дома!

Шинели впереди двинулись, словно призраки.

Распоров тишину, затрещал пулемет. Взорвалась граната, и снова стало тихо. Треснуло, раскололось небо, и высота покрылась дымками.

— Пош-шли! — скомандовал Зарко.

Поднялись из траншеи.

Роман бежал, слыша частое дыхание по бокам. И уже ни волнения, ни прежнего страха.

Шинели впереди пропали. Они — следом. Временами то тут, то там трещали редкие очереди.

Кто-то протяжно застонал. Роман повернул на крик и увидел извивавшегося на земле серба, увёртывавшегося от нацеленного на него хорватского штыка. Нажал на спусковой крючок, и хорват упал, воткнув штык рядом с ногой солдата.

Оглянувшись, увидел дуло и прыгнул в сторону. Пули хлопнули по веткам куста.

Тут прямо на траншею стали падать мины. Хорваты заранее пристреляли высоту и теперь с поразительной точностью, не жалея ни своих, ни противника, расстреливали всех находившихся на ней.

7

Зарко с добровольцами спрятались в трехнакатный блиндаж противника, где в беспорядке валялись матрасы, банки из-под пива, плоские бутыли бренди... Когда пыл миномётчиков противника угас, Роман сходил за Линдой.

К ним заглянул Душан:

— Се населье![3]

Видимо, Душан подсчитывал потери отряда. Потери потерями, зато теперь фруктовый сад на главенствующей в округе высоте был в руках крайинцев.

— И мойа домовина ближе! — обрадованно произнёс Зарко, перевязывая руку, которую чиркнула пуля.

Ветер с моря помёл снег. Находиться на высоте стало невозможно. Сменившись на посту, Роман скомандовал:

— Линда, вперёд!

Они выскочили из траншеи и, быстро перебегая простреливаемое плато от камня к камню, спустились к грабовым деревьям, серым и тоже как бы каменным. По тропе свернули к ущелью. Попали в сущую туманную хмарь.

Роман ступал, высоко поднимая ноги. Смолистая, вязкая мгла казалась бесконечной. Бесконечной потому, что не за что было уцепиться глазу, не было никакого зрительного ориентира. Стало жутко, по телу побежал колючий озноб. Сделаешь неверный шаг и провалишься в пропасть. Может, вернуться? Да нет. Он давно уже не молился...

За кустами можжевельника послышался шум речки. Забрезжил просвет с привязанным когда-то им крестом. Молясь, он не заметил, как спала дымка и на другой стороне речки проявились кусты. Невольно глянул в сторону и у самой воды увидел склонившегося с фляжкой хорвата. Тот его в тумане еще не видел... Здоровенный, носатый...

Хорват заметил его. Потянулся рукой к кусту, у которого лежал автомат.

Роман отчетливо видел волосатую переносицу, расширенные глаза. Но он-то не вооружен! Не ожидал в глухом месте встретить кого-то.

Хорват дёрнулся — рука не доставала до приклада. Ботинки его подвели, скользнули по мокрому валуну — и он поехал вниз.

---

[3] Се населье — в переводе с сербского «с новосельем».

Справа кто-то рысью прыгнул на хорвата и сбил в воду. Всплеснув руками, тот пытался выбраться. Пятнистая шкура накрыла его шею. Хорват забился, погрузился в воду с головой, вырвался на мгновение, замахал кистью и скрылся совсем. Лишь помятая пилотка, покачиваясь, поплыла по течению.

— Линда! Ко мне…

Собака, осыпаясь брызгами, подбежала к хозяину.

— Скорее отсюда! Он, может, не один…

Побежали вверх по тропе, каждое мгновение ожидая автоматной очереди в спину.

О случившемся Роман рассказал Зарко, и тот подергал его за ухо:

— Тебя, что, учить надо, как маленького, что надо брать хотя бы «калашник»?

Роман хотел было возразить, что не дело молиться с автоматом, но отныне ходил к ручью вооружившись и почему-то всегда в своих молитвах поминал и этого неудачливого вояку, поскользнувшегося на камнях.

8

Зарко часто поглядывал за хребет, где было его село, и однажды, заметив дым над горой, сказал:

— Мне домой надо наведаться…

— А нас не возьмешь? — спросил его Погожев.

— Я один…

Он ушёл на день, а вернулся через три. Лицо было бледно-зелёным, руки в ссадинах, опухшие, а под ногтями тёмная канва не то от грязи, не то от запёкшейся крови.

Ничего не сказал, лишь поместил в верхний уголок землянки фотокарточку с изображением приветливой женщины в белом платке и двух девочек с косичками, потом сел, закрыл лицо руками и заплакал.

Не ел, не пил и только всё теребил Рому:

— Помолись за…

Вскоре от Душана они узнали, что даже детей не пожалели «усташи»: стреляли по ногам малюток — ступни так и отлетели. Показал Душан документы хорватского офицера и двух сержантов, которых Дражкович заставил рыть могилы жене и дочерям, а потом гнал по лесу и одного за другим приканчивал.

Зарко стал беспокойным, настырным и злым. При случае и без случая теперь ругал Дмитрия и Романа:

— Хватит сопли сушить! Надо «усташей»…

Снайпер попал Линде в ухо. Дражкович принес винтовку с оптическим прицелом и сунул Погожеву:

— Глаза протри!

Несколько дней Дмитрий высматривал стрелка, пока не обнаружил между камнем и ветками можжевельника защитный щиток. Изредка в отверстии щитка поблёскивал зрачок окуляра. Надо было выжидать…

Вот над щитком появилось две каски.

— Хавать принесли?.. Ну, я тебе похаваю…

Но какая из них голова снайпера? Что-то блеснуло. Стакан. Вот тот запрокинул голову. Допивает последний глоток… Нажал на спуск. Голова опрокинулась назад, а стакан блеснул в кустах…

Дражковича постоянно куда-то гнало. Он на недели уходил в тыл противника, прихватывая Романа и Линду. Собака часто выручала, находя мины, учуивая хорватов в самых неожиданных местах. Про эту троицу с одноухой овчаркой ходили легенды. Хорваты за голову любого из них обещали приличную сумму. Но им пока везло, и они сухими выходили из самых опасных переделок.

Гибли солдаты, офицеры, добровольцы. Роман отпевал их, понимая теперь, что неспроста его нарекли когда-то Романом Сладкопевцем. Его ранее слабый голос теперь обрёл силу, звучал ладно и высоко над ставшей дорогой и близкой горной страной.

9

Сыпались сообщения о том, что в Боснии мусульманами сожжено и вырезано одно сербское селение, другое, число убитых исчислялось сотнями. Жертвами становились мирные люди, старики и дети. Одному старику выбили челюсть, сломали руки и ноги, перерезали горло от правого уха до левого, подвесили за живот и потом ещё выстрелили четыре раза в голову.

— Вы как хотите, а я туда! — сказал Погожев. — Видно, мне не избежать новой встречи с воинами Аллаха…

— И я с тобой! — стал собираться Дражкович.

— А как вы будете без нас? — Роман потянул за ошейник Линду.

Они вместились в кузов первого же грузовика, отправлявшегося в Боснию. Машина долго лезла по извилистой дороге, за бортом которой плыли уже как бы знакомые картины. Проезжали села с церквями без маковок и крестов. Стены домов были обрызганы тысячами осколков и пуль. На въездах и выездах их останавливал патруль и проверял документы.

На пустой улице одного безжизненного городка Роман увидел танк с надписью на башне: «Пусти ме да гинем!».

«Пусти меня погибнуть», — перевелось мгновенно.

По лесу, где еще недавно прятались мусульманские снайперы, увеличили скорость.

— Пусти ме да гинем! — бубнил Роман.

Из-за горы затемнела черная туча. Захлестал дождь с грозой.

Просветлело лишь к вечеру. Солнечные лучи не спеша прогревали воздух, подсушивали намокшие бушлаты. Вокруг парила теплом влажная земля.

Въехали в мощный хвойный лес, перемежаемый низким подросом. Заметили хмурых пленных мусульман, пилящих сосны под присмотром сербских

солдат. Повсюду среди деревьев рыли землянки, клали накат из бревен и поверху набрасывали землю. Амбразуры смотрели на странный город с домами без крыш, затянутый туманной пеленой.

Командир этого участка фронта полковник Миня, небольшого роста, небритый, нервный, с красными глазами черногорский серб, послал приезжих размещаться в барак.

Устроились в комнате с буржуйкой, в которой одеяло заменяло дверь. Разложили вдоль стены боеприпасы. Растопили печь и развесили сушиться мокрые вещи. Линда улеглась рядом с буржуйкой и сразу засопела.

Хотелось с дороги отдохнуть, но гонг сорвал с коек. В считанные секунды уже были в траншеях. По склону саранчой лезли мусульмане.

— Ну, ко мне! Ко мне! — Зарко лежал за пулеметом, в котором быстро укорачивалась лента патронов.

Вокруг валялось так много гильз различных калибров, что в нескольких местах они ковром покрыли землю, подобно опавшим листьям.

Атака захлебнулась, но Зарко не унимался, теперь уже выборочно доставая одного убегавшего мусульманина за другим. Сзади вперед пробежали солдаты. Зарко подхватил свой пулемёт и — следом. Сбоку запрыгали фигуры Романа и Дмитрия. Вот они оказались в низине, где лобовой огонь с высоты напротив уже не брал — мёртвое пространство.

Вперед, на крутой склон. Перед глазами замелькали ноги в ботинках. Это противник. Он поворачивался и, отстреливаясь, бежал дальше.

Зарко приподнял пулемёт. Бегун перепрыгнул через окоп, еще раз развернулся и бросил, как показалось, черный комок. Зарко обдало жаром. С ходу свалился на землю. Не зная почему, потянул руки к отлетевшей в сторону пилотке... Кто-то наступил на нее... Стукнул в живот... Голова закружилась, будто он на карусели. И вот «карусель» стала набирать скорость... Что-то кольнуло в спину ниже поясницы... Пощупал: кровь... К горлу подступила тошнота... В глазах — обрыв, гора, чья-то фигура кружится...

Кто-то стал трясти за плечи. Резкий запах ударил в нос. Въелся в глаза... В глазах просветлело... Небо, горы, обрыв перестали вращаться...

10

Дмитрий с Романом в волне атакующих, преодолев подъём, взбежали на высоту и оказались на окраине города. Залегли у перевёрнутого взрывом автобуса. Далее можно было пробираться вдоль высокой дорожной насыпи.

За автобусом застрочил пулемет. Погожев бросил гранату и — прыжками в кювет. Роман за ним. Пули просвистели прямо над головами. Вот желоб водостока. В него. Поползли, не зная, куда он ведет.

Где-то клокотала стрельба, рвались мины, каждый взрыв отдавался над головой. Они оказались в настоящей ловушке — дай по ней очередь и не промажешь...

Вылезли. Рядом дом обугленный, без крыши. Черные скелеты стен... И речь непонятная. Спинами к ним несколько мусульман стреляли в мелькающие вдали фигурки.

Погожев с ходу выпустил по врагу целый рожок. Заскочили в окно. И тут Роман остановился. В углу в куче мусора он увидел женское тело с опаленными волосами и сожженными до самой кости пальцами рук... Повернул тело — под правой грудью чернело несколько пулевых отверстий.

— Сблизи стреляли!

Около тело мальчика с ножевой раной в грудке. Романа закачало. Он огляделся: а там ещё крошечный трупик с выколотыми глазами... В бессилии осел.

— Вперёд! — не в силах что-то сделать, заорал на него Погожев.

Смрадный запах в комнате не могли заглушить влетающие с улицы в разбитые окна дым и гарь.

— Боже! Да разве возможно такое? — Роман возносил руки к небу.

Вокруг был глухой лес. Рядом дышала, болтая длинным языком, Линда.

— Ведь всё же происходит по Твоей воле! Так скажи, зачем она у Тебя такая?.. Неужели, неужели нельзя всё остановить? Неужели Ты не пожалел малюток?.. Или Ты ослеп?.. Или стал бессердечным... Или это так и должно быть?..

Возгласы ещё долго раздавались над глухой лесной пустошью. Выла собака, монах продолжал молиться и кого-то надрывно призывать. Неуёмно клал поклоны: вставал и снова опускался. Ему казалось, что землю бросили на произвол дикой судьбы, судьбы, у которой нет иного, кроме смерти, выхода.

11

В висках Зарко гудело, шумели разные голоса, перед глазами еще плавали разноцветные круги... И под грудной клеткой жарило, словно в глинобитной печке... Дело шло на поправку, но не так быстро, как он бы этого желал.

Кто-то что-то делал у него на груди... Рыщет?

Открыв глаза, он увидел перед собой Романа. Тот застёгивал у него пуговицы.

— Живой!

Роман обнял лежащего на койке. Осторожно потрогал корону бинтов на голове. И виновато произнёс:

— Зарко! Мы скоро уходим на дело. Нам наш полковник уже задачу поставил. Так что, если не вернёмся...

Глаза Дражковича взмолились.

— Подождите меня. Я вот-вот оклемаюсь...

Задание для группы Зарко было привычным — взорвать вражеский склад. Там мусульмане копили оружие, боеприпасы, которые потом использовали против сербов.

— Линду берём?

— А как же…

Углубились в лес. На перекате перебрались вброд через речку. Долго шли вдоль густого склона, потом лезли на скалу. Пересекли дорогу, снова завиляли по тропе.

Вдруг бегущая впереди собака присела у кочки.

— Мина! — крикнул Роман.

Погожев прошел вперед, разгреб землю в одном месте, потом в другом:

— Паштет!

— Мины по кругу… — насторожился Зарко.

Погожев достал фляжку с ракией, глотнул и протянул Дражковичу. Вскоре замаячила роща. И, словно приклеенный к валуну, дощатый домик. Всмотрелись в зелень, где возвышалась замаскированная пожелтевшим дёрном землянка. Из неё вышли двое. Один длинноногий, сутуловатый, с подсумками на поясе. Второй пониже. Поверх формы на последнем белел засаленный передник. Они сходили в кусты и вернулись.

— Вон там склады! — Зарко показал на ельник.

Дверь землянки по-кошачьи взвизгнула. Снова показался человек в переднике. Погожев прыгнул на него сзади. А в следующий момент вход в землянку был уже распахнут, и туда на адские крики полетела граната.

Тр-рах!

Роман — в землянку. Чад. Дым. Духота. Вокруг стола тела разбросаны. Но тут один «убитый» зашевелился и потянулся к ножу. Роман нацелил ему прямо в лоб дуло и нажал курок.

Когда за спинами поднялись огромные столбы черного дыма полыхающего склада, ускорили шаг. Кругом ни звука, ни шороха. И даже в небе ни единой птицы.

Пошли змейкой. Впереди Линда, потом Зарко, Роман и Погожев. Подойдя к шоссе, залегли в кустах. Надо оглядеться. Зарко перебежал дорогу. Погожев направился следом, и, когда уже был на середине полотна, из-за скалы появилась бронемашина. Погожев скатился в кювет, и они с Зарко устремились на холм.

Бронемашина остановилась. На дорогу высыпали солдаты.

12

Роман залёг у обочины. Двое мусульман пошли по дороге. Роману показалось, что на него смотрит каждое дерево, каждый куст. Двое шли в его сторону, но не замечали его. Роман дал короткую очередь. Один, словно подкошенный, упал. Второй, размахивая руками, бросился назад.

Кирпишин — на асфальт, но прямо перед ним защёлкали пули. Назад. За камень. В лес. Видел, как за ним побежали несколько человек.

По тропе нельзя — там мины. Нарвешься без Линды. На склон. Выше. Выше. Выглянул из-за куста — внизу мелькали фигурки. Много их. Над голо-

вой просвистело. За камни. Перебежками. Впереди показались еще фигурки. Откуда они? Обошли... Глянул на поднимавшийся дымный шлейф пылающего склада. Рядом словно из-под земли вырос мусульманин. Прыгая в яму и стреляя на лету, почувствовал, как плетью ударилась оземь рука с автоматом.

Не мог сообразить — почему рука. Перекатом за камни. Левая рука, в которой держал автомат, повисла. Ноги несли сами собой по прямой к камням. Еще мгновение, и он за камнями! По булыжникам захлопали пули. Скосив глаза, посмотрел на пальцы... Они посинели, но не разжались. Крепко держали шейку приклада. Пытаясь приподнять автомат, пошевелил только предплечьем... Тут обжигающая боль ошпарила все тело. Даже в горле вспыхнул жар. Всё стало казаться красным. Взял автомат в правую руку. Он тоже стал красным.

Смутно видел, как за кустами ползли мусульмане. Больно ударило по ногам, и в глазах вспыхнули золотистые зарницы. Зарницы рассыпались на тысячи фейерверков.

— Пусти ме да гинем...

13

Давно смолкли выстрелы. Линда бежала впереди Зарко и Дмитрия. Они взобрались на склон, огляделись, увидели в ста метрах у камней много людей. Прижались к земле. Из их рваной речи ничего нельзя было понять.

— Косим? — спросил Погожев.

— Подождем...

Они лежали в кустах и наблюдали, как люди, махая руками, что-то бурно обсуждали. Потом к ним подошли еще несколько человек. Напрягая зрение, Зарко всматривался в происходящее, но понять ничего не мог.

Что там с Ромой?.. Ранен?..

— Ну, давай, — теребил его Дмитрий.

На ремешке скулила Линда.

— Нет больше любви, чем погибнуть за друга! — Погожев поднялся.

Зарко сильно ухватил его за руку и прошипел:

— Легкой смерти ищешь! Чёрта с два... Я за своих девочек еще не расквитался...

Тут Линда вырвалась, и её хвост заметался по высокой траве. Зарко с силой прижал к земле Погожева. Собака, преодолев короткое расстояние, врезалась в толпу. Кто-то заорал. Кто-то завизжал. Толпа как бы развалилась. Фигуры кинулись наутек. Раздалась очередь. Потом вой. Снова очередь. И визг.

— А-а!.. — Погожев вдавился кулаками в землю.

Пролежав еще час в кустах, они видели, как чьё-то тело положили на плащ-палатку и пронесли в боковой отвилок. А на опустевшем взгорке осталась лежать собака с размозжённой головой и бордовыми пятнами на шкуре.

При тусклом закатном свете Зарко опустил Линду в выкопанную яму (Погожев ушёл в кусты, сидел там недвижимо, вздрагивая плечами и что-то бубня) и стал засыпать каменистой глиной. Сверху воткнул худенькое деревце, которое затрепетало на ветру своими крошечными листочками, словно туча бабочек вдруг замахала своими крылышками, пытаясь что-то поднять из земли.

14

Полковник Миня был доволен. Не скоро мусульмане теперь смогут пополнить свои боеприпасы. По просьбе Зарко и Погожева он приказал радисту связаться с противником и разузнать всё о Романе. Тот выяснил, что на горе убит какой-то особый воин. Мусульмане приняли его за большого православного начальника: на груди у того деревянный крест, на спине матерчатый крест с землей. Ещё и собака в защиту его кинулась. Непростой человек!

Попросили выдать тело убитого. Мусульмане сразу заломили большую цену. Сначала затребовали в обмен на тело пять пленных мусульман, потом с каждым сеансом связи добавляли по одному.

Полковник скривился.

— Миня! (Так называли его солдаты.) Мы вам их двадцать притащим! — взмолился Погожев.

Зарко тоже утвердительно закивал головой. Полковник дал согласие на восемь, а мусульмане уже пятнадцать требуют.

Фронт замер в ожидании обмена. Стрелки «командирских» часов на руке полковника показывали условленное время. Но на стороне противника никто не появлялся. Миня, отогнув ветку, посмотрел в бинокль. Сзади в кустах под охраной сербских солдат нервничали мусульмане, предназначенные для обмена.

Полковник подождал, снова посмотрел на циферблат и взмахнул рукой:

— Огнь!

Всё затрещало, забахало — это сербы давали предупредительный залп по нарушавшим договоренность мусульманам.

Вот в противоположном лесу замахали флагом. Двое солдат — один с мешком на спине, другой с флагом — появились на дороге и, не торопясь, направились к сербам.

Им навстречу, подгоняя один другого, под охраной двух автоматчиков заспешили пленные. Вот мешок с плеча мусульманина перевалил на плечо серба — двенадцать пленных быстро-быстро засеменили к опушке.

Когда вскрыли полиэтиленовый мешок, то увидели расчлененные части чьего-то тела — кисти, ноги... Голова Романа. Волос белый. И не как прежде, стянутый в косичку, а растрёпанный.

— На десять частей разрубили... — сказал полковник, закрывая ладонью свои глаза.

Погожев, не чувствуя ног, взлетел на бруствер, выхватил пулемет из проема и стал поливать трассерами.

— Падлы! Обрезанные! Подонки!

15

Хоронили Романа на склоне горы, уж очень похожем на то место, где он погиб. Такая же лесистость вокруг, такая же открытость небу, такой же глухой, изредка нарушаемый покой.

Погожев переводил глаза с закрытого гроба на сербского священника в епитрахили и поручах, машущего кадилом, и повторял про себя:

— Нет больше любви той, чем положить жизнь за други своя... За други своя...

Ближе всех к гробу стоял Зарко и плакал... Раздались выстрелы. Гроб лег на каменистое дно, и полетели сверху комья. Ветер потянул медленную горькую мелодию, затрепетала листва на деревьях, и над всем этим горным лесным «бескраем» высоко поднялось округлое светило с горящими от стыда за наземную жизнь щеками.

После дежурства Погожев привалился спиной к куче песка на дне траншеи и уснул. А проснувшись, не поверил своим глазам — кто-то отечески накрыл его шинелью, под голову положил вещевой мешок, а на ноги набросил фуфайку.

— Вставай, братишка! Надо данное слово выполнять.

— Касьяныч? — произнес, а увидев склонившегося над ним Зарко, добавил: — А, это ты...

Они ещё раньше заметили, что недалеко от передовой между двумя высотами есть тропа, по которой мусульмане ходили в селение. Направились туда в обход. Спустились в лощину. Спотыкаясь о камни, добрались до склона. Чем ближе становилась тропа, тем шаг был осторожнее. Высоко поднимая ноги, ступали тихо, почти не дыша.

Зарко каким-то чудом заметил протянутую через долину проволоку. Тонкую, как струна.

— Растяжка...

Мина натяжного действия: тронешь проволоку — и сработают взрыватели. Погожев легонько прижал пальцами проволоку к земле. Зарко поднял свою ногу, как неимоверную тяжесть, и сделал шаг вперед. У Дмитрия засвербило в горле, он так вспотел, словно его облили водой, и тоже переступил. Еще осторожнее двинулись между дубами, которые в темноте казались уродливыми привидениями. Показался тусклый свет села. И тропа. Залегли.

Вдруг какая-то качающаяся тень... Но вот она, почуяв опасность, рванулась в сторону. Погожев кинулся следом... Зарко метнул нож... Послышался вскрик. И две тени накрыли упавшего. Через мгновение во рту того уже торчал кляп. Зарко вытащил из бедра лежащего нож.

Положив пленника на брезент, понесли. Впереди та самая растяжка. Еще в десяти метрах от неё неудачник задергался, забился, как припадочный. Когда его проносили над проволокой, тот чуть не вывалился из брезента.

— У тебя веревка есть? — спросил Дражкович.

— Только бинт.

Погожев протянул белый комочек. Зарко прихватил конец к проволоке. Отошел, лег и, почувствовав натяжение, дернул. От треска словно разверзлось ущелье. По горам загуляло эхо. Казалось, вся зелень посыпалась на землю, а обнажившиеся дубы повырывало с корнем.

— Это пятый! — Зарко втолкнул к полковнику пленного.

— Лепо ствар![4] — довольно потер руками Миня.

16

После отъезда сына в монастырь мать Романа на время успокоилась. Ну, в монахи так в монахи. Главное, что сын её жив. А повзрослеет — может, и вернется к обычной жизни.

Время шло, материнское сердце не унималось, и её всё сильнее тянуло к нему. Выбрав свободный день, она напекла пирожков с мясом, наварила пельменей и поехала в Задонск.

Ехала и представляла, как увидит своего Рому, как он улыбнётся ей и как прижмется. А если будет недоволен её приездом, то оставит гостинцы, извинится и сразу уедет. Главное — сына повидает.

В монастыре нашла инока Ферапонта, который сказал ей, что Роман больше в монастыре не живет, и отозвался о нем почему-то самыми неприглядными словами. И сразу же попросил ее не гневить их епископа и покинуть немедленно обитель.

Уже у ворот Кирпишину догнал Филиппыч и поведал все, что знал про «братку», как он в тот день убежал с собакой в скит, что там произошло, и что тот, видимо, последовал за своим духовником батюшкой Гурием.

Отца Гурия в больнице уже не оказалось. Мать выяснила, что тот с «расстриженными» сестрами подался на север восстанавливать какой-то монастырь, но куда именно — никто не знал. Каким-то образом она выведала, что сын её после всего случившегося в скиту приезжал в город и заходил в военный комиссариат.

— А, это ваш сын Роман? — вспомнил призывника мичман и сразу же замахал руками. — Ничего не знаю про него… Ничего! Не приходите больше…

— Я его к попам послал! — рявкнул на мать военный комиссар.

Кирпишина не унималась. Найдя бывших паломниц Свято-Тихоновского монастыря, которые продолжали навещать батюшку Гурия на севере, она выяснила его местонахождение и приехала в этот холодный белокаменный монастырь у пустынного озера, где узнала от священника, что её сын уехал добровольцем защищать сербов.

[4] Лепо ствар — в переводе с сербского «нужное дело».

Мать долго не могла прийти в себя: она всё делала, чтобы уберечь сына от армии, от военной службы, от всего связанного с оружием, с насилием, а он, минуя мирную армию, попал на настоящую войну.

Обратилась к властям, но и там ничего вразумительного никто не смог сказать, лишь грубо отшили:

— Мы наёмниками не занимаемся…

Написала в Московскую патриархию, на что за подписью секретаря их митрополита получила просто кошмарное, чуть не уложившее её снова в постель, письмо.

Связалась с сербским консульством в России, с Сербским патриархатом, но и оттуда ничего не значащие ответы: «сведениями… не располагаем», «такой не значится»…

Сведущий дяденька по секрету сказал ей, что Сербия принимала добровольцев негласно, и поэтому если что и знает, то, стараясь избежать очередного скандала, все равно ничего внятного не сообщит.

У одной также разыскивающей своего сына матери увидела плёнку, присланную той кем-то из Сербии. На плёнке были сняты чьи-то похороны.

Как обрадовалась мать, увидев среди стоящих у гроба своего поющего Рому.

— Жив!..

Надо было во что бы то ни стало искать! Но что бы она ни предпринимала, ничего выяснить не могла. Даже поездка на последние сбережения в приведшую её в ужас балканскую землю ничего не прояснила. Так и осталась мать с одной лишь надеждой на возвращение Ромы и часто-часто стала ходить в церковь и заказывать молебны за здравие сына, боясь заказать молебен за упокой.

17

Творилось что-то невероятное: в Крайине хорваты перешли в наступление, а сербы всюду отступали. При первых же печальных известиях с хорватского фронта Зарко заявил:

— Мне надо туда!

— Возьми и меня с собой, — сказал Погожев.

Брать транспорт было не у кого, командование сербов парализовало. А чтобы быстрее добраться до Крайины, надо было двигаться по тылам мусульман.

Солнце уже клонилось к закату, когда Зарко с Дмитрием покинули лагерь и вошли в густые лесные дебри. Их обступили толстые стволы, похожие на чугунные колонны, глубоко и прочно вкопанные в землю. Идти было опасно: каждый шаг мог быть последним; но надо было спешить — другого выхода не было.

Для ночлега выбрали место рядом с говорливым ручьем: склон защищал от ветра, высокие ветви — от накрапывающего дождя.

Когда улеглись, Погожев прополз поближе к уже погасшему костру. Кострище было теплым, под пушистой золой тлели угли. Он разгреб их, нашёл испеченную картоху и принялся сдирать кожуру.

— Какой черный лес! Как у нас, на Псковщине… Какое черное небо! То же, что у нас, только на Кавказе… А чем эти места не мои?.. Да и какие места на земле ты можешь считать не своими… Арцах, древний Арцах — твой… Абхазия, чарующая Абхазия — твоя… Приднестровье с полноводным Днестром — твоё… Крайина… Босния… Всё твоё!.. Вот, выходит, какой ты богатый…

Утром снова двинулись вперед. Вокруг дебри. В низких болотах пахучие заводи. Лицо задевал свисающий с веток седой мох. Остановиться, полежать было некогда. Наталкивались на срубленные деревья, на лежанки из ветвей, на кострища. Не одни они двигались на выручку Крайине.

Вот, наконец, дорога. А по ней поток беженцев на повозках, машинах, тракторах, все бегут. Сербы уходили. Почему такое происходит — никто толком пояснить не мог.

— Усташи!— кричала старая бабка в дырявом платке, сидящая на мешках с утварью в громыхающей железными ободами колес телеге.

Пошли по обочине в обратном от всеобщего потока направлении. У наспех переодетого в военную форму старого солдата с красной, обветренной физиономией узнали, что города и села сдаются без боя. Только редкие смельчаки остаются их защищать.

Время от времени уже где-то впереди бухал миномет, раздавался дробный стук пулемета. Две мины приземлились в неубранной кукурузе, лишь сорвав со столбов телеграфные провода.

Беженцев становилось все меньше. А лица у последних все напуганнее, и они не ехали, а гнали, забивая плетьми лошадей. Выжимая газ до предела, прогромыхал грузовик с выбитыми стёклами.

18

Вдали дымно полыхало селение. В крайнем хуторском дворе спугнули кур, которые расхаживали, беспечно клюя шелуху. Зарко взобрался на косяк взорванной церкви, которая растопырила свои стены прямо в небо. Все, что осталось от купола и крыши, дымилось внизу.

Увидел вытягивающуюся из низины колонну:

— Усташи!

Он знал, что отсюда шла через перевал дорога, и она была кратчайшим путем к следующему городку.

— За мной! — спрыгнул со стены, показал на возвышенность.

Погожев хотел выяснить всё подробнее, а потом подумал: «Да какая разница…»

Пошли быстро. Вдоль дороги. Потом вдоль каменистой реки. Вода серебрилась и невнятно клокотала. Стали подниматься, обходя валуны. Река со-

биралась в узком горле, переваливалась и падала уже далее в никуда. А над пеной изогнулась высоченная, во всё небо, цветастая радуга. Казалось, она одним концом опиралась на Балканские горы, а другим выгибалась и уходила в сторону Кавказа, может, Псковщины, может, Задонска…

Полюбоваться бы, да некогда. Вот укоротились деревья, превратились в кривые крохотные деревца, травяной покров пожижел, и в лицо ударил хлесткий ветер. Знакомая крайинская природа.

В длинной котловине серела цепь озёр. Зарко остановился, с волнением разглядывая очертания гор по горизонту. Ему трудно было вспомнить, сколько раз он уже видел этот контур, эту покатую озерную падь, такое серое моренное плато, очерченное окружием гор. С их высоты отчетливо было видно, как далеко внизу по серпантину извилистой дороги лезла колонна.

— К той вон скале…

Показал на возвышавшуюся у входа в озерную горловину расщелину, в которой проседала дорога.

Погожеву команда Зарко показалась странной. Неужели он с ним вдвоем намеревается остановить эту бронированную лавину? Но обсуждать не время. Да и сюда он пришел воевать. Залез на скалу. Камни на вершине были разбросаны так, что по всему было видно: тут лежал человек, встроив ствол оружия в прощелину. Место, выходит, пристрелянное. Разложил рядом рожки, устроил поудобнее автомат.

Зарко возился у дороги и вскоре тоже влез на камни, стряхивая пыль с рук. Выложил перед собой гранаты.

Где-то недалеко за поворотом гулко затарахтело. Вот высунулось дуло, потом показался танк. Он шел медленно, выбрасывая в небо клубы дыма. За ним сверкали на солнце стекла броневика, далее — крытого грузовика. Вылезающая змея казалась бесконечной.

«Один, два… шесть…» — Погожев считал машины и броневики.

Вот стали видны очки у сидящего в грузовике рядом с водителем мордатого офицера. Танк, преодолев подъем, направился под скалу. Зарко взял гранату. Погожев навел прицел на офицера. Танк, обдав дымом утёс, вошел в расщелину.

Зарко зажал уши.

Танк показался с другой стороны.

«Не сработала!»

Зарко, боясь потерять секунду, бросил гранату в уже входящий под их скалу броневик. Горы сотрясло каким-то двойным взрывом. Броневик запрокинуло набок. В вываливающихся из него людей полетела еще граната. Застрочил автомат. Пенсне выпало из кабины, грузовик свернул носом в кювет. Прямо под кузовом рванула еще граната. Все заволокло дымом. Внизу слышались крики, команды.

Дражкович метнулся на другую сторону площадки и увидел, как отошедший танк поворачивал башню и наводил дуло на скалу. Он вжался в выемку, и в следующий момент скалу сотрясло и вверх взлетела каменная крошка.

— Уходим!

Другой выстрел отколол большой камень, который отлетел и, упав вниз, рассыпался на мелкие куски.

Погожев и Зарко уже бежали по склону, прячась за кустарник. Внизу они видели танк, который все расстреливал скалу. Вот в проеме скалы появились хорваты. И вслед убегающим засвистели пули.

Вверх нельзя — там открытое пространство. Вниз — там враг. Только прячась за кусты, только так — и вдоль склона. Скорее. Заскочили за изгиб горы. Отдышались. И снова — по каменистым скатам.

А рядом озеро, тянущееся вдоль ущелья, с густым лесом на противоположной стороне. Склон впереди — как бесконечность. Бежать так дальше — уже рисковать. Могут заметить.

Надо бы в лес. А там снова, уже на перевале, перерезать дорогу.

А как в лес?

Переплыть озеро!

Спустились. Вбежали в холодную воду. Сразу попали на глубину. Поплыли. Деревья на другом берегу приближались. Вот она, спасительная зеленка, где хорватам их уже не достать. Вот уже различимы огромные корни подмытого на берегу дерева.

Но почему кроны плывут?

Дошло — сносит течением.

Сносит к хорватам!

Сзади взлетели фонтанчики. Спереди.

До берега метров тридцать, не более. Тут Зарко вскрикнул. Погожев увидел, что тот уже работал только одной рукой, головой буравя перед собой воду. Поплыл к нему. Справа взлетел столб воды.

Из танка!

Заметил, как Зарко хватил ртом воздух и скрылся, снова вынырнул и уже, пуская пузыри, пропал. Тут в плечо Погожева что-то кольнуло. Резкая боль в спину... Он нырнул — увидел удаляющегося в водном тумане и как бы прощально махающего ему Зарко. Следом. В ушах сдавило.

Дотянулся кончиками пальцев до его руки, и они сцепились... Потянул на свет... Заметил, как лицо Зарко осветилось... В груди схватило... От плеча заалело марево... Ногами... Ногами... Они ведь сильнее рук!.. Вон она, расплывчатая поверхность озера...

Ещё немно-го...

Ещё...

19

Когда выскользнувший месяц блекло осветил заснувшее озеро, на его поверхности покачивалось не то два мешка, не то два бревна. Их медленно несло мимо склоненных к воде крон... Длинные ветви касались странных, похожих на

человеческие лица, очертаний... Предметы колыхались друг за другом... Вот их закружило в слабом, всё ускоряющемся водовороте... И потащило вниз... Но и здесь ни сила течения, ни круговорот, ни мрачные подводные преграды не смогли разъединить их...

Прошли годы. Военные действия на Балканах то улегались, то тлели и снова разгорались. Крайина прекратила своё существование, и от неё остались одни лишь воспоминания в памяти уцелевших в ту годину сербских беженцев.

Дражковича искать было некому, война забрала у него всех близких. Родители Дмитрия сначала прикладывали усилия к поискам сына, а потом, то ли от безысходности, то ли от боязни сделать ему хуже, опустили руки.

Мать Романа постоянно наведывалась в далёкую балканскую страну и объездила там почти все кладбища... Быть может, она и проезжала недалеко от той мохнатой горы, на которой покоились останки её сына, но не знала об этом, и каждый раз, вернувшись из поездки, шла в церковь и из последних сил молилась.

Один прозорливый старец ей как-то сказал:

— Или схимником стал твой Роман, или убит. Был ранен в грудь. Страдальчески смерть принял. Лицо его исколото, как бы иголками, но не знаю, глаза выколоты или нет...

Отец Гурий поконфликтовал с Московской патриархией и снова вернулся в её лоно; епископ Лев сменил на кафедре почившего митрополита и послал вместо себя поправлять дела в Задонском монастыре отца Лаврентия; игуменья Досифея на святой скитской земле открыла бар, и туда теперь вместо паломников наведывались новые русские, а Филиппыча вскоре попросили из обители. Бородатый же мичман на заработанные доллары возвел себе трехэтажный особняк в самом престижном городском районе.

Течёт в своем смутном движении река времени, где срываясь с порогов и сотрясая берега, где сворачивая в узкие протоки и попадая в заболоченные озёра. И в потоке этом искрометными всполохами проносятся судьбы тех, кто, разгоняя заводь времени, неуемно бился за иную жизнь даже тогда, когда один на один оставался со всем продавшимся миром.

Прощайте,
Роман,
Дмитрий Погожев,
Зарко Дражкович,
Бульба...
Прощай, Крайина...

Мила МАШНОВА

ХАРЬКОВ — МОСКВА

Стихи

ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ

Мои рифмы летят камнями,
Ударяясь о твой забор
Безразличия. Под ногтями
У меня не земля — позор.

У отчаянья громкий голос,
Я давно посадила свой…
Но характера мотыльковость
Оставляет лишь след золой

На паркете души. Пытаю
Ветром кожу. Так режет жгут.
Эта жизнь у меня — шестая.
Оборвётся на ней маршрут,

Не дойдя до конечной цели
Предначертанного числа.
Кто молчанье моё разделит?
Уж не ты ли, кем я жила?

Покрывалом упало небо,
Утонула Луна в вине.
Не писать от меня не требуй —
Это всё, что осталось мне.

ХАРЬКОВ — МОСКВА

Харьков тире Москва.
Пыль городов и серость.

Я без тебя — мертва,
просто живей, чем хотелось,
выгляжу.
Завтра зима.
Встречу её в экране
окон своих.
Взимать
выйду печаль.
А в кармане
пальцы искать начнут
прошлое.
Как нелепо!
Но бесполезен труд —
лишь мелочь звенит монетой.
В мудрость играть нет сил.
Я до единого помню,
кто от меня уходил,
но сердце не вырвал с корнем.
Скоро придёт рассвет...
«Красной» шаблон порвём?
«Харьков — Москва» — билет
куплен сегодня днём.

ЯБРЬ

Когда солнце глаза свои щурит
Сквозь задёрнутых штор полотно,
Когда небо вальяжное — курит,
Пробираясь туманом в окно,

Когда утро сонливо срывалось
С крючка месяца жёлтого вниз,
Я рукою смахнула усталость,
Сентября обнаружив эскиз.

Я шепчу: убери свои пряди.
Твои листья кружат в кутерьме.
Миновать твоих братьев, не глядя
Им в лицо, не получится мне.

Я хочу, чтоб закончился ...ябрь,
И неважно — который из вас!

Пусть звучит лучше августа шлягер
Из душистой малины и астр.

* * *

Расплела свои мнимые косы,
Заглядевшись на нимб горизонта.
Вечер тлел, догорал папиросой,
Словно грешник у врат Ахеронта.

Солнце пряталось плавно в ладонях
Незнакомки загадочной — Ночи,
Восседающей гордо на троне,
Разрывающей сумерки в клочья.

Мне она протянула подарок
(Он для ночи был просто бесценный) —
Догорающий уголь, огарок,
Что остался от солнца вселенной.

Растерев между пальцами пепел,
Я в горсти обнаружила звёзды,
Их слизал языком тихий ветер,
Свив на небе созвездия-гнёзда.

Был закат коронован Луною,
Август ей аплодировал стоя…
Этот вечер был ярок собою,
Как Гомером сожжённая Троя…

ЗАБИРАЙ ЭТИ СНЫ

Забирай эти сны одиночества
Или просто возьми напрокат,
Ощути, как целуется ночь в уста,
Когда месяц — мой враг, а не брат.

Обернись в паутину отчаянья,
Словно в шелковую простыню,
И мелодию слушай молчания,
Я её пустотой начиню.

Ты услышишь, как время становится
На носочки и мимо идёт,

Как чужая душа-беспризорница
Истерит, когда чувствует гнёт;

Как безбожник за стенкою молится,
Отдавая от сердца ключи,
И приходит старуха-бессонница
И в безмолвии этом кричит.

* * *

Я не поэт, я — бездарь из хрущёвки,
Воспитанная улицей, двором.
Стихи мои — дешёвые листовки.
Прохожие затопчут их потом,
Шагая на работу суетливо,
Подняв повыше вороты пальто
От зимнего декабрьского порыва…
Скрывая душ сквозное решето.
Я — выкидыш бесчувственного века,
Где ложь, вина — что новенький костюм,
Который надевает Мир-калека
На душу оголённую свою.
Я словом защищаюсь от молчанья,
Когда пусты и терпки небеса.
Поэзия — не поиск, а дыханье…
Я просто не умею не писать.

Владимир РОГОЖКИН

ЖЕНСКИЕ КОЛЕНИ

Рассказы

ГОРБУН

«А как это всё-таки здорово: ей нет и двадцати, а она уже классный руководитель самого беспокойного четвертого «А»! Мария Ивановна... Звучит как в «Капитанской дочке». И не беда, что половина её класса живёт в соседнем селе. Но, если нужно посещать учеников, будет посещать в любое время года. Чего бы ей это не стоило!» — думала Маша, уверенно шагая по дороге к дому. Ещё немного, каких-то пятьсот метров. Сейчас обойдёт заросший молодыми дубами, осинами и березняком, густо сдобренный орешником, калиной и черемухой овражек (в селе их называют вершинками), войдёт в крайний от леса дом, разденется, снимет промокшие кроссовки и куртку, напьётся горячего чая с мёдом. Бабушка давно уже, поди, подсуетилась: и тёплые носочки приготовила, и вкуснятинку какую-нибудь сварганила. Большая мастерица бабушка на всяческие кулинарные изыски! Маша поест, довольно потянется и устроится у компьютера, укрывшись тёплым пледом. Красотища! Перебрасывайся СМС с подругами хоть всю ночь. Впереди выходные. Бабушка, конечно же, немного поворчит по поводу её плохого зрения: «Чего носом в монитор тычешь? Того и гляди экран проткнёшь». И чего разоряется? В очках Маша великолепно видит. Да и подруги все как одна утверждают, что очки ей очень идут.

Пока Маша шла мимо молочной фермы и пруда, было не страшно. Ну, если только самую малость. Коровы такие сильные, спокойные и домашние, уж точно в обиду её никому не дадут. Возле пруда она перевела дух и попыталась запустить камень вдоль воды так, чтобы «голыш» подпрыгивал по поверхности и долго не тонул. Но у неё ничего не получилось. «Эх, криворукая, — пожурила Маша саму себя, — это тебе не двойки мальчишкам ставить». Когда же она при-

близилась к кладбищу и пошла по старому церковному саду, то ощутила чьё-то незримое присутствие. В воздухе явственно нагнеталась напряжённость. А после того как вороны, круглый год гнездящиеся в кронах огромных вётел, неожиданно всполошились и дико закричали, Маше стало не по себе. Возникло желание кинуться со всех ног наутёк. На мгновение выглянула заспанная и по этой причине недовольная луна, тускло осветив окрестности. В отяжелевших от не прекращающегося с самого утра холодного осеннего дождя ветвях придорожного орешника послышалось надсадное рычание. Маша увидела страшное, сгорбленное существо с блеклыми, ничего не выражающими, к тому же сильно слезящимися, будто стариковскими, глазами и облезлой шерстью на болезненно впалых боках. Уж не померещилось ли ей это? Маша съёжилась, плотно закрыла глаза и тут же открыла.

«Оборотень! Горбун!» — промелькнула в мозгу страшная мысль. Видно, правильно говорят в селе, что горбатый Васька Хмурый, живущий в заброшенном доме лесника, оборачивается по ночам большой собакой или волком — поди разбери в темноте. И мало того что оборачивается, но ещё творит всякие непотребства. То заблудившуюся в лесу овцу задерёт, то хорошую встрёпку деревенским шавкам-пустобрехам задаст, то любвеобильную Нюрку Сбруднову в очередной раз в чапыжнике отваляет. Хотя Нюрку в чапыжнике не валял, наверное, только ленивый. Ей такие «неудобства» только в радость. То бредущего домой после очередной попойки мужика до полусмерти напугает. А то телёнка годовалого умыкнёт, варнак, безо всякого следа. Никто не видел, что это был Васька, но кому же ещё? Почитай, половину жизни в тюрьмах и лагерях провёл. Фамилию Васьки в селе словно позабыли. Васька Хмурый — и всё. Иного прозвища его постоянно небритая и оттого неприглядная физиономия с большими подозрительными глазами и не заслуживала. А она-то, дурёха, ещё смеялась над этим! «Господи всемогущий! Матерь Божья, свят, свят, свят», — зашептала Маша побелевшими губами. По мгновенно покрывшейся холодным потом спине прокатился неприятный холодок. Кричать и звать на помощь? Но что это даст? Кто её слабенький голосок за плотной завесой древесных листьев и веток услышит?

Многое о горбуне говорили в селе, но чаще плохое. Многое рассказывала Маше её бабушка Дарья. И что удивительно — только хорошее. Бабушке почему-то верилось больше. Познакомилась бабушка с горбуном давным-давно, когда она, совсем юная и слывшая первой красавицей на селе, училась вместе с ним в поселковой школе и сильно ему нравилась. Правда, прозвища Хмурый у Васьки тогда не было, да и горбуном он ещё не был. Обыкновенный, вечно улыбающийся симпатичный деревенский парень с огромными карими глазами. Собственно говоря, и бабушка Дарья тогда была смешливой, жизнерадостной девочкой Дашей. И все предстоящие жизненные передряги виделись такими маленькими и незначительными, что думать о них совсем не хотелось. Отец у Васьки с войны не вернулся. Осталось несколько пожелтевших фотографий,

две медали, одна из них — «За отвагу», и парочка писем. Очень хотелось Ваське поступить после школы в военное училище, стать офицером и наподдать, если потребуется, всем недругам-капиталистам. Занимался спортом, водой холодной обливался до самых морозов. А как он со своей «тарзанки» в озеро на самом глубоком месте прыгал! Но не судьба!

Накануне выпускного хотел он продемонстрировать перед девчонками своего класса, а особенно перед Дашей, один из своих головокружительных прыжков. И продемонстрировал... То ли полузатонувшая деревянная колода, из которой поили скотину на ферме, сама приплыла прямо на то место, где он нырял во время весеннего половодья, то ли кто таким образом зло подшутил, теперь уже никто и не помнит. Только Васька её не заметил. Врезался в колоду головой. Его, правда, быстро выловили. Но заключение врачей было неутешительным. Перелом одного из позвонков. Предстояло длительное лечение. В перспективе — хорошо, если инвалидная коляска. А о том, что будет ходить самостоятельно, даже речи не велось. Посещала его в больнице и Даша. Сначала вместе с одноклассниками. Потом стала приходить одна. Целыми днями просиживала у постели больного и всё говорила, говорила. Васька демонстративно закрывал глаза. А в одно из посещений она незаметно открыла щеколду на окне. Следующей же ночью Даша вспорхнула на второй этаж по водосточной трубе. Уж кто-кто, а Васька бы непременно забрался. Чем же она хуже? Пять секунд, и отчаянная девочка — в постели больного, успев предварительно вручить шоколадку дежурной медсестре и раздевшись потом донага. Васька пытался отстраниться. Но куда там в его состоянии! И не мудрено, что застал их старенький главврач Порфирьевич, старикашка сварливый и вечно всем по этой причине недовольный. Перепугалась тогда Даша ужасно. И не столько из-за разговоров, которые последуют после её разоблачения. Больше всего на свете боялась она, что её больше не пустят в больницу. Но никаких разговоров после инцидента не последовало, даже дежурную медсестру не отчитали. Мало того, каким-то таинственным образом на двери палаты, где проводили ночи два несчастных и в то же время таких счастливых человека, появился замок, запирающийся изнутри. В горячих Дашиных объятиях Васька начал оживать. Сначала у него стали шевелиться руки. Потом он заговорил. Нет, говорить он мог и раньше. Просто жить Ваське не хотелось. А если не жить, зачем тогда разговаривать?

А потом он однажды утром встал с постели. Чего это ему стоило, видела одна только Даша. Васька сделал несколько робких шажочков по направлению к двери. Потом упал ничком и провалялся в горячке несколько дней. Но свой первый шаг после второго рождения он всё-таки сделал! Были после этого и другие шаги. Но эти, первые, бабушка Дарья без слёз никогда не вспоминала. У Васьки начал стремительно расти горб, а верхняя часть туловища кренилась в сторону. А потом Васька куда-то пропал, лет с десяток ничего не было слышно. И вдруг — словно гром среди ясного дня! Попался на краже ценностей из

ювелирного магазина. Сильно нашумела тогда серия довольно-таки дерзких ограблений в областном городе. Схлопотал нешуточный срок, половину отсидел — оказалось, что осуждён за чужие грехи. Вышел, но на свободе долго не задержался, сел за драку. Причём предыдущий срок расценили как рецидив. На этот раз отмотал по полной. Потом были другие сроки. И вот уже лет двадцать живёт в полуразвалившемся заброшенном доме лесника вместе с такой же, как и он, больной собакой. Дружбы ни с кем из жителей села не водит. С женщинами не знается, водки не пьёт.

Даша уехала в город. Окончила институт, вышла замуж, родила ребёнка. Но особого счастья в этом браке она не испытала. Муж пил, занимался рукоприкладством и часто, даже будучи трезвым, обзывал её горбунихой. А потом и вовсе исчез, оставив Дашу в чужом ей городе с малолетним сыном. Да и на кого пенять, сама же всё и рассказала про Василия. Думала, поймёт. Нет, не понял! И неудивительно, что Даша некоторое время спустя вернулась в родное село. Несколько раз по старой дружбе навещала горбуна в его убогом жилище. Но дальше официальных разговоров дело не шло. И не то чтобы продолжения отношений не хотела Даша — от продолжения отношений категорически отказывался горбун.

«Какой оборотень! Враки это всё! Оборотней не бывает! А если это горбун, меня он не тронет, — думала Маша, — я так похожа на бабушку Дарью!» Даже когда девушка поняла, что перед ней огромная облезлая собака с поджатым хвостом, легче ей не стало. Отпускать Машу с миром она явно не собиралась. «Собачка, хорошая, красивая, добрая, отпусти меня, пожалуйста. Если бы было чем тебя угостить, я бы обязательно тебя угостила», — шептала Маша, с грустью вспоминая съеденную полчаса назад шоколадку. Собака медленно приближалась, ощерив свои страшные клыки, всем своим видом показывая, что никого щадить она не собирается. Маша скинула промокшую куртку и намотала на руку. Читала где-то, что так можно защитить руку при нападении хищника. Но эта мера оказалась совершенно напрасной. Собака без труда сдернула куртку с руки и принялась её яростно рвать. Мать эту красивую куртку на последние деньги купила совсем недавно, в день девятнадцатилетия. А доживу ли я до двадцатилетия? Рука ниже локтя нещадно саднила. По ладони текло что-то горячее. «Ну вот и всё, — пронеслось в мозгу, — сейчас почувствует запах крови и вцепится в горло!»

Однако собака не бросилась. Напротив, отпрянула в сторону. Послышалось грозное рычание и лай другой собаки. Вместе с ней, хромая, приближался человек. «Горбун», — радостно подумала Маша, узнав старика. Тот, долго не раздумывая, огрел разбушевавшегося пса своей суковатой палкой. Но этого оказалось недостаточно, собака набросилась на горбуна. Защищаться было нечем. Палка от удара разлетелась вдребезги. Особой помощи от собаки горбуна ждать не приходилось, хотя старый и больной пёс мёртвой хваткой вцепился в обидчика. Не отставал от него и горбун. Его неожиданно сильные руки сомкну-

лись на горле бешеной собаки. Тела дерущихся сплелись в беспорядочно перемещающийся клубок. Маша потеряла счёт времени. Сколько продолжалась схватка? Минуту? Час? А может, целую вечность? Когда она, наконец, очнулась от оцепенения, ни горбуна, ни его собаки рядом уже не было. Тёмная ночная дорога, заросли орешника, мелкий моросящий дождь и мёртвая, ещё минуту назад такая страшная собака. Маша опомнилась только тогда, когда прибежала домой и дрожащими руками закрыла входную дверь на все запоры.

Как и следовало ожидать, собака оказалась бешеной. Пришлось Маше делать прививки и долго залечивать покусанные руки.

Горбуна же и его собаку нашли на следующий день после происшествия в небольшом овражке подле его дома. И непонятно, кто кому помогал: то ли старик из последних сил тащил истерзанную в неравной схватке собаку, то ли собака тянула его, понять сложно. Собака издохла от потери крови, у старика не выдержало сердце...

Проститься с ними Маше не довелось. Тела горбуна и его собаки забрали сотрудники санэпидстанции, дом на всякий случай сожгли: всё-таки бешенство — заболевание серьёзное.

Ну, в общем-то, и всё. Хотя вот ещё что. В один из долгих осенних вечеров пришла Маша с работы и, немного передохнув, уселась перед экраном компьютера. Лениво пробежалась по сайтам и совершенно случайно, словно её рукой кто-то управлял, наткнулась на коротенькую притчу.

Жил подле одного села горбун. Никто не знает, когда он пришёл и откуда. К местным жителям со своими проблемами не лез, а вот чужие принимал близко к сердцу. Лечил людей и животных. Деньги в долг, часто без отдачи, давал. Но, несмотря на это, люди его не любили. За что? Да Бог это знает! Непохожий на нас он какой-то! На их это совести. А в скором времени случился в селе пожар.

Нашли виноватого и долго били его всем селом кольями. Кого же ещё? Вон глазищи-то у него какие — бездонные! Не иначе как наколдовал. Успокоились только после того, как затихло убогое тельце. Присмотрелись сельчане и в ужасе попятились назад, осознав содеянное. Потому что выпали из разодранной ветхой рубашонки горбуна, на том самом месте, где, по их мнению, был горб, перебитые, переломанные ангельские крылья...

ЖЕНСКИЕ КОЛЕНИ

Не смотри в сторону — пропустишь самое главное
(золотое правило боксера-профессионала).

Щедро воспетые многими поколениями поэтов, безмолвные и до неприличия равнодушные к любым проявлениям чуждого их природе человеческого естества южные горы. Утро. Натужно урчащие осипшими двигателями и тщет-

но пытающиеся выбраться из цепких объятий густого тумана многотонные «Уралы», составляющие одну из армейских колонн, упорно преодолевающих тягомотину высотного серпантина. И так нестерпимо хочется жить, любить и, конечно же, быть любимым. Но...

Стремительно увеличивая скорость, скрежеща и чадя изношенным двигателем, из-за нависшей над дорогой скалы появляется огромный погрузчик с опущенным ковшом. Как пушинку, сметает дозорный «уазик». Бьёт в правую сторону головного «Урала». Словно бумажные, вминаются внутрь облицовка двигателя и часть кабины. Легко прошивая металл ковша, плюётся горячим свинцом крупнокалиберный пулемет, установленный в кузове грузовика. Но кабина погрузчика обварена стальными листами сантиметровой толщины. Такая неожиданность пулемёту не по зубам. Никто, впрочем, ничего другого и не ожидал. Вчера ты кого-то к праотцам отправил, сегодня твои кишки вместе с содержимым того и гляди по асфальту размажут. Война — занятие паскудное. Не до сантиментов, короче...

Двигатели обеих громадин, яростно рыча, пытаются пересилить друг друга. Двигатель погрузчика пересиливает, и многотонная махина «Урала», медленно приподнимаясь, заваливается набок. Словно горох, сыплются десантники. И не факт, что повезло. Из кустов терновника лупят длинными очередями, патронов не жалеют. К встрече подготовились основательно. Поверженный автомобиль, разваливаясь на части, словно при замедленной съёмке, исчезает в пропасти. Среди счастливчиков, успевших покинуть машину, и он. Как же грязно он ругается! Видела бы мать, уж ей бы это точно не понравилось. Бьёт из подствольника по колесу погрузчика. Тот оседает и, разворачиваясь на месте, уходит вслед за машиной, став таким жалким и беззащитным. И все же, несмотря на это, успевает основательно прижать к горному склону своего могильщика. Неприятно видеть, как размазывают человека громадные колеса погрузчика, оставляя на каменистой земле лохмотья плоти и одежды, мгновенно пропитавшейся кровью. А каково в это время самому человеку? Его, чудом оставшегося в живых, чуть ли не лопатой сгребают с дороги. Нашпиговывают обезболивающими и наркотиками. Не жалея перевязочного материала, бинтуют. Он в чреве мчащегося по ярко освещённому тоннелю санитарного «пазика». Этот полукилометровый тоннель проезжали накануне, тогда он не казался таким бесконечным. Да и никакого освещения в нём не наблюдалось. Видит установленные прямо на грязном полу, вместо снятых сидений, носилки с ранеными. Видит перемотанного окровавленными бинтами человека в камуфляжной форме, с офицерскими знаками отличия. Самого себя, получается, видит. Но при этом он ничего не слышит. Не чувствует он и боли. Боль, вместе с иллюзиями о собственной значимости, осталась на горном склоне, среди мертвых тел солдат его подразделения, так глупо угодившего в засаду. Видит склонившегося над ним военврача, производящего какие-то манипуляции, и испуганную рыженькую девчушку, стоящую в неудобной позе на коле-

нях, в коротеньком халатике и бережно накинутой кем-то, но уже свалившейся с одного плеча военной куртке. Видит, как она держит в высоко поднятой руке флакон с физраствором. Даже как этот физраствор большими маслянистыми каплями устремляется по пластиковым трубкам в его вену, видит. Видит расширенные от ужаса глаза девушки. Видит, как затекла от напряжения её рука. Видит все до мельчайших подробностей, даже то, на что в той, оставшейся за утренним перевалом жизни, скорее всего, не обратил бы особого внимания. Рыжие, непослушные кудряшки, веснушки и ямочки на детских еще, по сути, щеках. Нет, на ямочки он, наверное, все же обратил бы внимание. Его всегда так умиляли ямочки на девичьих щеках. Видит! Видит! Видит! Хотя по всем материальным и даже не материальным законам никоим образом не может этого видеть. Потому что находится в глубочайшей коме. Кома — это пограничное состояние между жизнью и смертью. И одному Богу, наверное, известно в это время, умер ты или ещё каким-то таинственным образом числишься в списке живых. Неправда, что человек, находящийся в этом состоянии, никоим образом не пытается изменить в свою пользу материальную действительность. А может, и не в коме совсем он тогда находился? Может, не придумали этому состоянию определения умные головы светил медицины. Чётко видя всё происходящее внутри автобуса, видит он и притаившуюся в придорожных зарослях группу вооружённых людей. Пытается докричаться до яростно влепившегося в баранку сутулого прапора. Даже за плечи его трясёт. Бесполезно! Куда ему, бестелесному, достучаться до чьего-то вполне материального сознания! И тут снова появляется звук, словно внезапно включили его на многокиловаттную, тысячедецибельную мощность, сравнимую с рёвом двигателя взлетающего реактивного самолёта. Выстрелы и взрывы гранат. Крики мужчин и перекрывающий все эти естественные для любого боя звуки высокий голос девушки: «Что вы делаете, сволочи, он же в коме. Он же в коме, сволочи!» Несколько дополнительных пуль в его бесчувственное тело, если не считать того, что он снова проваливается в тишину, не меняют общего расклада. Снова и снова отпихивает боевика, пытающегося прямо здесь, на залитом кровью полу автобуса, овладеть девушкой. В морду и пах ногой ему бьёт, кусается, царапается ногтями, воет от безысходности. И давно уже простыл след натешившихся «героев», а он всё пытается, пытается и пытается хотя бы что-то сделать. Хотя бы что-то изменить...

Постепенно успокоившись, его душа (или какая там ещё субстанция) возвращается из иного измерения и воссоединяется с хоть и искалеченным, но находящимся в стабильном состоянии комы телом. А потом взяли его четверо солдат за руки и ноги и закинули вместе с трупами в кузов «КамАЗа». Буднично всё это проделали, посчитав, что ему уже всё равно не до деликатностей.

После того как отключили аппарат искусственного жизнеобеспечения и начали постепенно снижать дозу обезболивающих и антидепрессантов, он на-

чал постепенно превращаться из «овоща» в некое подобие разумного существа. Путь, проделанный матушкой природой, согласно скандальному учению Дарвина, за многие миллионы лет, был преодолен всего-то за несколько мучительных месяцев. И первое слово, что пришло ему на ум, было мужское имя Ренат. Он точно знал, что это не его имя. Его звали как-то иначе.

Потом четко, словно наяву, в воспаленном мозгу всплыло молодое и красивое лицо азиатского типа, с вполне сформировавшимися усами. Его лица бритва тогда еще не касалась. Темные курчавые волосы и слегка крупноватый нос. Это его постоянный спарринг — партнер на занятиях карате. Они лежат на соседних койках, заправленных грубыми солдатскими одеялами, и потягивают сгущенное молоко из килограммовых банок. Как же им было вкусно и весело! Когда это было? И было ли на самом деле? И то же самое лицо, но только заросшее многомесячной бородой, изможденное и обветренное. Те же самые волосы, но с многочисленными проталинами седины. Распухшие губы вымученно улыбаются, обнажая сломанный при задержании зуб.

И тут он все вспомнил. Ренат Ханзафаров, его закадычный друг по десантному училищу. Женский угодник и баламут! Так что же он передал ему при их последней встрече, как раз накануне разгрома колонны?

Они тогда не узнали или сделали вид, что не узнали друг друга. Ренат попросил закурить, хотя никогда до этого, по законам шариата, не курил. Долго держал пачку в руках. Потом вернул и театрально как-то благодарил. А глазами все на пачку показывал…

Рената увели, а он, убедившись, что за ним никто не наблюдает, прочитал и сжег записку. Значит, Ренат знал о его присутствии в этом Богом забытом горном ауле. Значит, записку написал заранее. Шел на риск, но пытался предупредить.

В измену трудно было поверить, и он, конечно же, не поверил.

Бывало, что некоторые подонки продавали своих же сослуживцев за валюту или наркоту. Случалось, что не выдерживали пыток на допросах, попав в плен. Но так, чтобы предавали отцы-командиры с большими звездами… В такое нельзя было поверить, и он не поверил…

Колонну раздолбали, а он неизвестно где. И совсем не понятно, кто он и даже жив ли он на самом деле. Или это и есть таинственная загробная жизнь…

Его мозг лихорадочно сопротивлялся и думать не хотел. Но действительность, а может, и не действительность, а самая что ни на есть банальная чертовщина, брала верх. В непознанных запасниках сознания все крутилось и взрывалось. Вращалось и падало. Улетало и проваливалось в завораживающую своей безысходностью пустоту… Он покрывался липким потом, ему было холодно! Как же ему было холодно! Он панически боялся тишины. А из-за нависшей над дорогой скалы вновь и вновь появлялся погрузчик с опущенным ковшом.

Умереть ему не дали. Прошло время, и он вспомнил свое имя и фамилию. Вспомнил воинскую часть, в которой служил, и свое звание. Вспомнил пре-

дупреждение оказавшегося волей провидения по другую сторону баррикад Рената. И предательство отцов-командиров тоже вспомнил. Все он вспомнил... И совершил очередную роковую ошибку, написав в главную военную прокуратуру.

Все как у античного философа Экклезиаста: знание рождает печаль. Его вычислили и «назначили» главным виновником провала неудавшейся операции.

После этого он не должен был выжить, но вопреки всему выжил. Его должны были убрать прямо в больничной палате. Но за несколько часов до этого нашлись неравнодушные к его судьбе люди, забравшие его из госпиталя. После связался с криминалом, выполнив несколько «деликатных» поручений. Для людей его квалификации это сущий пустяк. Его искали на воле, а он сидел по надуманному сроку в одном из мордовских лагерей. Его нашли и там, но ему снова помогли исчезнуть, снабдив «липовыми» документами и одеждой. Гонка началась...

За последние годы он привык к тому, что видит свой полусон-полуявь вновь и вновь, по нескольку раз за ночь видит. Привык, но каждый раз воспринимает это точно так, как было наяву, только в пугающей тишине и ожидании чего-то ещё более страшного. А что может быть более страшным, чем тишина? Тишина-то как раз больше всего и пугает.

Покрывается липким потом, ему холодно, он боится тишины. И, пока в очередной раз из-за нависшей над дорогой скалы не появлялся погрузчик с опущенным ковшом, снова проваливался в завораживающую своей безысходностью пустоту...

«А как же, померла Люська, померла, на крещение померла», — зачастил низкий женский голос. — Сынок соседский накануне в район собирался, к ней забёг: «Может, и тебе чего привезти, тёть Люсь?» Она ему селёдочки жирненькой заказала. А он только через три дня вернулся».

«Не дождалась, значит, селёдки-то Люська, — вторила вторая старушка дребезжащим голосом. — А такая рыбница была, земля ей пухом. И опять же какая земля? Сунулись на кладбище, а там снегу в полтора человеческих роста в тополях намело. Раньше трактором дороги расчищали. Так это раньше! Кому мы теперича, старухи-то, нужны? Дотащили гроб волоком до кладбища, да и зарыли в сугробе до весны. А сынок ейный так и не приезжал. Сидит, говорят. А может, просто не захотел. Эх, грехи наши тяжкие! Прости нас Боже. Свят, свят, свят...»

Звякают стаканы, пахнет водкой и копчёной селёдкой. А Люська, выходит, селёдки не дождалась...

И какое заблуждение, что в нашей стране так легко исчезнуть, растворившись среди людей, где-нибудь в большом городе или удалённом посёлке. Сорокалетнему россиянину Илье Савину, «делающему ноги» из одного из спецлагерей, это стало ясно, когда подъезжал к знакомым с детства местам.

Нет-нет да и ловил на себе недоуменные взгляды узнававших его людей. Легкая пластика лица — прикрытие только от дилетантов.

По официальной версии, он инвалид, военный пенсионер, по собственной дури угодивший за колючую проволоку. Теперь «в бегах». Слово-то какое смешное — «в бегах». Но те, что играют с ним в прятки, люди серьезные, с ними подобные фортеля не проходят! Куда ни глянь — везде «бывший». Бывший офицер, прошедший горнило обеих чеченских компаний. Бывший специалист по решению деликатных вопросов на просторах бывшего Союза. Бывший зэк. Бывший хороший человек. Да и просто человек, как порою кажется, тоже бывший. Вот уже третьи сутки, путая следы, едет он на перекладных по бескрайним просторам такой знакомой и одновременно с этим такой незнакомой и непредсказуемой современной России. А мог бы спокойно прилететь самолётом бизнес-класса или, на худой конец, в спальном вагоне скорого поезда с комфортом доехать. Нельзя, его ждут. Наводка по всем крупным вокзалам и аэропортам. Ну и пусть себе ждут. А он мелким сапом, на пригородном поезде, уткнувшись носом в стену обшарпанного вагонного купе, едет туда, куда и при его везучести, и фантастической наглости никто и предположить не может. Не самоубийца же он, в самом деле! Но, несмотря на полнейшее безрассудство, едет он на родину, уткнувшись в жесткую и пыльную вторую полку, занимать которую желающих мало. Изобилующие щелями окна и двери скрипучего вагона не мылись, наверное, с тех пор, как появились на наших дорогах, в начале шестидесятых. Переполненный в начале пути вагон постепенно пустеет. И к конечной станции, судя по всему, останется заполненным только его купе. Пьяненькие старушки, озабоченные судьбой Люськи, сошли на одном из заснеженных полустанков. Зато ввалились два нетрезвых мордоворота и сразу же начали приставать к симпатичной девчушке с челкой и ямочками на щеках, пытавшейся спрятаться за раскрытую книгу. Словно за ней спрятаться можно!

Сколько их таких, с чёлками и ямочками, приезжало с возвращающимися в часть десантниками на грузовиках и бэтээрах. Под воздействием наркотиков и алкоголя, а зачастую просто так, из спортивного интереса, с некоторым принуждением и безо всякого принуждения. Главное, ничего поделать нельзя. У многих солдат это первая в жизни женщина. У многих она же и последняя.

С какой-то неведомой до того грустью всматривался он в её лицо, осознавая, что впервые смотрит на девушку не как на предмет вожделения, а как смотрит отец на своего ребёнка, внезапно поняв, что дочь незаметно для него выросла и давно уже превратилась в женщину. В пору испугаться этого не изведанного доселе состояния. Судя по возрасту, своя, такая же курносенькая, вполне могла бы быть. Но где? В Карабахе, Таджикистане или, может, в африканских джунглях, среди черномазых — такой вот ангелочек в набедренной повязке бегает? А скорее всего, уже не бегает. Там женщины рано замуж выходят. Да и по России наследил. Не зря же про людей его профессии говорят: погладь по головке каждого второго ребёнка, возможно, он твой.

Чувствуя на себе пристальный взгляд, девушка поднимает глаза. Вот это глаза! Почему такие встречаются, когда впереди у тебя пустота, а сзади, выражаясь пошленьким языком, собачьи следы. Пусть у него следы скорее волчьи, чем собачьи, но и от этого не легче.

В очередной раз проваливается в давно уже ставший родным полусон-полуявь. Дожидается, когда появится погрузчик, спихивающий в пропасть «Урал» с солдатами... «Убери руки, урод, убери, я сказала!» Ну вот, и сон по-человечески не досмотришь! Даже размазать по склону горы не успели! Осторожно, не меняя положения тела, приоткрывает глаза. Так и есть. Один из нетрезвых парней обхватил девушку поперёк туловища, больно тиская маленькие груди. Отшатывается от пощёчины. «Ах ты б...дь!» — замахивается для удара. И замирает, словно в бетонную стену мордой врезался, видя очень внимательно смотрящие на него, ввалившиеся глаза мрачного, скелетоподобного существа, лежащего на второй полке, одетого в добротную утеплённую одежду, сшитую явно не в России, и высокие шнурованные ботинки. «Хороший мальчик. Может, до утра и доживёшь, если мозги включишь! А я пока что с полочки-то спущусь».

Забрал из сумки туалетные и бритвенные принадлежности и с сарказмом процедил: «Я пойду зубки почищу. А вы, пожалуйста, за сумочкой моей последите. Не дай Бог, если что пропадёт. Не хочется, чтобы пропало. Огорчиться придётся». А чему огорчаться-то, полупустая его сумка! Увидев в растрескавшемся зеркале вагонного туалета нечёткое отражение своего лица: лицевые кости-то как торчат, ещё немного — и череп, — в очередной раз удивился седым уголкам висков. «А ведь всего — ничего!» Даже самому странно, как у него остались целыми зубы. И дело, видимо, не только в том, что, выражаясь блатным языком, всегда следил за базаром. Тому же погрузчику, что основательно помял его кости на утренней горной дороге, не до его разговоров тогда было. Дело, наверное, в другом, одному Богу известном.

За время его отсутствия дислокация не изменилась: испуганная девчушка напряжённо всматривалась в раскрытую книгу, всё на той же странице. Не удивился бы, узнав, что и на той же самой строчке. Сумку его общупали, как же без этого. Девушка молчит, напугали основательно. Наглые мордовороты, сосредоточенно сопя, догоняют баночным пивом.

Девушку на десерт оставили. Мечтать не вредно!

С их мордами, дохлячок синюшный. Такого, по их мнению, соплёй перешибёшь. Так кто же виноват, что там, откуда он едет, со жрачкой плоховато было.

Она на него даже и не смотрит. Хорошо, если просто боится. Плохо, если он ей безразличен. «Дожил, даже за добрые дела по привычке жду вознаграждения, согласно существующим расценкам и нормативным документам. Желательно в твёрдой валюте и с предоплатой. Как там, у классиков: можно и утром, но деньги вперёд!» Нет, конечно же, он утрирует. Самобичевание всегда было свойственно интеллигентным людям. Бывшим интеллигентным людям тоже.

Поставить этих уродов на место большого труда не составит. Это примерно то же самое, что, простите, перстом об асфальт. Но делать это прилюдно... Милиция рядышком, в соседнем вагоне едет. Молоденьких проводниц тискает. Уйти от них — тоже никакого труда, даже если придётся покинуть вагон на ходу поезда. Но геройствовать со справкой об освобождении в кармане и стволом в кобуре под мышкой несерьёзно. При любом раскладе он лучшая кандидатура на роль злодея. Ему это зачем? Тем более что девушка на него даже не смотрит. А как здорово это происходит в иностранных детективах! Книгу Чейза она как раз и читает. Чем больше в результате трупов, тем любовь крепче. Вот так в мечтах и размышлениях и доехал до пункта назначения. Как в школьной задачке. Из окончательно обрыдшего пункта «А» во всё чаще вспоминаемый в последнее время пункт «Б». Вот только не решается его задача так просто, да и в ответы заглянуть невозможно, по причине отсутствия этих самых ответов.

Сгрёб полупустую дорожную сумку, вмещавшую в своём совсем не безразмерном чреве все его нехитрые пожитки.

Думать не нужно. Работает подсознание. Ноги, не задавая лишних вопросов, несут натренированное тело вслед за пулей выскочившей девушкой и устремившимися за ней похотливыми ублюдками, намерения которых явно не ограничивались тисканием полудетских грудок. Здесь пахло чем-то более серьёзным. Извините, но пассивным свидетелем он сегодня быть не собирается. На привокзальной площади пути резко расходятся, чтобы через некоторое время снова сойтись. Бежать вдогонку обладателю данов и поясов не солидно. Если дыра в заборе была здесь двадцать лет назад, почему бы не быть теперь. Есть дыра, как же без неё! Вот и чудненько! Совсем некстати гудит локомотив отправляющегося поезда. «Идиот! Болван! Тупица! Ну надо же так лопухнуться», — звучит в мозгу, но это уже самому себе. Девушка резко поворачивается и застывает на месте. Скорее всего, его она боится намного больше этих уродов. Их она опасается. Его она боится панически. Примерно так же, как пузатый медбрат, дежуривший в ночь его чудесного «воскрешения» на обитом оцинкованной жестью столе госпитального морга. Явно вспомнил себя, завёрнутого в простыню, испачканную кровью, да ещё и с номерочком на ноге. Это тебе не «покойники с косами» из детского фильма.

Что-что, а лязг зубов медбрата он явственно тогда слышал.

Сделал жалкую попытку улыбнуться и понял, что даже улыбаться по-человечески не может. Некоторое подобие звериного оскала изобразил, и всё. Нехорошо получилось. Неудивительно будет, если в трусы написала от неожиданности. Хотя в подобных ситуациях и мужики, бывает, так в подштанники напустят, что за них же и стыдно. А тут девчушка глупая. Прости, девочка, дядю, такой уж я неловкий. Иди своей дорогой. И пусть сегодняшний страх будет самым страшным страхом в твоей жизни. К тебе у меня вопросов нет. Вопросы есть к преследователям.

Морозец, лёгкий снежок, привокзальные фонари загадочно так светят. В пору назначить здесь свидание с шикарной женщиной, а потом... Но «потом» сегодня, видимо, не будет, потому что оторвёт он головы этим уродам. Непременно оторвёт! Ускорил шаги, чувствуя, как волнами накатывает ярость. Идти за ними не нужно, они сами прут навстречу. Неудивительно, если у них выкидухи под рукой. Встречать противника, видя его перед собой, не страшно. Кое-чему в училище обучили, кое-какие уроки сама жизнь преподала, да и практика обширная была.

Страшно, когда самый близкий человек — в спину... Цинично и зло, и в спину.

Даже и не надейтесь, огнестрела он применять не будет. Огнестрел на самый крайний случай. Он его лучше в привокзальном сортире утопит.

Закуривает. Ждёт. Вопросов никому уже задавать, видимо, не придётся. Всю опрометчивость своего поведения они, скорее всего, почувствовали. Так и есть, останавливаются, яростно жестикулируя, совещаются. Молодцы! Принятое решение устраивает все заинтересованные стороны. Дожидается, пока осядет снег, поднятый ногами ретирующихся «героев». В один из его ночных кошмаров поместить бы их, для профилактики. Хотя, как знать, может, как раз там из них люди бы и получились.

Однако жизнь на этом не заканчивается. Хорошая штука жизнь! Как она тебя ни швыряет, как ни бьёт, а лучше неё нет ничего на свете. А если она ещё и полнокровная...

Как там кореш на зоне-то шутковал: «Холостяцкая жизнь не для одинокого человека». Была не была! Гасит окурок и решительной походкой направляется к дому, по всей видимости, уже бывшей гражданской жены.

Несмотря на горящий во всех комнатах свет и истерично орущий телевизор, дверь открывать никто не разбежался. В глазок его хмурную физиономию, судя по всему, давно уже «сфотографировали». Кому это нужно открывать ему дверь? Да и нашла его «благоверная» достойную замену, скорее всего, поуютнее и поласковее. Сколько ждать можно? Не «декабристка» же она, в самом деле!

Из квартиры соседей робко показалось голое волосатое пузо, свесившееся на засаленные спортивные штаны. Что ни алкаш, то спортсмен. Конечно же, не узнал. Как узнать, когда назанимал в своё время до получки. Только какая получка, ни единого дня не работал, на шее престарелой матери сидел. Из-за спины соседа появляется взлохмаченный кавказец. Вот это новость! Такой зверюги раньше не было. Собака замирает от неожиданности, оскаливает зубы и начинает пятиться. Будто волка встретила. А какое отличие, чем он теперь от волка отличается? Даже такие серьёзные псины боятся выяснять с ним отношения. Не зря столько времени в собачьем питомнике провёл. Не однажды потом, во время командировок на Кавказ, пригодилось. Те собаки не чета изнеженной соседской игрушке, но и они не слишком-то торопились про-

бовать его горло на вкус. Но физиологическую потребность никто не отменял. Мочевой пузырь опорожнять нужно вовремя, и поэтому, жалобно повизгивая, пряча глаза, призванная заставить любого обмочиться от страха зверюга, униженно распластавшись по ступеням, пулей вылетает на улицу, едва не снеся с петель входную дверь подъезда. Ещё раньше громыхает дверь соседской квартиры. Отворилась она как-то повкрадчивее. Ничего нового он для себя не открыл. До седых, простите, дожил. А всё еще в сказочки верит. Чудеса нам, наивным, подавай!

На календаре март месяц, а морозы похлеще зимних. Красота! На деревьях иней, от дыхания пар. А снег под ногами хрусть, хрусть, хрусть! Вот так и шёл бы бесконечно долго. Шёл бы и шёл… Но только куда? Прямо на него, уверенно урча «трёхсотсильным» турбированным двигателем, разбрасывая в разные стороны снег, словно ледокол куски льдин, пер трактор К-700. Первое желание — отпрыгнуть в сторону, сделать кувырок с перекатом и, еще не достигнув земли, лупануть из «калаша», вдавив гашетку до упора. А лучше из подствольника, чтобы уже наверняка. Вот так и будет, наверное, до конца дней своих даже от рёва мирного тракторного мотора вздрагивать. Заигрался в войнушку основательно. Тракторист, худенький парнишка, на вид лет шестнадцать — не больше, тонюсенько пропищал тракторной пибикалкой. Не солидно как-то, дура его чёрта с рогами утащит, а пибикалка несерьёзная. Группировка, прыжок! И он бесплатный пассажир. Что-то вроде зайца на общественном транспорте. Ехать, на ходу прицепившись к заднему борту тракторной тележки, доверху загруженной мешками с минеральным удобрением, лучше, чем тащиться по разбитой санной дороге. А ещё говорят, сельское хозяйство развалилось. Оказывается, и сеют, и жнут, кому это хочется. Ночь-полночь, а удобрение тракторными тележками на склады везут.

Не доезжая до села, спрыгнул в снег. К собственному удивлению, обнаружил, что снеговая корка довольно-таки прочная. Осевший во время недавних оттепелей, пропитанный многодневным дождём, а потом застывший на морозе твёрдым панцирем наста снег хорошо держит вес человека. Направился к кладбищу, не заходя в село. Родных у него там, после смерти матери, нет. Да и какие родные в его ситуации! Прямиком — через гладкое, словно футбольное, поле, овражек и развалины бывшей фермы. Столько раз ходил этой дорогой в детстве! А чтобы специально на кладбище здесь идти, да еще и зимой, впервые. В полукилометре от кладбищенской ограды пересёк цепочку окровавленных следов. Сразу и не разберёшь, волк это или крупная собака. Обычно волчьи следы ровной цепочкой тянутся. А эти более собачьи напоминают. Но кто знает, может, раненый зверь, сильно припадая на одну ногу, и изменил своим привычкам. Хотя, говорят, сейчас и собаки в волчьих стаях встречаются. Может, им среди волков-то лучше, чем рядом с людьми бедолажить? Поди это разбери.

Вспомнился разговор пьяненьких старушек, поминающих водкой и копченой селедкой какую-то Люську, услышанный накануне в обшарпанном купе поезда. Ёкнуло сердце: «А вдруг и здесь людей в снег хоронят, чего это волку возле кладбища отираться?» Нестерпимо засосало под ложечкой. Сколько дней он ничего не ел? День, два, а может, целую неделю? Но еда — это такой пустяк по сравнению с тем, что он сделал. Вопреки всему долетел, доплыл, доехал, дошел, черт возьми!

При том, что постоянно думал о матери, особенно после того, как через десятые руки получил известие о ее смерти, она ему не снилась. А так хотелось, хотя бы во сне, прибежать с улицы, сбросить на крыльце лыжи или коньки. Освободиться от задубевшей на морозе одежды и примоститься на старом колченогом стуле у приоткрытой дверки раскаленной печи. Забросить на уголья заранее приготовленные клубни картофеля. Желательно некрупные, чтобы пропеклись получше, и, помешивая изогнутой кочергой полусгоревшие головешки, дожидаться, пока придет с работы мать. Но мать не придет. Она никогда уже больше не придет!

На краю погоста свежая могила. Совсем недавно кого-то хоронили. Прислоненные к добротному дубовому кресту венки, замерзшие на морозе живые цветы. Дорога хоть и заметена, но ее чистят регулярно, и это уже отрадно. Почти не замело. Не везде, выходит, в снег хоронят. Замотанная в полиэтиленовую плёнку карточка аккуратно прибита к дубовому кресту. «Мастеровой мужик был. Не удивлюсь, что сам себе крест заранее сладил, — подумал Илья и обратился, словно к живому: — Здорово, дядь Вась! Не знаешь, где моя матушка покоится? Конечно, знаешь, но разве с такой глубины до меня докричишься. Помнишь, ты нас с пацанами самосадом угощал, а она застала. От души крапивой отходила, и тебе перепало. Серьёзная женщина».

Мать без него схоронили. Вон сколько снега, разве могилу отыщешь? Руками, разве что, снег разгребать. Но будь хотя бы капля уверенности, что живой увидит, до самой земли, наверное, снег голыми руками бы разгрёб. Мраморные надгробья даже на деревенском кладбище. «А мы с Люськиным сынком похоронить своих матерей по-человечески не смогли!» Чужие люди постарались.

Тишина-то какая! И вдруг — может, показалось — явственно слышится из-за корабельных сосен, посаженных лет сто назад вокруг церковного сада, гул колоколов. Тихонечко так, словно из детского сна порывом ветра случайно занесло. Как звонят колокола самой церкви, он никогда не слышал. Разорили церковь ещё до его рождения. Но, что интересно, несут покойника — обязательно у врат церкви постоят. Причепуренные старушки, что на Пасху, что на другие престольные праздники, обязательно наведаются. А, казалось бы, что святого от церкви осталось? Полуразвалившееся здание, обезглавленные купола, заполненные всяким хозяйственным хламом и семенным зерном поме-

щения. Сбоку, словно другого места не нашлось, огромную бочку с бензином прилепили. Начальная школа, расположенная в помещении бывшего церковного пристроя, через дорогу находилась. Во время грозы — он в четвёртом классе тогда учился — ударила молния в купол церкви. Такой разряд был, что половина класса, и не только девчонки, под парты забрались. Как заворожённые, смотрели дети, вместе с побелевшей от страха учительницей, как горит купол. Как кренился крест, сверкая отраженными в его зеркалах языками пламени. Чем не геенна огненная! А эта проклятущая бочка с бензином, как раз под горящим куполом... Не дал тогда, наверное, Бог безвинным детям от пламени горящего бензина погибнуть. По какой-то немыслимой траектории ушёл раскалённый крест в сторону. Отнесли его потом пионеры в металлолом. Вот только забирать его престарелый водитель вторчерметовской машины, несмотря на угрозы начальства, напрочь отказался.

Со стороны церкви показалась фигура мужчины, яростно орудующего лопатой. Явно не для проформы пришёл сюда этот человек. Давненько Илья не видел, чтобы с таким остервенением боролись со снежными заносами. И так несколько часов кряду: зацепил — бросил, зацепил — бросил... Не сбиваясь с ритма и не останавливаясь. Разделённая пополам, как раз посередине, дорога стала вполне пешеходной. По наивности думал, что трактором чистят. А тут такие чудеса! «Из приезжих или из вернувшихся? — задал сам себе вопрос Илья и сам же ответил: — Какая теперь разница, из каких! Припугнут, и сдаст с потрохами, чего ему скрывать какого-то там беглого зэка!» Наконец мужичок приблизился на расстояние вытянутой лопаты, обтёр залитое потом, раскрасневшееся от легкого морозца одутловатое лицо скомканным носовым платком. Покосился на марочный коньяк, стоящий в снегу, засыпавшем столик, установленный у одной из могил. Коньяк явно не вязался с изможденным обликом Ильи. Отметил полное отсутствие закуски и стоимость напитка. «Не дешевым, стало быть, коньячком потчуетесь». И на немое предложение — глазами — пригубить, отчаянно замотал головой: «Ни-ни, я своё на этом свете давно выпил. Известная болезнь всех российских интеллигентов и творческих людей. А от этой заразы все проблемы. И в семье, и в творчестве, и в другом, о чём даже и говорить не хочется. Наложил я на себя эпитимью такую. После каждого снегопада дорогу от церкви до кладбища чищу. Иной раз сутками, не переставая, лопатой махать приходится. Первый год один чистил. Сейчас мужики помогают. Особенно перед похоронами. Стариков чуть ли не каждый день провожают. Вот Василия Никитича — знал, наверное, такого — три дня как отнесли». — «А учительница, Вера Васильевна, часом не знаете, где схоронена? Приехал на могилку к матушке, да разве в такую непогодь найдёшь».

Мужичок молча кивает головой: «На её столике вы как раз и расположились. Всем селом на памятник собирали. А столик со скамеечкой ей дядя Вася и смастерил, земля им обоим пухом. Вон и фотография, только снегом её за-

сыпало. Снега-то нынче какие! А умерла, когда сирень распустилась. Как никогда она в тот год цвела у вашего дома. Словно прощалась».

Илья застыл от неожиданности — просидел столько времени у могилы матери, сам того не подозревая! Выхватил лопату из рук мужичка. И принялся яростно разгребать снег. Так и есть! С эмалевого овала внимательно посмотрели на него грустные материнские глаза: «Исхудал-то как, сынок! Не нужно было приезжать, не нужно. Здесь тебя в покое не оставят. Мне теперь ничем уже не поможешь». — «Здравствуй, мама! Не обижайся, что так всё у меня непутёво в жизни получилось!»

«Да разве когда матери на своих детей по-серьёзному обижаются?» — вздохнул мужичок.

Пока разговаривали, погода резко поменялась. И без того неласковое солнце налилось багровым цветом грядущей непогоды, словно свежей кровью наполнилось. Поднялся ветер. Очищенная часть дороги начала постепенно покрываться порошей кипенно-белого, девственного снега, отражающего отблески багрового заката.

Видя состояние странного человека, неведомо откуда появившегося на деревенском кладбище, и понимая, что здесь он лишний, мужичок снова ухватился за свою лопату, словно утопающий за спасательный круг. И с ещё большим рвением, как автомат, загреб — бросил, загреб — бросил, загреб — бросил...

На санную дорогу, ведущую к железнодорожной станции, Илья выбрался ближе к полуночи. Ветер, буйствующий весь вечер, внезапно стих. Но разве собственный барометр обманешь! Боль хоть и давно сросшихся костей ни с чем не сравнишь. Быть снегопаду. Остановился, как былинный богатырь на перепутье, если не брать во внимание крайнюю худобу да и отсутствие придорожного камня. И так же — три дороги перед тобой. Правда, одна из них не вперёд, а назад — на кладбище. Направо — с некоторой отсрочкой, но всё туда же. Налево — в родное село? А кому он там спёрся? Ни родных, ни друзей...

Со стороны станции показалась запряженная лошадь. Даже на приличном расстоянии было видно, что в санях один человек. Представил себе дюжего красномордого мужика, с неизменной цигаркой во рту. Небритого, угрюмого. И обязательно попахивающего самогоном. Стереотипы они и есть стереотипы. Никуда от них не денешься. Каково же было удивление, когда повозка подъехала на расстояние, позволяющее рассмотреть её более детально. Легкие санки, ёкая селезёнками, всхрапывая и потряхивая изящной головкой, легко несла серенькая лохматая лошадка с длинной, заплетённой в косички гривой. Вслед за этим, при ярком свете полной луны, в санках явно обозначился силуэт женщины. Судя по элегантной дублёнке, довольно-таки молодой и привлекательной. Зрение и нюх его никогда не подводили. Внешний вид женщины разглядел и запах молодого женского тела вспомнил. И голова закружилась от любезно представленного памятью запаха. Как жалко, что не по пути. Не по

пути? Ошибаетесь, молодой человек. Женщина натягивает вожжи: «Тпру! Садись, чего стоишь. Или пешком идти сильно хочется?» — «Так я же…» — «Чего я же? Кому говорят, садись»! Ну, раз так, пожалуй, сяду. Давненько на санках не ездил.

Лихо и в то же время с присущим только женщинам изяществом возница шлёпает вожжами по крупу лошадки: «Шевелись, Мышка! Если не хочешь, чтобы хозяйка замёрзла». «А почему это Мышка?» — поинтересовался Илья. «Так ведь она же серая, неужели не понятно?» Ну, раз серая, тогда понятно.

Полудетские капризные губы, курносый носик, непокорные рыжие кудряшки, торчащие из-под изящной шапочки. Покосился на показавшиеся из-под откинувшейся полы дублёнки пышущие здоровьем и такие уютные колени, в тёплых вязаных брюках. И так они напомнили ему колени его матери, на которые он любил забираться долгими зимними вечерами! Забирался и смотрел на мать, украдкой вытирающую слёзы. От них, незадолго перед этим, ушёл отец. «Мама, я тебя никогда не брошу». «Если бы это было так», — вздыхала мать. Если бы это было действительно так!

И так невыносимо захотелось положить руку на эти пышущие здоровьем и теплом, слегка полноватые женские колени. К удивлению, никакого всплеска эмоций за этим не последовало. Никто не шарахнулся и руки лихорадочно не сбросил.

«Я на ваших плечах сидела, а вы, наверное, не помните», — выпалила женщина, чувствуя на себе его изучающий взгляд. И видя, что он опешил от такого откровения, добавила: «Первого сентября, я тогда ещё в школу только пошла. А вы, десятиклассник, на плечи меня посадили. А я со звонком. Такой сильный и красивый. Какое женское сердце устоит? Вот тогда я в вас и влюбилась». И тут же поправилась: «По-детски, конечно же. Мама ваша до пятого класса у нас классным руководителем была. Письма ваши нам читала, фотографии показывала. Мы хоть и маленькие были, а сразу раскусили, что большинство из них почерком Веры Васильевны написаны».

А руку он так и не убрал.

«Не боитесь по лесным дорогам ночью раскатывать? Ладно бы хоть на гусеничном вездеходе, с охраной. Или хотя бы на джипе, а так, на открытых санках, страшновато, наверное?» — «Кого мне бояться? В нечисть разную я не верю, её только в страшилках по телику показывают. От волков — они, говорят, в наших местах снова появились — у меня карабин имеется. Не бойтесь, он у меня зарегистрирован. Охотоведом работаю. Никакого криминала. А плохие люди мне пока не попадались». — «Это очень хорошо, что не попадались, вон ружьё-то какое». — «Хороших людей на свете больше, чем плохих». — «А как насчёт того, что чужих мужчин на санках раскатываете? Если жена такая крутая, муж уж точно с пулемётом встретит. Или не встретит?» — «Не встретит, — отрезала женщина, — уже два года как не встречает. Характерами не сошлись. Ну и Бог бы с ним. Был бы здоров!»

«…Банька, по всей видимости, сегодня будет, — подумал Илья, — и борща с деревенской сметаной так хочется. Но какие классные у неё всё-таки колени!»

И, к своему удивлению, почувствовал, что улыбается — впервые за последние годы, не по-волчьи, а как самый обыкновенный человек.

ГОЛГОФА КОЗЬМЫ СЕМИЖИЛЬНОГО

Да будет слово ваше: да, да; нет, нет;
а что сверх этого, то от лукавого.
Евангелие от Матфея, стих 37.

В день, когда освящали вновь отстроенную церковь Параскевы Пятницы села Покровка, что в ста верстах южнее уездного города Спасска находится, обвенчали две пары молодоженов и окрестили двоих детишек-близнецов Маруськи Зитевой. В тот же день отпели двух усопших накануне покойников. Восьмидесятипятилетнюю повивальную бабку Лукерью, через заботливые руки которой прошло все здравствующее на тот момент население Покровки. Кстати, и младенцев, крещенных в день открытия церкви, всего-то несколько месяцев назад, во время родов принимала она же. Она, она, не сомневайтесь. Не могла она такого мимо себя пропустить. И еще одного события не могла она пропустить. Семь лет ждала, не помирала, пока свою церковь Козьма Семижильный, ее приемный сын, замаливающий смертный грех, достроит. А еще в этот день отпевали и самого Козьму, изорвавшего на строительстве церкви все свои семь неубиваемых жил…

Лет за двадцать до этих событий и случилось то, о чем никак нельзя умолчать в этой странной истории. Возвращалась повивальная бабка и знахарка Лукерья из соседней деревни от роженицы. Накануне выпал снег, запорошив тонким слоем хорошо наезженную санную дорогу. Полная луна, словно живая, с самой верхотуры неба ехидно ухмыляется. Светло — словно днем. Впору подбирать иголки для шитья. Легкий морозец. А тишина-то какая! Спешит Лукерья: дома скотина не кормлена, не поена. Да и у самой весь день маковой росинки во рту не было. Утром, провозившись по хозяйству, не успела, а у роженицы перекусить постеснялась. Детей у нее семеро по лавкам, мужик хворый, а достаток в семье не шибко какой. Пусть уж лучше детишкам лишний кусочек перепадет. Роженица — в чем душа, худющая, скелет скелетом, а принесла богатыря! Еле разродилась. Не только сама до смерти замучилась, но и с Лукерьи семь потов сошло, пока ребенка в свои добрые руки приняла да пуповину суровой ниткой накрепко перевязала. Давно Лукерья таких бутузов не принимала. Отрадно, когда здоровые дети рождаются. Скольким младенцам помогла на свет Божий появиться — теперь уже и не вспомнишь! Но те, хоть и ангельские создания, однако дети чужие! А вот своих — мальчика или девочку,

чтобы всю жизнь около тебя, в печали и радости были, такого нет. Рожать-то она рожала, только всех их Господь прибрал еще маленькими. А недавно и мужик помер. Одна-одинешенька Лукерья на всем белом свете!

Минувший год был не урожайным. Впрочем, когда они, урожайные годы, в их местах, на солонцах и в подлесках, были? Зерна только-только на семена наскребли. А самим что осталось? Мякина пополам с лебедой, постные щи из перекисшей квашеной капусты, без хлеба, да овсяная каша с квасом. Хорошо еще, овес удался. Иначе — ложись и помирай. Гляди, ближе к весне потянутся по заметенным деревенским улицам толпы голодных нищих. Хотя когда это было такое, чтобы на российских дорогах нищих-то не было? А чего им подавать? У самих — мышь в амбарушке с горя, того и гляди, повесится. Но тут дело такое — сам с голоду пухни, а нищим подай! Пусть последнее, но отдай. Так испокон века ведется.

Еще и волчьи следы, увиденные ею у заросшего лесом оврага, ее озадачили. Сильных морозов не было, а волки почти вплотную подходят к деревне. К чему бы это? Так дальше пойдет, и в овчарню через соломенную крышу заберутся аспиды!

И слышится ей: из старой копны на обочине вроде бы как собака скулит. Жалобно так и почти не слышно. Хорошо еще, слухом ее Господь не обидел, иначе ничего и не услышала бы. Пригляделась: следы человеческие, полузаметенные. Вроде бы как взрослый человек прошел и ребенок. Понятно, почему это волки всполошились!

Позвала, но никто ей не ответил. Однако скулеж прекратился.

Подошла Лукерья к копне, солому разгребла, и волосы у нее встали дыбом. Одетый в лохмотья мальчик, прижимающийся к изможденному, успевшему уже окоченеть мужчине. Так и есть, слепой с мальчиком поводырем. Видела она их накануне, даже козьим молоком со свежеиспеченным хлебом угостила. Тогда и посетовал ей слепой нищий на свое несладкое житье-бытье. Нечего Бога гневить, сам-то пожил. Всякого в жизни навидался. А вот за цыганенка, поводыря, душа болит. Пропадет без взрослого присмотра. Как есть пропадет. Худенький, большеглазый цыганенок прибился к слепому нищему нежданно-негаданно. Забрел слепой в запрятанную среди болот лесную деревеньку совершенно случайно. А там холера свирепствует. Местный народец поумирал почти поголовно. Там же нашел свое последнее пристанище приблудный цыганский табор. Осталось в живых из жителей деревни несколько немощных стариков, которым и без того не сегодня-завтра помирать, да девочка малолетняя. У цыган выжил мальчик. Пришлось забирать с собой обоих — и мальчика, и девочку. Стали побираться вместе. Но такой оравой одними подаяниями разве прокормишься? Некоторое время спустя девочку пристроил у одной, немолодой уже, бездетной супружеской четы. Цыганенка, как только тот немного подрастет, задумал отдать в обучение к знакомому мельнику. Работенка — не мед какая, мешки таскать целыми днями, но хотя бы сыт будет. А там жизнь

покажет. «Живем вместе с жизнью, не торопимся. Иначе беду догоним. Но и, по возможности, не отстаем, иначе беда догонит нас», — закончил слепой, сильно занемогший даже от неспешного разговора.

Повздыхала, повздыхала Лукерья, слушая рассказ нищего, даже в свой засаленный передник украдкой всплакнуть ухитрилась. Да что толку-то от ее вздохов? И тогда еще по внешнему виду слепого определила, что постоянно кашляющий и сплевывающий кровью мужчина — не жилец. Тут даже ее лекарские познания не помогут. Чахотка, она никого не щадит. Только заболей! И вон оно как все скоро обернулось! Жизнь, как всегда, распорядилась по-своему.

Ослабленный организм больного мужчины не выдержал ночевки в чистом поле.

Еле растормошила Лукерья посиневшего от холода мальчика. «Как звать-то тебя, горюшко ты мое?» «Кокккозьма», — отбил чечетку своими белоснежными зубами еле живой цыганенок. Завернула Лукерья почти невесомого от постоянного недоедания мальчика в свою видавшую виды пуховую шаль, подхватила на руки и чуть ли не бегом припустилась домой. Накормила чем было. Напоила горячим молоком с барсучьим салом. Жарко протопила печь и пропарила в ней иззябшего мальчика. Не дай бог застудить легкие или почки. Спать улеглись на той же печи, где и парились, укрывшись пуховой шалью. Мальчик сильно пропотел, но утром даже не кашлянул. Всю ночь не спала Лукерья, прижимая к себе нежданно-негаданно свалившееся на нее счастье. И сколько еще потом было таких бессонных ночей, не упомнишь.

Рос востроглазый Козьма добрым, ласковым, а вырос — непутевым. Слишком баловала, наверное, Лукерья своего найденыша, появившегося у нее на старости лет. Вдобавок ко всему Козьма подружился с таким же, как он, оторвягой, уроженцем соседнего села Антипой Зитевым. Сначала в чужих садах и огородах промышляли. Сколько Лукерья за это упреков выслушала! Сколько пучков крапивы об его тощую задницу пообхлестала! А подросли — и того хуже! Стали вместе с такими же, как они, непутевыми промышлять на большой дороге. Смертоубийства не допускали. Так, в легкую. То купчишку какого без товара оставят. То помещика спесивого на чистую воду выведут. То «петуха красного» к чьему-то богатенькому дому, предварительно его обчистив, подпустят.

Понятное дело, что никто специально свою мошну напоказ выставлять не будет. Бывало, все возы перетрясут ватажники, а денег и золотишка нет. Божатся купцы и приказчики, да и простые люди тоже поддакивают: «Последнее отдали, рады добавить, да где же взять! Сами в большом накладе от неудачной торговли находимся». А бабы — вопят, причитают, слезы горькие ушатами льют. Посмотришь, не знамши, — поверишь, что по-настоящему убиваются. А по сытым харям и богатой одежонке видно: нагло врут. Да и еще измываются над неопытными разбойниками, видя их растерянность. Потирают купцы ручки, довольно ухмыляются в сивые бороды: «Шарьте, мол, копайтесь во всяком хламе, а до деньжонок никогда не доберетесь!» Пошарят, пошарят лихие люди

в купеческих повозках, товар и вещи перетрясут да и уберутся восвояси не солоно хлебавши. Вернее, сделают вид, что убираются. В тот момент, когда обрадованные «счастливчики» расслабляются и теряют бдительность, некоторые из них уже пытаются своих пухлых баб за мягкое место ущипнуть (вот, мол, мы какие, нам и сам черт не брат!), именно в этот момент и появляется глазастый и черноволосый Козьма, в начищенных до зеркального блеска сапогах, красной, как у кота, рубахе и с серьгой в одном ухе.

Гибкий, жилистый, не идет, а словно парит по воздуху, исполняя диковинный восточный танец. Глазищи блестят страшным лихорадочным блеском. И, конечно же, огромный, остро отточенный топор сверкает в руке у Козьмы. Как же в этом деле без топора-то обойтись! И сразу же всем, особенно бабам, становится ясно: вот он, наиглавнейший мокрушник и убивец всех времен и народов! А Козьма еще для пущей страсти делает вид, что сию же минуту и начнет свое гнусное дело. Такого страха напустит! Снова крики ужаса и плач. Только на этот раз не напускные, а настоящие — смех и грех! Так перепугаются, что сами же гуманки свои, деньгами набитые, и суют Козьме в руки: «Все забирай, только не убивай!» А кто их, собственно говоря, убивать-то собирался?

Лукерья, вроде бы и не говорил никто, но первой прознала про проделки Козьмы и его подельников.

Кричит Лукерья, своими маленькими кулачками перед носом Козьмы размахивает. Да кто ее больно-то слушает. Наказывай дитятко, пока оно поперек лавки умещается, а когда дитятко во всю длину растянулся, поздно наказывать, да крапивой сечь, да кулачками перед носом размахивать!

Ватажники тем временем деньгу немалую в «кубышке» общими усилиями скопили. И никакие уговоры и посулы Лукерьи не помогали. И какие могут быть уговоры и посулы, когда такими деньжищами запахло... А тут еще побывал Козьма дружкой на свадьбе у своего закадычного друга Антипы, привезшего откуда-то из-под Карачаевска молодую жену. И уж лучше бы Кузьму в рекруты забрали. Или сгинул он где-нибудь, промышляя на большой дороге. Или утоп в проруби, на рыбной ловле. Или просто от холеры помер. Потому что так запала молодая жена Антипы в сердце Козьмы, что случилось непоправимое. Куда ни пойдет Козьма, куда ни поедет, какими делами ни займется, а все из рук валится. Стоит Маруська, жена Антипы, перед глазами, и никакими молитвами от этого наваждения не избавиться. Еще и час от часу не легче: узнал Козьма в Маруське ту самую девочку, вместе с которой и подобрал его слепой нищий в почти вымершей лесной деревеньке. Признала его и Маруська. Вроде бы как брата единоутробного вновь обрела. Какая уж после этого любовь! Затаил Козьма на своего лучшего друга лютую злобу. Впору запить или, чего доброго, руки на себя наложить. А дьявол, почуяв неладное, подзуживает и на нехорошее подталкивает.

И такой случай представился. Пошли они с Антипой — Рождественским постом дело было — на медведя. Неделей ранее приметил Козьма в дубняке

за Моховым болотом, по характерным признакам, берлогу. Быстро сговорились, приготовили рогатины, веревки, ножи. Волокушу, чтобы медведя в село тащить, изготовили заранее. Дурная примета. Как в народе говорят: шкуру неубитого медведя поделили.

Словно чувствовала Лукерья, что нехорошим закончится молодецкая забава бесшабашных друзей. Уж так отговаривала, так упрашивала, можно сказать, умоляла: «На кой столько мяса в пост! А ежели солить его, одной соли половиной пуда не обойдешься. Соль нонча вон какая дорогая!» Так кто же матерей больно-то слушает! Смеются оторвяги: «Хватит, Лукерья, «кудахтать» да тоску нагонять. В первый раз, что ли, за медведем идем? Одного сала нутряного пуда два, если не больше, в медведе — лечи больных, не хочу. Мы тебе соли, сколько хочешь, купить можем. Да что там какая-то соль! Мы тебе из шкуры медвежьей шубу сошьем и рысака с резными санками в придачу «подкатим». Будешь как боярыня какая по своим роженицам разъезжать». «Не нужны мне ваши санки с рысаками и шубами. И соли, на деньги неправедные купленной, тоже не нужно», — отмахнулась от их шуток расстроенная Лукерья.

Рогатины готовил Козьма. Маленький такой сучочек, древоточцем подточенный, сразу и не углядишь. Козьма углядел, но промолчал. И сколько ни пытался потом достучаться до собственной совести, однозначного ответа — мол, специально не заметил или же на авось понадеялся — так и не получил. Но честно рассудил: раз так сильно этого хотел, значит, виноват в гибели друга, чего уж Бога зря гневить!»

Вон как оно все получилось! Разъяренного медведя, выскочившего из берлоги, подхватил на рогатину стоящий впереди, более рослый и сильный Антипа. Умелым движением всадил грозное оружие под медвежьи ребра, по самую развилку. Медведь повис всей тяжестью своей многопудовой туши на рогатине. Задохнулся от внезапно охватившей его боли и натужно заревел. Еще несколько мгновений, и с ним будет покончено. Будь Антипа хотя бы немного поосмотрительнее и не торопился бы, может быть, все бы и обошлось. Нет, решил покрасоваться, ускорив события. Вот, мол, мы какие! Что нам какой-то там медведь! Приподнял рогатину, чтобы уж наверняка завалить «хозяина». А рогатина возьми да и хрустни от усилия. Почитай, по тому месту, где тот злополучный сучочек и находился. Был у Козьмы шанс — помочь другу. Когда медведь сгреб кожу на голове Антипы вместе с волосами на лицо, мог Козьма точным ударом в сердце своим заголенищным ножом прикончить несговорчивого топтыгина. Мог, да не успел. А может, и не успел потому, что не сильно этого хотел.

Словно орех, расколол медведь своей лапищей череп Антипы, довершив страшное дело. Антипа даже вскрикнуть не успел.

И как оно в жизни бывает, только помри, а там схоронят и некоторое время, пока помнят, поминать будут регулярно. Потом все реже и реже. А потом, глядишь, и вовсе позабудут. А как известно, сколько человека помнят, столько он и

жив в памяти. По всем христианским канонам Антипу поминали несколько раз. В день похорон, на девятый и двадцатый день блины разнесли. Душу безвременно усопшего всей деревней проводили на сороковой день. Не скупились. Тут уж и сам Козьма, и другие подельники Антипы раскошелились. Хоть и сказывают: ватажником был и похабником слыл грешный, однако слова плохого о нем ни у кого язык не повернулся сказать. И стало это событие потихонечку отходить на второй план. Прочих забот в деревне непочатый край. Стал забываться и Козьма. Поразмыслив, решил, что его специального умысла в этом деле нет. Сучочек, видите ли, на рогатине был! Да сколько этих сучочков на дереве. За каждым разве усмотришь! Подумал так Козьма, и вроде бы полегче стало. Но куда там! На Троицу снится ему сон. Будто пришел к ним рано утром, еще скотину на пастбище не выгоняли, Антипка. Веселый такой. Присел на скамейку под образами. От предложенных щей отмахнулся: «Да какие там, Козьма, щи! Мысль у меня давно уже в голове витает. Хочу церковь на Лысой горе, что возле речки Камышовки находится, построить. Не гоже как-то получается. Деревня у нас большая, дворов под двести, а церкви с испокон века никогда не было. Да теперь не суждено будет моим мыслям сбыться. Вона как все повернулось. Сыночков Маруськиных, не рожденных еще, хотелось бы именами Антип и Козьма окрестить». «А сыночки-то у вас с Маруськой откуда? Если бы что намечалось, Лукерья давно бы подметила», — хотел спросить Козьма, но не спросил.

Сидит Антипа на лавке, а Лукерья у печи хлопочет. И ничего из сказанного Антипой не слышит. Прямо как оглохла. Да и самого Антипы не видит. Не похоже на Лукерью, что притворяется. И тут что-то отвлекло внимание Козьмы. То ли мышь в подпечке пискнула, то ли муха на окне громче обычного зажужжала, то ли еще что, он потом никак вспомнить не мог. Только смотрит Козьма, а Антипы уже нет. Нет и Лукерьи. Она ему уже со двора кричит: «Смотри, Козьма, что деется! Что деется! Поглядь, поглядь! Над Лысой горой сразу три радуги, одна в другой, расположились. Никогда такого не видела. А солнышко-то как играет, словно на Пасху. В честь пресвятой Троицы, стало быть!»

Вот тогда и рассказал все Козьма Лукерье. А ей и рассказывать ничего не нужно. Давно бы уж нужно было задуматься Козьме, с чего это она за последнее время так поседела и сгорбилась.

И решил тогда Козьма сам построить Антипину церковь.Охотников помочь в его начинании что-то не находилось. Подельники по прошлым ватажным делам тоже не торопились пустить часть неправедно нажитого на замаливание грехов. Все, к кому ни обращался Козьма за помощью, делали страшные глаза и отмахивались от него, как от надоедливой мухи: «Да ты чего это, Козьма, удумал! Мелешь не весть что, словно белены объелся! Церковь — это тебе не избу или светёлку построить. Церковь — это такое! К этому делу просто так, с кондачка, не подступишься! Одного строевого леса на тыщи рублей нужно. А петли и прочие скобяные изделия? А жесть на кровлю? А стекло? А лак и краска...

И принимались яростно загибать пальцы. В его затею не верил никто. Похоже, что переставал верить и сам. Хотя в начале строительства большие деньги и не требовались, потому что сруб Козьма планировал рубить из доступной осины, которой в окрестных казенных лесах прорва непочатая. Строевым лесом оболенившийся народец печи круглый год топит. А так все лучше, чем на корню сгниет или сгорит при лесном пожаре.

Прошло полгода со дня смерти Антипа, год миновал, а Козьма так и не отважился переступить порог Маруськиной избенки. И чем больше проходило времени, тем задача эта становилась непосильнее. Подкараулил ее как-то вечером возле родника, неуклюже облапал. Сережки с бирюзой попытался всучить. Про любовь свою давнюю что-то бормотал невразумительное. Бесполезно. «Ничего мне больше на этом свете, без Антипушки моего, не нужно, — говорит Маруська, — свободная я, он еще об прошлом лете вольную мне выхлопотал. Будешь настаивать, вообще в монастырь уйду. Да и чего ты во мне нашел? Мало ли девок на деревне незамужних? За тебя любая с радостью пойдет».

И решил тогда Козьма отложить свое сватовство до завершения строительства церкви. Вот только до завершения строительства было ой как далеко. Но, как говорят в народе, глаза боятся, а руки делают. Да уж по первости любопытных глаз было очень много, а руки были одни.

Начал Козьма со своеобразного поста. Слышал где-то, что богомазы, прежде чем принимаются за написание святого образа, сорок дён постятся.

Странный это был пост. Ровно сорок дней не выходил Козьма из своей ветхой избенки. Никого к себе не пускал, пил горькую и ничего при этом не ел. Любопытные мальчишки рассказывали, что плачет Козьма. Плачет и горькой свои слезы запивает.

На сороковой день запряг свою лошаденку и уехал в лес. К обеду привез два первых хлыста. Немного отдышался и ближе к вечеру приволок еще. Так и пошло. Сам деревья валит, от сучков освобождает, грузит и везет. Что ни день, то два, а то и целых шесть деревьев. В любой день без исключения, включая ненастные и праздничные дни. Каждый день с рассвета и до заката. Тогда же и прилепилось к Козьме прозвище — Семижильный. И ведь как в воду смотрели. Ровно семь лет строил Козьма свою церковь. Осенью начал, глубокой осенью и закончил. И по истечении очередного года рвалось внутри у него по одной жиле. Церковь росла. Незаметно для постороннего глаза, но росла. А сил оставалось все меньше и меньше. Козьма возил хлысты. Шкурил, прорубал продольные пазы. Рубил замки. Нумеровал и снова, с утроенным усердием, принимался возить хлысты. Но прошло еще долгих три года, прежде чем в его начинание поверил народ. Да и как не поверить: огромный сруб — вот он, его даже руками потрогать можно. Мужики трогали, крестились и принимались за дело. Валили лес, шкурили бревна, распускали цельные стволы деревьев на доски. Одинокому топору Козьмы отчетливо поддакивали топоры доброволь-

ных помощников. Повизгивали пилы на импровизированной пилораме. Скоро нужно будет вязать оконные рамы, двери… А сколько досок нужно на стропила крыши и внутреннее обустройство… В нестройном хоре мужских голосов четко прослеживались и женские. То повечерять мужьям и детям принесут, то последними новостями поделятся, то щепок для растопки печи наберут, то просто так лишний раз на людях покрасуются.

Две лошади не выдержали, сдохли от непосильного труда, а Козьма возил, возил, возил и возил…

Всего несколько дней отсутствовал он на стройке. Но об этом разговор особый. После того как Маруську, занимающуюся вместо покойного Антипа извозом, в одной из поездок ссильничали, коней и поклажу отобрали, Козьма краюху хлеба за пазуху запихал, плотницкий топор за пояс заткнул, наказал мальчишкам, чтобы лошаденку его кормили, и, как был без обувки, ушел в лес. Всего лишь неделю отсутствовал на стройке. А жители Покровки уже забеспокоились — это как же без Козьмы церковь-то достраивать будем! Кому такая тяжесть по плечу? Но горевали совершенно напрасно, Козьма вернулся. Утром шестого дня едва живым приплелся. Его, грешным делом, и не признали. Еще больше поседел и осунулся, а совсем еще нестарое лицо Козьмы густо испещрили глубокие проталины морщин. Глаза же Козьмы, такие открытые и выразительные раньше, погасли окончательно, словно никогда и не горели. Нелегко, видать, пришлось Козьме в этой непредвиденной отлучке.

Следом на окраине Покровки, у копны сена, нашли пропавших Маруськиных коней. Даже свидетели нашлись, которые видели, как коней пригнали цыгане. Чудно это как-то, дивились сельчане. Цыгане все больше коней крадут, а тут глядишь ты — сами пригнали! Действительно чудно!

В тот же день полицейский чин с уездным следователем прикатили.

Нашли, говорят, на тракте двоих известных в этих местах молодцев. Чем-то очень острым порешенных. Возможно, саблей или косой, а скорее всего, плотницким топором, потому что волосы на раскроенных головах у них не вмяты, а словно бритвой срезаны. Следы коней и повозки говорят о том, что убиенные не пешком туда пришли. А куда эта повозка подевалась и кто совершил злодейство — одному Богу известно. Никаких улик и вещественных доказательств. Странные следы босых ног, идущие из глубины леса, и все. Дело темное и простому вразумлению неподвластное.

Покумекали, покумекали мужики, слушая рассказ полицейских, и решили Козьму не выдавать.

Вызвали старосту. Тот помялся, помялся, но на вопрос, отлучался ли в это время кто-либо из деревни, затряс головой: «Нет, никто не отлучался!» И даже сделал попытку перекреститься. Однако креститься, видя, что дознаватели отвлеклись, не стал.

Полицейский чин со следователем поехали к Маруське Зитевой. Насильников она по описанию и особым приметам опознала. А вот причастность к

этому делу Козьмы отмела заявлением, что все дни он провел в ее избе, никуда не отлучаясь. Похмыкали дознаватели, похмыкали, осматривая ладную фигуру Маруськи, но ничего не сказали. Такой поворот устраивал всех, в том числе и самих дознавателей.

Сруб с горем пополам Козьма еще срубил и на приготовленный фундамент уложил. На большее его познаний в строительстве не хватало. Не было знающих людей и среди добровольных помощников. Помаялся, помаялся Козьма и, вконец измучавшись, стал подумывать: а не бросить ли ему свою затею?

Но в любом благом начинании должен быть выход. Обязательно должен быть выход!

На вторую седмицу после Пасхи — а Пасха в этот год была ранняя, по утрам сильно примораживало — забрел нечаянно в деревню облаченный в дырявую рясу и разбитые лапти, гремя полупустой кружкой для сбора милостыни на строительство храма, тощий и седовласый монах Лукашка. Подивился на сложенный под самую кровлю сруб.

Присел, вытянув изможденные ноги, на ошкуренное бревно. Покряхтел, подавил кашель, перекрестился. Выслушал сетования Козьмы. «Это как же, мил человек, изволишь говорить — придется прекращать строительство? Это как же подсказать некому! А я тебе на что? Да знаешь ли ты, сколь я таких вот церквушек-лебедушек на своем веку-то поставил! Считать будешь — пальцев на руках не хватит. Всю жизнь, с малых лет горбатился. Теперича силы не те. Только и живу, что Божьей милостью и людскими подаяниями. Лет пятьдесят назад нам с тобой повстречаться нужно было. Да ты тогда, поди, еще и не родился. А по внешнему виду сразу и не поймешь, сколько годков тебе кукушка откуковала. Веры бы тебе, мил человек, побольше. Веры тебе не хватает. А умение и опыт со временем придут. В этом можешь на меня рассчитывать. Да и чего уж тут разговоры разговаривать попусту, твои дела — теперь мои дела. Глядишь, общими усилиями церкву твою до ума и доведем. Главное, не помереть нам с тобой раньше времени». Монах потряс своей кружкой, закрыв сморщенной ладошкой прорезь. Да так уверенно и сноровисто. Видно, этот фокус монах проделывал много раз. «На-ка, мил человек, копеечку да пошли когонибудь в шинок за чекушкой. Сейчас душу погреем и твои горемычные дела, кхе, кхе, кхе, — зашелся в сухом кашле монах, — обкашляем». Впервые после смерти Антипа улыбнулся Козьма. «Обмозгуем, — поправил монах. — Шуточки шутить будем, когда церкву срубим. И вот еще чего разумею — не спрашивай, откуда я знаю, будем считать, что сорока на хвосте принесла, — плохое дело ты совершил, порешив насильников. Сказывают, они по пьяному делу над Маруськой Зитевой надругались. А ты их без покаяния прямо в геенну огненную отправил. Совсем это не по-Божески — без покаяния-то. Сколько разбойников и татей великих, приняв покаяние, в святости и молитвах смертный час встретили. Теперича их тяжкий грех — наш с тобой грех. Попробуем к нашей красавице четыре новых венца подрубить. А над крышей, думаю, немного нужно

покумекать. И чтобы луковки колоколен непременно к небу тянулись, а не висели, будто репы, кипятком ошпаренные». «Да, непременно, чтобы тянулись», — поддакнул Козьма. Вроде бы и не каялся Козьма, так, вскользь, упомянул о своем новом грехе. Даже не упомянул, согласился, но дело пошло. Все внутренние и внешние цепи, опутывающие Козьму, словно сами собой осыпались.

И снова исподволь, не торопясь, хлыст за хлыстом Козьма подвозил бревна, шкурил, прорубал пазы и замки. Общими усилиями обтесанные бревна укладывались на самую верхотуру стен. А стены, в свою очередь, незаметно для постороннего глаза росли, росли и росли. Но на беду, нашлись люди, посчитавшие дело Козьмы неправедным. Мало того, наносящим немалый вред не только уездной, но и губернской казне. Поскитавшись по властным структурам, бумага, описывающая все «безобразия», творимые Козьмой, прочно осела в одном из кабинетов уездного начальника. Козьма как раз вез очередные два бревна, когда пролетка с сидящими в ней щеголеватыми франтами перегородила дорогу. Озадаченный Козьма передернул веревочные вожжи и попытался объехать нечаянное препятствие. Тощая лошаденка жалобно заржала и заскользила некованными копытами по дну необъятной лужи. Дроги затрещали и накренились, всеми четырьмя колесами провалившись в настоявшуюся грязь. Делая неимоверные усилия, заморенная лошаденка попыталась выбраться из колдобины. Но ее усилий было явно недостаточно. Козьма схватил толстенную веревку, привязанную к телеге, перекинул ее через плечо и принялся тянуть, помогая лошади. От церкви, завидев неладное, бежали мужики, напутствуемые криками яростно жестикулирующего руками, сгорбленного седовласого монаха, облаченного в давно не стиранную ветхую рясу. И тут случилось что-то уж совсем непонятное. Чиновники спрыгнули прямо в грязь и принялись выталкивать телегу. Общими усилиями дроги с бревнами были водворены на сухой участок дороги. На лошаденку и Козьму было страшно смотреть. И человек, и лошадь дышали словно загнанные. Впрочем, как еще можно назвать состояние вконец вымученных бедолаг. Но прошло несколько томительных минут, и повозка снова завизжала плохо смазанными осями, а Козьма, так и не проронив ни слова, зашагал рядом.

Старший из чиновников вынул из нутреного кармана сюртука сложенную пополам бумагу и нервно порвал на несколько частей. Клочки жалобы четко забелели на дегтярно черной грязи.

Чиновники обтерли сапоги пучками соломы, перекрестились на уже четко обозначившиеся купола строящейся церкви и понуро укатили в направлении уездного города.

«Господи, — вздыхали и молились про себя люди, — да и кому это на ум пришло такому делу препоны чинить! Совсем это не по-божески, святому делу препятствовать. Грех-то какой, прости Господи!» В ту, последнюю ночь Козьма не спал. Не спала и Лукерья. Впрочем, они не спали уже много-много ночей кряду. Лукерья, боясь пошевелиться и чем-то потревожить тихую дрему пос-

тоянно вскакивающего с лавки и принимающегося лихорадочно подтачивать и шлифовать церковный крест, молилась одними губами. «Свят, свят, свят! Боже праведный! Пресвятая заступница, Матерь Божья, дайте Козьме силы, помогите достроить церковь, грехи свои смертные святым делом замолить». Рассвело, а Козьма, словно настраиваясь на что-то доселе ему не подвластное, все медлил. Не решался совершить самый важный в своей жизни шаг.

Предвещая грядущую непогодь, солнце прожигало вершину холма, плавясь в нем, словно в гигантском горне. Огромное, багряно-лиловое, апокалипсическое, вещее. Вот оно зависло точно над серединой холма и строящейся церковью. Самое время помолиться на восход солнца.

Однако никто из взиравших на него с берегов речки Камышовки и с улиц Покровки не бросил работы, не отказался от повседневных помыслов. Не встал на колени и не осенил себя быстрым движением руки. Народ ждал.

«Ну, мать Лукерья, мне пора», — проговорил Козьма неожиданно твердым и бодрым голосом. «И откуда только силы у него берутся? — подумала Лукерья. — Который день ничего не ест и не спит».

Козьма в последний раз осмотрел крест. Протер чистой тряпкой, сдул несуществующую пыль. С трудом поднял и прислонил к стене избенки. Скинул рубаху и лапти, от них одна помеха — чего доброго, не выдержат и порвутся. Крепко подвязал порты мочальной веревкой, а другую, пеньковую, неоднократно проверенную, продел под прожилины креста. Присел, крякнул и попер свой крест, громко чавкая босыми ногами по настоявшейся грязи, в направлении гордо возвышавшейся на вершине холма церкви. Его, великого грешника Козьмы, церкви.

Но силы были уже не те. Не пройдя и половины дороги, Козьма поскользнулся и плашмя упал в грязь, придавленный тяжестью креста. Лукерья страшно закричала и принялась вытирать лицо приподнявшегося на четвереньки мученика. И вдруг она отпрянула. На нее смотрели горящие как прежде, огромные глаза Козьмы. Крест Козьма донес. Правда, с помощью других, но поднял на самую верхотуру. И даже закрепил в заранее срубленный замок, в самой высокой части купола. А вот на все остальное, даже на то, чтобы спуститься вниз, сил уже не было.

Козьма огляделся. Как же хорошо все-таки отсюда все видно! Самые дальние дворы деревни, оба пруда, казенный лес. А народу-то, народу сколько собралось! Варька! Так ты же в половодье утопла! Как хорошо, что не утопла! Знай, я на тебя совсем не обижаюсь за то, что Лукерье на меня ябедничала, а она меня крапивой секла. Ты же не по злобе, а по глупости. Да и я тоже хорош, посоветовал веснушки дегтем выводить. А совсем рядом слепой с двумя маленькими детьми, смешливой Маруськой и цыганенком Кузькой. Тут же взрослая Маруська с двумя младенцами. Как тогда в нее Лукерья-то поленом запустила, когда Маруська попросила от ненавистного семени ее избавить! Чего уж, Лукерья старуха карахтерная. Вон и сыночки у Маруськи на руках, про которых Ан-

типа упоминал. Здесь же и сам Антипа, совсем медведем не задранный. А вон Лукерья, молодая, красивая, мальчишку какого-то за руку держит. Наверное, это ее сыночек, который от «глотошной» помер. Сказывала Лукерья, что был у нее сыночек. А вон и те двое, с большой дороги, что Маруську ссильничали. Ни на кого не смотрят, стыдно им, иродам. И кого только нет в огромной толпе, запрудившей все пространство перед площадью! Видно, день сегодня такой — особенный, всепрощенческий. И только одного человека не находил Козьма в толпе, как ни старался. Нигде не было монаха Лукашки. Да оно и немудрено. Монах Лукашка был уже далеко. Лишь только Козьма, забравшись на колокольню, водрузил там крест, пользуясь всеобщей суматохой, монах Лукашка подоткнул полы никогда не стиранной рясы под веревочный поясок, поправил кружку для сбора милостыни и снова замесил грязь бесконечных дорог босыми ногами. Сколько еще церквей непостроенных по матушке Руси! А Козьме теперь помощники не нужны. Он теперь и сам справится!

Это уже какая-то нечеловеческая усталость, вместе с которой приходит безразличие к жизни.

Козьма выпустил из рук конец пеньковой веревки и выпрямился во весь рост. Смотрящие снизу видели, как Козьма, подобно ангелу небесному, шагнул и полетел... Вернее, душа его рванулась вверх к высыпавшим, уже необычайно крупным и ярким звездам, а ставшее бесполезным и совершенно ненужным по этой причине тело глухо ударилось о землю.

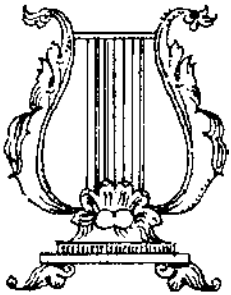
«Сыночек мой, Козьма! Да как же это, Господи», — прошептала Лукерья потерянным голосом, прижимая к обвислой старческой груди голову Козьмы. Бездыханного Козьмы.....

Никто ее «Господи» не услышал, потому что ее полувозглас-полушепот потонул в общем крике ужаса.

Почти сто лет простояла эта церковь в селе Покровка, что ста верстами южнее города Спасска находится. По преданию, построил ее Козьма Семижильный, замаливающий свой смертный грех. И кому помешала! После прихода новой власти церковь передали «обновленцам», а потом и вовсе закрыли. Пустующее строение определили под склад. В одну из грозовых ночей, чтобы скрыть хищение зерна, церковь подпалили. Но не тут-то было!

Ливень хлынул такой, что наружный огонь тут же погас. Потоки воды через давно не чиненную кровлю хлынули внутрь, загасив пламя и внутри.

И сказывали люди, что видели, как с одной грозовой тучи на другую перешагивал седовласый и босой Козьма Семижильный. Сгорбленный и изможденный, но такой грозный и непокорный, что у видевших это волосы на головах поднимались. Тучи при этом прогибались и проливались потоками дождя прямо в огонь. Правда, сам никто из утверждавших это Козьмы не видел. Но ведь кто-то же все-таки видел! Зря люди говорить не будут!



ПОЭЗИЯ КОСТРОМЫ

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

* * *

Тих и свеж сегодня вечер.
С горизонта уходя,
Солнце бросило на плечи
Плащ из мелкого дождя.

Пережив безумство зноя,
Всё в забвенье молча ждёт
Время полного покоя
От обыденных забот.

И с приходом серой ночи
В переливах тонких струн
Слышат люди, как пророчит
В небе птица Гамаюн…

* * *

Пора придёт — и шум весенних ливней,
В разбеге радуясь, игриво унесёт
Последний снег и дух печально-зимний
Лесных полян, тропинок и болот.
Как божество!
Не сетуя на ношу…
Во славу будущей цветущей красоты
Он будет петь — и только о хорошем —
Знакомым голосом небесной чистоты.

* * *

Кружась над сонною землёй
В вечернем небе,
Бьёт в окна звонкою волной
Весёлый щебет.

И этот радостный полёт
К закату станет
Крикливой сотней чёрных нот
На нотном стане.

Неровным всполохом пойдёт,
Случайным всплеском,
Влетит в мой дом, как дикий кот —
По занавескам.

Умрёт в последней из октав
Легко, привычно,
В ночи безлунной потеряв
Свой ключ скрипичный.

Ирина МАНИНА

* * *

Идет борьба за право поражать.
Который год бесчисленными днями
Прямым путем, верней, его краями,
Спешат — судьба заканчивает в пять.

На честной рифме собран тарантас,
Нагружен своевольными словами —
То пятками сверкают, то губами.
Все для чего? Чтобы затронуть вас.

Чтоб обнаруженная суть вещей,
Распятая на струнах хрупкой лиры,
Как форточник, залезла в ту квартиру,
Где в холодильнике кастрюля щей.

* * *

Средневековьем осененный Львов
Свой крест хранит в переплетенье улиц.

Навечно меж вершинами холмов
Их пары рук в объятиях сомкнулись.

Еврейским выговором канет в ночь
Последний звон колоколов собора,
Чтоб страшный сон июня превозмочь
Червленой силой общего отпора.

Колючих улиц манят тупики,
Балконы расцарапают в кровь взгляды.
Жонглеру и поэту лишь с руки
Проникнуть через времени ограды.

Врасплох захвачена, как будто вор,
В карманы пряча ожерельем виды…
«Ты пропустила княжий двор», —
Славянский витязь скажет без обиды.

«Я свой маршрут не знаю наперед…» —
Признаюсь на духу… на грани фола.
Он на мои сомнения тряхнет
Кирпично-красной гривою костела.

* * *

Опьяненная вечной влюбленностью,
Раскатаю по лузам шары —
По зеленому лону наклонности,
По беспечному полю игры.

Разноцветными слов букарашками
Дикий сон утрамбую в блокнот.
Кляксу веры своей промокашкою
Уберу. Это личное. Вот.

Сергей УТКИН

* * *

Валятся минуты на стенных часах.
Солнца луч облапал птиц на проводах.
Беглые собаки рвут зубами ночь,
Тьма и свет играют вечер в домино.

Я не замечаю дней, не узнаю:
Я на кромке ночи, на её краю.
Видимый невнятно, крошится рассвет.
Солнце светом бьётся, только эха нет.

Только нет ответа, отзвука ему:
Порезвится лето, перебив зиму,
А потом забьётся к осени в листы —
Помнится недолго прошлое и ты.

Но вернётся Солнце к вёснам и летам,
И его оставят лужам и верстам.
Сил у Солнца много: ядерный запас —
Но и ты погаснешь, как и я погас…

* * *

Снег не выпал — снег упал,
Бездыханно лёг на землю
И в метели кутал вал,
Ибо грязи не приемлет.

Он боролся за неё,
За пречистые просторы,
Но не вынесло жнивьё
Полюбить холодный норов.

А в весну снег умирал,
Новой грязью сбитый насмерть,
Но земля не поняла —
Только плакала от счастья…

* * *

Вот и остались мы с Богом совсем одни.
Ломимся в небосвод — не пускает стих,
И коротают тебя те больные дни,
И ты боишься молчанья, боишься стихнуть

Так, как боялся в подъезде, вдавясь во тьму,
Не охватить своих чувств у чужого дня:
Нет никого, кто бы мог на пути к Нему
Ни поддержать, ни удержать меня.

Гаспаре ДОРИ

СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Рассказ

Даже не знаю, какому святому теперь молиться. Всеобщая забастовка. Именно сегодня. Именно сегодня, когда мне до зарезу нужно в Милан. Диспетчеры в аэропортах, машинисты, пилоты — короче, все, задрав штаны, ринулись поддержать эту самую забастовку. Страна на грани облома. И повод-то смехотворный. Пенсии. Ну да, мы затянули старую песенку на мотивчик: «горе тому, кто тронет наши пенсии». Но, в конце-то концов, надо ж иметь хоть каплю здорового реализма! Однако ничего не поделаешь. Ни тебе самолетов, ни поездов. По крайней мере, была бы на ходу моя машина. Четыре дня кряду механик ее ласкал-тютюшкал, голубил, как красотку. Пробовал было до этого придурка дозвониться. Куда там. Мобильник отключен. И дома никто не отвечает. Гараж заперт. Выходит, даже ему, что ли, под хвост попала шлея солидарности? Сунулся я было в конторы, которые сдают авто напрокат. Прошерстил их все. Пока наконец не понял, что единственная вещь, которая точно работает в этой Стране Всеобщего Облома, — это национальная забастовка. Закрыто все. Даже конторы, в которых берут напрокат машины. Именно сегодня. Сегодня именно, когда мне кровь из носа надо в Милан.

Такие вот дела. Потому что американцы ждать не станут. Совещание с американским инвестиционным фондом назначено на сегодня и не может быть отсрочено. Сегодня надлежит принять одно решение. Сегодня, а не завтра. Потому что завтра предстоит встреча с инвесторами. А послезавтра с банками. В смысле, покупать или нет. И я никак не могу уклониться от участия. Все администраторы нашего общества будут в наличии, а равно и представители акционеров. Пленарное совещание. И вот я, поскольку директор по персоналу, прямо-таки обязан быть вместе с ними. Чтобы поддержать — так сказать, подставить плечо. И дать им точные цифры. Точные оценки.

Пароль — «надо обрезать сухие ветки». А я должен исполнять приказы. Должен расставить все точки над «и». Раздать всем сестрам по серьгам. И у меня уже готов план: 138 человек на увольнение (одним больше — одним меньше), и тогда фирма непременно достигнет цели повышения производительности труда, чего так жаждут американцы. Сто тридцать восемь сухих веток.

Я их знаю все, эти самые «сухие ветки». Одного за другим. Вот дерьмовое ремесло. Если совсем уж по-честному, меня вызвали, чтоб совершить казнь. Я палач. Гнида. Мерзавец. Шестерка. Сто тридцать восемь. Ну, хватит. Никаких сантиментов. Стоит только всему этому поддаться и дать слабину, меня вышибут первым. Лучше все-таки сто тридцать восемь, чем сто тридцать девять. Вылизывая хозяйские зады, я, по крайней мере, спасу хоть одно рабочее место. Мое. Но... мне надо найти способ добраться до Милана. Пятьсот километров. Не ближний свет, пятьсот километров. Некоторые были на месте уже дня три тому назад. И единственный кретин, который дотянул до последнего, это я. Так и вижу рожи администраторов: «А Бертолли у нас где?», «Мог бы уж хотя бы предупредить по электронке!», «Надо принять соответствующее решение, сколько можно терпеть эти его выходки!». Но это же вы сами заставили меня остаться, чтоб привести в порядок всю документацию! Это я увязываю неувязки с американцами, это я всегда распутываю все самые запутанные ситуации! Но признательности в этом мире нет. Сто тридцать восемь. Это число засело мне шилом в заднице. Перед мысленным взором уже стоял список с распределением должностей и на увольнение. Новый список, закрытый. Какая гадость. Если что, достойной работы в мои-то лета уж точно не найти. А кредит кто будет выплачивать? А взносы в школу за малышей? Дальше голова просто отказывалась думать. Ей лучше было идти себе кругом. И вот она пошла, и кружилась, кружилась... Перед глазами мелькали одни и те же цифры: один, три, восемь, один, три, восемь, один, три, восемь. Одна за другой, в такой вот последовательности: сперва такие крошечные, потом размером с пухленьких щенков, а потом они становились все больше, больше, прямо жуть. «Господи Боже! Да они меня сейчас раздавят! Сверху! Расплющат! Адель, на помощь! Позови там кого! Помогите!»

Я отключился. Вырубился. Как вареная груша. На диване. И кое-кто, видимо, откликнулся на мой зов о помощи. Это была жена Джельметти. Адель разговаривала по телефону с женой Джельметти, кинулась ко мне сразу, как услышала мои вопли, с бокалом ледяной воды и зарядила его прямо в лицо. Я воспрял, передо мной ошарашенное личико Адель, телефон у нее в руке. «Джельметти тебе одолжит свою машину». — «Джельметти? Это он на проводе?» — «Нет, он попросил свою жену тебе перезвонить».

Это еще что за новости? Джельметти мне одолжит машину? А ведь совещание в Милане было обозначено под грифом «секретно». Никто не знал. Никто не должен был знать. Нет, тут что-то не то. Джельметти не мог знать — ни того, что я должен ехать в Милан, ни что он-то и есть один из этих самых ста тридца-

ти восьми. Значит, должно быть какое-то другое объяснение. Совершенно точно он знал, что моя машина еще у механика. Как же это я сразу-то не догадался: Джельметти какой-то там четверо-пяти-шестиюродный брат механика. Должно быть, вот как оно обстояло. Ну и, конечно, захотелось ему помочь своему директору по персоналу. Одолжить ему машину. Чтоб поехать на работу. Уж тут-то всякий знает, что в случае чего я и на своих двоих запросто хожу в офис. Встаю чуть свет, кофе с печеньем, и пешочком по дороге. Это всем известно. Конечно, кое-кто поварчивает, что в эти дни по утрам чересчур прохладно и мне оно не по возрасту. Но вот то, что по сравнению со мной Джельметти оказался человеком

порядочным и предупредительным, — вот это неожиданность. Приятная неожиданность. Теперь я смогу добраться до Милана без проблем. Адель проводила меня, как оно и заведено у нас по утрам, до двери. «Машина уже на месте, припаркована прямо перед домом». Цифры начали возвращаться. «Ключи под приборной доской». Сто тридцать восемь. В рифму с приборной доской. Крускотто-чентотрентотто. Жизнь, она такое странное дело, она скроена для тех, у кого твердое сердце. А не для каких-то там Джельметти. И не для жен этих самых Джельметти. «Там все готово». Ну, прямо полный сервис. «Сто тридцать восемь», — говорю я себе, пока прощаюсь с Адель, которая смотрит на меня с тревогой. «Сто тридцать восемь», с этим числом я спустился по лестнице. «Сто тридцать восемь», и торжествующий рык из горла, когда завелся мотор машины Джельметти.

Вот он я. В машине Джельметти, и веду ее в Милан. Машина Джельметти. Настоящий шедевр старого хлама для езды по столице. Старинный дизель-

седан 1006, из тех, которые давно уж сняли с производства. Задний мост тяжеленный, как у грейдера. Колеса крутятся, как захотят. Последний раз, когда проверяли схождение, Джельметти было, наверное, лет восемнадцать. А внутри... разбросанные тетрадки, открытые коробки из-под крекеров, довоенные журналы, воняет чем-то затхлым. Что за неряшливость! Не случайно Джельметти попал в сто тридцать восемь. Однако наплевать. Окна настежь, и вперед, на провинциальную трассу. Въезд на платную автостраду не так уж и далеко. На дорогах ежу понятно, какие дела. От всеобщей забастовки всем мало не покажется. Ну, давайте, бастуйте. А назавтра все снова встанет на свои места. Всегда так было. Работяги мало-помалу отойдут от офигения утопией социального прогресса и реформ. От борьбы за лучшее будущее. Проще говоря, от того, чтоб иметь конверт с зарплатой потолще. Они еще не поняли, что мы живем в мире, где от тебя требуется только одно: засучить рукава и во что бы то ни стало пробить себе дорогу, ни на кого не уповая. Это касается и рабочих, и служащих. И руководства. Я кое-что в этом смыслю. Я тоже когда-то выходил на площадь, чтобы протестовать. У меня тоже был в одной руке красный флажок, в другой — бутылка с водой, и я точно так же орал тот лозунг, который мне велено было кричать. Но эдак не могло тянуться вечно. Я разобрался в этом довольно быстро. Я вел машину Джельметти и думал о том, как оно все было 30 лет тому назад. Сколько всяких иллюзий. Сколько надежд на какое-то там другое будущее. Но я не мог продолжать в том же духе. Я женился, и вот тогда наступила реальность. Нет, я не соскочил, не поменял шило на мыло, нет. Я остался на стороне работяг. Но, чтоб защищать их права, я решил следовать за ними как-то так поблизости и сбоку. Чтобы защитить, надо войти в механизм власти. Узнать его изнутри, подластиться к нему, подольститься, чтоб его, значит, понемногу ввести в соблазн, а там и развратить, этот самый механизм. А теперь никто меня не остановит. Не выйдет.

Нет! Ты чего творишь, старая кастрюля, нашла время? Мотор заглох. Именно сейчас. В пяти километрах от въезда на платную автостраду. Пытаюсь завести. Фигушки. Нет, ну не мой сегодня день. Гоню прочь всякие дурные мысли и, главное, цифры, которые всплывают и вприсядку пляшут у меня в голове, вылезаю, чтоб проверить, что там такое случилось. Авто у Джельметти черного цвета. Что за мысль была покупать такую страховидную рухлядь, да еще именно черную. Поневоле нащупываю свой единственный амулет, который полагается мужчинам при рождении. Однако без этой машины я никогда не попаду в Милан. Она либо принесет мне несчастье, либо нет. Это мой последний ресурс. Быстро соображаю, что ни черта не смыслю в механике, потому что это такая штука, которую надо изучать с отрочества. А у меня в то время были совсем другие интересы. Футбольный мяч. Математика. Поэзия. А насчет механики, это нет. Мудозвон. И что теперь делать? Пробую вызвать техпомощь. Мобильный не берет. Почти смирившись, иду пешком, чтоб наткнуться хоть на какую-нибудь подмогу. Дорога скользкая. Ночью прошел дождь. Вот еще загвоздка,

дождь. Вот обрадуются забастовщики. Зонтики и ветровки наготове, и всякого другого пороха в пороховницах тоже навалом. Ну, тут зуб за зуб. Вы не даете мне доехать до Милана, а я за то насылаю на вас дождь. Хотя если б я на самом деле смог, то наслал бы на них ураган, а не какой-то там дождичек.

Сразу за поворотом вдруг обнаружилась припаркованная машина. Одна. Пустая. Черная. На дороге ни души, и одинокое авто вон там, почти в кювете, а главное, черное. И странным образом напоминает машину Джельметти. Быть не может, но прямо-таки та же самая модель. Невероятно. Должно быть, снова в моде. Дизель-седан. 1006. У кого еще хватило духу прикупить такого рода повозку? И бросить ее тут, прямо посреди дороги. Может, у нее тоже двигатель полетел? Я подошел, чтоб разглядеть получше. Окошечко было наполовину приоткрыто. Со стороны водителя. Внутри какие-то разбросанные тетрадки. Открытая коробка из-под крекеров. Старые журналы. Надо сказать, у владельца есть кое-что общее с Джельметти. А сдается, это и есть машина Джельметти. А ну-ка, хватит гонять в голове тараканов. Я — вот он, один на пустынной дороге, вижу машину, которая похожа на машину Джельметти, я просто вообразил, что это машина Джельметти, вот мне и сдается, что это и есть на самом деле его машина. Это оптический обман либо у меня слегка крыша поехала. Перекос памяти. Но клянусь, я вижу те же самые предметы в том же самом порядке. Но ведь этого не может быть. Стоп. Встанем твердо обеими ногами на землю. Итак, что мы имеем. У меня нет способа доехать до Милана. Если только не... Да брось, Бертолли, ты таких вещей никогда не делал. Это не машина Джельметти. Ты просто права не имеешь. Это как пить дать. Но какова альтернатива? На этом отрезке дороги нет ни одной живой души, как в татарской пустыне. И сколько еще надо пилить пешком? А потом, кто тебе сказал, что ты найдешь кого-нибудь, кто починил бы тебе машину Джельметти за такое-то время, да так, чтоб ты успел на совещание. Сто тридцать восемь. Короче, надо угнать. А после я ее верну сюда. Вот закончится совещание, я тут же машину и верну на место. Решено. Пробую вставить ключи от машины Джельметти в скважину. Дверца открылась. Сажусь. Завожу мотор теми же самыми ключами. Еду!

Если ты человек, в котором здравого смысла с гулькин нос, то черт знает, какие тараканы могут пастись у тебя в голове. Ну, вот она — машина, очень здорово похожая на ту, что у Джельметти, припаркованная в деревне, на дороге, ну, ключи, которые подошли к дверце и к блоку питания... хотя с такими делами у кого хочешь будет сдвиг по фазе! Нет, мне надо думать о моей фирме. Задача — уволить сто тридцать восемь человек, чтобы спасти тысячу. Сегодня это мое единственное кредо, единственная забота. Никакой другой быть не может. Впереди красный свет семафора. Торможу. Снова пошел дождь. Надежда только на то, чтоб еще и эта машина не заглохла. Проверяю бак. Почти полон. Дождь все сильнее. Семафор по-прежнему горит красным. Ну, сколько это может длиться? Вижу, сзади приближается какая-то колымага. Эй, помедленнее,

кретин! Ты чего, семафора не видишь? Слишком поздно, дорога скользкая. Пробую увернуться, но куда там. Мне въехали в зад. Ну, и что теперь? Я даже не знаю, есть ли в этой тачке хоть какие-то документы... надо попытаться хотя бы избежать того, чтоб вызвали полицию. «Мне очень жаль, я эту дорогу не знаю, машину занесло... в любом случае, это моя вина, если желаете, давайте договоримся полюбовно», — выпалил мне как из пулемета пацан, который сидел за рулем машины-нарушителя. С ним были еще несколько человек, которые вылезли из колымаги и двинулись в мою сторону. «Мы ей разбили левую фару, ну и ободрали там чуть-чуть вокруг, вот, сами посмотрите. Мы на манифестацию едем, а дорога чужая, незнакомая, мне очень жаль». Манифестанты. Вот он врубил первую и дал по газам. Посмотрел на меня в окошко заднего обозрения. Ручкой мне помахал, как будто просит меня назад вернуться. Не доверяю я таким. Хотя в этом они отнюдь не одиноки. Но мне никак невозможно стоять на месте. Въезд на автостраду совсем близко, теперь уже это вопрос меньше чем каких-то сотен метров.

Пока беру билетик, на ум приходит мысль о том, до чего же жизнь ко мне была щедра. Прекрасная работа. Любимая жена. Изумительные дети, Лючия и Марко. Красивый домик, отпуск в самых престижных местах, друзья-весельчаки, которые во мне души не чают. И вот сейчас несусь со скоростью крейсера. И ничто меня не остановит, уж в этом-то я уверен. Я на пути в Милан. Хотя манифестанты, может, и туда уже добрались. Я ведь даже не спросил у того парня, на какую такую манифестацию они едут. Просто всеобщая забастовка. Ах, как бы я хотел, чтобы Лючия и Марко ни в коем случае не повторяли моих ошибок молодости. Чтобы они повзрослели... сначала. А пока пусть себе ходят в школу. Посещают обязательные классы, а там посмотрим. Они очень способные, мои дети. Вон те тетрадки, интересно, чего в них. Похожи на школьные. Перелистнул одну, просто так, наугад. Математика. Упражнения. Точно такие

же, какие делал Марко этой осенью. За Марко никогда не надо проверять. Все делает всегда сам. Но мне нравится, что он держит меня в курсе школьной программы. Продолжаю листать. Возвращаюсь на начальную страницу. Тут где-то должно быть имя ученика. Вот оно. Симоне Джельметти. Что такое?

Машину заносит! Проклятое схождение колес! Надо было притормозить, дальше гнать на этом драндулете — себе дороже. Слишком опасно. Торможу на обочине шоссе. Глушу мотор, самое время докопаться, чем же это таким собственник машины мог быть связан с Джельметти. С моим Джельметти. С Франческо Джельметти, которого все звали Франко. Симоне мог быть его племянником. Сыном брата. Да, должно быть, так оно и есть. Тогда это все объясняет. Два брата купили одинаковые машины, вместе и в один и тот же год. Значит, у них и дети — погодки. Которые вместе играют и в школу ходят тоже вместе. И тетрадки покупают одинаковые. С такими же точно обложками. Вот единственное совпадение и объяснение тому, что машина брата Джельметти находилась на дороге. Тайна раскрыта. Да, но теперь я в точно таком же положении, что и раньше. Даже хуже. На дороге, один, с обездвиженной машиной, и совершенно без понятия, что теперь делать, чтоб добраться до Милана. Можно попытаться автостопом. Может, кто и остановит, когда заметит некоего синьора средних лет, прилично одетого. А вдруг, наоборот, примут меня за какого-нибудь маньяка? Кошмар! Это уж вообще... Решаю шагать пешком до следующего придорожного ресторанчика, а там уж будет проще уговорить кого-нибудь подбросить меня куда надо.

Дождь разошелся не на шутку. Только этого еще и не хватало. С собой у меня ничего, чтоб накрыться. Беру тетрадки племянника Джельметти, делаю из них что-то вроде малюсенького навеса и накрываю голову. Опять пешком. На сей раз вдоль по обочине шоссе. В это утро удача, теперь уж точно можно сказать, меня не поцеловала. Движение на трассе растет как на дрожжах. Народ из пригородов рванул в центр, сегодня их день, их дорога. За мной наблюдают. Ну, еще бы. Какой-то перец, который топает по обочине со школьными тетрадками на башке и с портфельчиком, — это, ребята, тот еще цирк. Все оборачиваются и покатываются со смеху. Издеваются. Их просто перекручивает от хохота. Мне кажется, я почти слышу эти их дешевые приколы и подколы. Хотел бы я вас видеть на моем месте. Между тем ресторанчика не видно. Но вот впереди что-то там такое... Припаркованная машина. Черная. Нет. Нет, идем мимо, быть того не может. И тут понял, что терять мне больше вообще нечего. Бегу к машине. Не знаю почему, но первый мой порыв был именно бежать, смотреть, удостовериться. С головы свалились тетрадки, такой удобненький навесик. Ну и хрен с ним. Бегу изо всех сил, давая пищу хохоту, который несется из проезжающих машин. Вся автострада, казалось, лопается от смеха над этим синьором в пиджаке и галстуке, который чешет во все лопатки по асфальту. Добегаю до машины взъерошенный, в смешанных чувствах и, главное, насквозь промокший. Натурально, машина той же самой модели, что

и две предыдущие. Естественно, внутри тетрадки разбросанные, старые журналы. И коробка из-под крекеров, наполовину пустая. Естественно, вставляю ключи, и дверца открывается. Тем же самым порядком заводится мотор, и вот я снова на автостраде и еду в Милан.

Мне абсолютно не было нужды листать тетрадки, чтоб узнать, что это тетрадки Симоне Джельметти. И тут у меня в голове вдруг из самой глубины, как наваждение, всплыло вот что:

— Ты куда это, Марко?

— Можно мне пойти поиграть с Симоне, папа?

— А кто это, Симоне?

— Ну, Симоне Джельметти, папа, сын твоего товарища по работе.

А, вот оно что. А я и не знал. Не помнил я, чтоб у Джельметти был сын, которого звали бы Симоне. Да и коллеги такого, Джельметти, я тоже не знаю. Я даже не знаю, что это за машина и чего я вообще в ней делал. И куда ехал на ней, тоже понятия не имею. Звонит мобильный. А он не мой. Я просто стою столбом под стопкой тетрадок с обложками. Мимо меня — старенькая A112. Не знаю, может, их еще выпускают. У меня была точно такая же, когда я ходил на манифестации. Та же модель. Того же цвета. Решаюсь наконец взглянуть в мобильный. На экране цифры: 139. Должно быть, речь идет о каком-то специальном номере, что-то вроде бесплатного вызова, или вызова карабинеров, или скорой помощи: сто тридцать девять. Впереди меня — пульман. Просвистел мимо на всех парах. Мы на полосе обгона, кретин! Мобильный продолжает названивать. Сто тридцать девять. Не отвечаю. Пульман замедляет ход, сдает назад, притормаживает, резко тормозит. Он под завязку набит народом, этот пульман. К гадалке не ходи — манифестанты.

Поздно. Слишком поздно. Никогда не выходит притормозить тогда, когда надо.

А дождь все льет и льет.

Сто тридцать девять.

Перевод и иллюстрации Ф. Самарина

Марк ШЕВЕЛЁВ

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМНЫЕ

Стихи

В НАЧАЛЕ СЕЗОНА

Где весенней берёзовой сказкой
Околдован казарменный мир,
Разгорелись футбольные страсти —
Стартовал гарнизонный турнир.

Старослужащий в беленьких кедах,
Как ракета, на быстрых ногах,
А за ним первогодок по следу
В необмятых ещё сапогах.

Я футболом болел многократно
И мечтал той далёкой весной
Под берёзкой, прямой и опрятной,
Как мечтает игрок запасной.

Солнца лик был младенчески розов,
Жизнь заманчива, словно игра,
И ещё не к прогнозам, а к грёзам
Молодая склоняла пора.

Вейся, радость весенняя, вейся!
У футбольных ворот чехарда.
А за лесом — гудение рельсов,
Завлекая, поют поезда.

И в предчувствии острых моментов
И вполне вероятных удач,

Поощряемый дружеским ветром,
Резво носится новенький мяч.

ВОРОНА

Захотели выучить ворону,
У ворон к учению талант.
Приласкали хлебосольно к дому,
К лапке приторочили шпагат.

Думали, обвыкнет постепенно,
Станет по записочкам гадать.
А она, не принимая плена,
Принялась верёвочку клевать.

Над темничной крышею двускатной
Воспарила, как бумажный змей.
Хвост из шаловливого шпагата
Потянулся по свету за ней.

Как она жила и где плутала,
Только месяц знает молодой.
За вершину голого платана
Зацепившись, долго трепетала,
Вниз повиснув вещей головой.

У платана зеленела крона,
Рядом волны трогали причал.
Надрывался ворон по вороне —
Одиноких женщин удручал.

ТРИУМФ

Вот она, лирическая книга,
свет моих лирических ночей.
Пляски у Калигул без каникул,
у меня — премьера для друзей.

Позову, кто полуслово ловит,
кто взыскует звёздной высоты.
День деньской жена — на телефоне,
в паузах — на кухне, у плиты.

Чай крепчал, автографы готовы.
Цокая копытцами котурн,
привечаю рифмопреклонённых,
утончённых творческих натур.

Заиграли Ниагарой рифмы,
гейзеры метафор поднялись,
колыхнулись глянцевые лифы,
нимбы лысин высветили высь.

И в столовой, в маленькой столовой,
где цветок салатнице к лицу,
упиваясь новой баркаролой,
поклонись винцу и леденцу.

Кто сказал, что баночная соя
к стансам не усиливает страсть?

О, моё изысканное слово,
торжествуй, как в тронном зале князь!

ОБЕЛИСК

К закату козырная карта легла,
и, кажется, можно вздохнуть.
Ах, мама, зачем ты меня родила?
За пропастью вёрст от родного угла
случился спасительный путь.

Девятое мая в чужой стороне —
обыденный, будничный день.
С червонным цветком в пожелтелой руке.
В приличном с чужого плеча пиджаке.
Медальку на лацкан надень!

У райских ворот под сосной строевой
готический рыцарский шрифт.
И ветер голштинский, прохладный, сквозной,
глаза увлажняя, влечёт за собой
в аллеи шлифованных плит,

Где в ризах берёзок, обласкан листвой,
бетонный, гранёный, шершавый, родной,
по божески сходной цене,

встаёт обелиск под звездой огневой,
к твоей приближаясь судьбе.

ПРЕЛЕСТИ ЗЕМНЫЕ

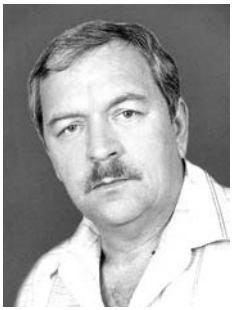
Не смущает спозаранок
пленум перелётных птиц?
Край лесной нирване равен,
отвыкаешь от столиц.

Выйдешь из дому и видишь:
травки в слёзках от росы.
Плащик плотный? Не простынешь?
Постарайся не простыть!

Свалкой здешний лес не тронут,
в нём не лязгает состав.
Прошуршит сквозь крону жёлудь.
Шумно шлёпнется каштан.

Редкий лай раздастся утром,
и безмолвно целый день.
На воде эскадра уток,
на воде от кирхи тень.

Спросишь прелести земные
в полном цвете поздних лет:
«Не звонили?» — «Не звонили».
«Писем нету?» — «Писем нет».



Юрий АРБЕКОВ

ОТ РОВНО ДО ЖИТОМИРА

Рассказы о службе на Украине

Много лет прошло с тех пор, но и сегодня мне помнятся нелёгкие, но дружные армейские будни в этих славных городах Западной Украины, помнятся вполне добрососедские отношения между украинцами и русскими, грузинами и белорусами тех лет. До боли хочется, чтобы подобное вернулось!

ИДЁТ СОЛДАТ ПО ГОРОДУ

Увольнение — то редкое, но изумительно отрадное явление в жизни солдата, которое мирит его со всем остальным: нарядами, дежурствами, ночными караулами... «У солдата выходной, пуговицы в ряд!»...

В школе молодых авиаспециалистов под Ровно мы не знали, что такое увольнение: курс молодого бойца этого не предусматривал. И лишь в Житомире смогли воспользоваться правом военнослужащего получить короткий глоток свободы.

— Рядовой Казаков, рядовой Музыка, рядовой Чичерин — выйти из строя! За образцовое несение службы вам объявляется увольнение в город сроком...

Радость охватывает сердце солдата ещё до того, как он вышел за проходную КПП. Предвкушение свободы порой сильнее, чем она сама. Нам разрешено — самим! — определить себе жизненный маршрут на ближайшие несколько часов.

— Куда пойдём, хлопцы?

— На Тетерев. Шикарная река, говорят! Позагораем, окунёмся...

— Ещё скажи, что с девочками понежимся на пляже... А патруль?

Увы, солдатская свобода урезана жёсткими правилами его поведения в городе: всегда подтянут, трезв, по форме одет...

— Вы как хотите, ребята, а я в музей. Житомир — родина Короленко...

— А он тебе кто?.. Дядя?

— Сам ты дядя! «Дети подземелья» читал?.. Серость ты серость!

— Тогда уж лучше к Королёву сходить, к Сергею Павловичу.

— А он тебя ждёт? В окно глядит, вздыхает: когда к нему пожалует рядовой Чичерин?

— Эх, деревня! У него здесь музей, он родом из Житомира.

Но вот, наконец, документы получены, дан последний инструктаж, и мы, сияющие с головы до пят, выходим за пределы части.

— Свобода! Нас примет радостно у входа! — напевает и пританцовывает Шурка Чичерин — красивый рослый парень из тех, которые жизнь принимают исключительно с весёлой стороны, хмурая изнанка им не по душе. — Хотите анекдот?

— Валяй.

— Один солдат говорит другому: «Давай прикольнёмся над старшиной?» А второй: «Ты уже прикольнулся над деканом. Чем это кончилось, помнишь?»

Такое ощущение, что свой анекдот Шурка о себе придумал: он тоже учился в вузе, с третьего курса «загремел», а весёлый нрав бывшего студента не исключает того, что был, был прикол над каким-нибудь дубоватым профессором!

— А про Западную Украину слыхали?.. Ходит хохол вдоль забора и поливает грядку. Сосед принюхался и спрашивает: «Микола, ты не керосин льёшь?» «Моя грядка, что хочу, то и лью». — «Завянут же цветы!» «Нехай вянут, — отвечает Микола. — Зато пулемёт не заржавеет».

Мы смеёмся тоже. После войны прошло лет тридцать, бандеровцев ещё помнят, но вспоминают беззлобно, как всё, ушедшее навеки (так казалось в те дружные между Россией и Украиной годы).

Мы идём по летнему Житомиру, поглядываем на улицы, дома и, конечно же, на девчат. Все они, до единой, загорелые, весёлые, легко одетые — желанные, одним словом. Других мы попросту не замечаем.

— Вот у нас в Одессе, на Привозе!.. — вздыхает Сергей, носивший лёгкую фамилию Музыка — с ударением на «ы».

— Хватит, братцы! Если начнём вспоминать всех знакомых девчат, то эту прогулку мы быстро кончим…

Друзья заржали, как жеребцы, и все трое решили, что в незнакомом городе в короткий срок на что-нибудь серьёзное рассчитывать бесполезно, а значит, нечего и стараться.

— О! Бильярдная! — сказал Музыка, завидев невзрачную с виду вывеску.

Внутри было прохладно, сиротливо, несколько человек гоняли шары без особого азарта. Мы взяли билет — на час игры, стали выбирать кии.

В курортном пригороде, где я жил перед армией, бильярдные столы были в каждом доме отдыха. Мы мальчишками крутились возле них. Иногда отдыхающие, за неимением лучшего, приглашали нас составить партейку… В юности всё усваивается быстро и легко, в том числе не очень хитрая наука забивания шаров. Да ещё великолепные в молодости зрение, кругозор, гибкость тела…

Так или иначе, но к двадцати годам я считал себя заядлым бильярдистом и попытался доказать это здесь, в Житомире. С Шуркой разделался легко, а с Серёгой пришлось повозиться. Иногда он забивал фантастические шары, а иногда промазывал простейшие...

Проиграв партию, Музыка принялся ходить по залу с унылой рожей, останавливался возле чужих столов, восхищался игрой чемпионов и добился-таки своего: один из них, победив товарища, безнадёжно спросил солдата:

— Играешь, авиация?

— Да так, немножко, — засмущался Сергей.

— На деньги или как?

Музыка полез в карман...

— Можно и на гроши, дяденька.

А мы с Шуркой продолжали играть вдвоём. Потом наше время закончилось, мы поставили кии в пирамиду, как ставим автоматы в караулке, и от нечего делать подошли к столу Сергея. Он проигрывал, как водится.

— Хорош мучить ж..., Серый. Пошли дальше.

— Сейчас, пацаны. Пару минут ещё...

Мы прошлись по залу, а когда вернулись, не поверили своим глазам: счёт был 7:7. Музыка каким-то чудом догнал противника!

Мужик напрягся, послал «свояка» — шар закрутился возле лузы, но не вошёл, остановился...

— Твою мать! — изругался толстяк. — Ну бей, солдатик, твоя игра сегодня.

Сергей не заставил себя уговаривать дважды и влепил победный шар по самое не балуй!

— Я не виноват, дяденька, вы сами подставились.

— То-то и оно! — сказал толстяк, отсчитывая деньги. — Ты спешишь или как?

Сергей развёл руками и обернулся к нам:

— Вы как, ребята? Ещё партейку позволите?

Мы недовольно поморщились: у солдата в увольнении времени всегда в обрез, но товарищ в кои-то веки победил — как откажешь?

А толстяк, не слишком интересуясь нашим мнением, уже выставлял шары на стол. На лице его читалось желание поскорее разделаться с этим мальчишкой и вернуть себе корону победителя!

Играл мужик недурно. Нежно закатывал в лузу «свояки», издали бил пушечные «чужие», мог послать неудобный шар сзади, со спины... Наш Музыка вновь отставал от него, но под занавес уложил три шара подряд и вырвал-таки победу! Мы с Шуркой ликовали.

...Через два часа, когда Серёга выпотрошил толстяка вчистую, мы вышли из бильярдной на воздух.

— Я шары катаю с детства, — равнодушно пояснил Музыка. — После школы бежал не домой, а в парк приморский, где такие зубры бились — не нам

чета! А вход платный! Сначала я много денег просаживал… Но теперь мне хватает — на кусок хлеба… с чёрной икрой.

Мы с Шуркой посмеивались и восхищались своим другом, его невозмутимостью и расчётом. Только теперь нам стали понятны и первый проигрыш Музыки, и внешне бесцельное его шатание по залу, поиск богатого «клиента» — всё это был хорошо продуманный спектакль, спектакль одного актёра. Даже мы, торопившие его друзья, были в нём статистами.

— А теперь куда? — спросил Шурка.

— Вы как хотите, но мне его червонцы галифе насквозь прожгут, — сказал Сергей, похлопав по карманам солдатских брюк. — В пивную, конечно!

Мы нашли её неподалёку от бильярдной: такие заведения, как правило, сопутствуют друг другу. Музыка заказал дюжину холодного пива, к нему раков, сыра, лещей — гулять так гулять!

— С лёгкими деньгами и расставаться надо легко, иначе водиться не будут, — внушал он.

Как и мы с Шуркой, Сергей тоже казался человеком бывалым, на его губах уже пробивалась чёрная щетинка усов, но рассказывать о себе всю подноготную он не спешил, говорил загадками.

— Я о себе вам так скажу, хлопцы, что меня перед выбором поставили: или казарма, или зона. «А зона, говорю, в Одессе?» — «Нет». Тогда я выбрал солдатские сапоги.

Мы посмеялись. Одессит был в ударе.

— Хотите анекдот по теме?..

— Спрашиваешь!

— Западная Украина. Хохол вернулся из России и говорит другому: «Мыкола, ты бачив, як москали называют пыво?» — «Як?» — «Пи-иво» — «Як, як?» — «Пи-и-иво…» — «Поубывал бы!»

Отсмеявшись, мы вспомнили, что застолье без тоста — рядовая пьянка.

— Кто скажет слово?

— Я!

— Только, чур, короткое.

Шурка встал, держа в руке пенную кружку, расправил свои рыжеватые усики и произнёс с кавказским акцентом:

— Выпьем за то, чтобы ***все*** солдаты так жили! — и обвёл рукой богатый стол.

…Увы, ни к Короленко, ни к Королёву мы в тот день не попали.

ТРИ СЕРЖАНТА

В армии молодые люди впервые сталкиваются с таким понятием, как воинская субординация, и многим это кажется забавным, даже странным. Ещё вчера твой друг был рядовым, ничем не выделялся, и вдруг объявляют приказ:

— Рядовой Иванов… Присвоено звание «ефрейтор»…

И он уже не такой, как все. На голубых погонах — жёлтые лычки, в лице мальчишеская строгость, смущение, гордость — всё что угодно, в зависимости от человека. Он ещё очень молод, первое воинское звание обрушивается на неокрепшую психику по-разному. Кого-то делает мудрее, кому-то голову сносит…

Мой друг Толя Кузнецов был с детства прирождённым механиком, мог в одиночку разобрать и собрать мотоцикл. И когда в нашей части потребовалось восстановить повреждённый трактор, Толя вызвался одним из первых. Был он вдумчивым, работящим, немного замкнутым, но к его мнению ремонтники прислушивались: почти всегда оно оказывалось верным. Трактор восстановили в срок, и никто не удивился тому, что вскоре Анатолий стал сержантом. Заслужил!

Он сам отнёсся к этому равнодушно и с кривой усмешкой сказал по Твардовскому:

— Что мне орден? Я не гордый, я согласен на медаль.

Иным был Костя Косьминин — здоровенный парень из-под Вязьмы, прирождённый вояка. К службе он относился прилежно, безразличие Толяна его бесило:

— Каждый солдат должен носить в рюкзаке маршальский жезл!

Наши койки были рядом: моя сверху, его внизу, а справа от нас, через тумбочку, спал Серёга Жулин — второслужащий, астраханец, человек с норовом. Нас, салажат, он держал в ежовых рукавицах:

— А мне плевать, сколько у тебя лычек. У правильных пацанов свои законы: кто моложе, тот и бежит за пивом!

Прикроватная тумбочка в солдатской казарме — одна на двоих, и однажды «правильный пацан» подозвал меня к себе:

— Ты глянь, Юрец… Лычки!

В тумбочке лежали две новенькие золотистые полоски, которые пришивают к погонам повышенного в звании солдата. Лычки, как и многое другое, продавались в гарнизонном магазине. Их мог купить каждый, но в основном покупали бритвенные станки, одеколон, конверты, ручки… Знаки солдатского отличия про запас не брали — это был нонсенс!

— Я давеча слышал от земляка из штаба: к Дню авиации кое-кому «младшего» дадут, — и астраханец покосился на кровать Косьминина.

День Военно-воздушных сил отмечается в августе, до праздника оставалось три дня, но предусмотрительный толстяк уже запасся нужным знаком. Серёга вернул лычки на место и хитро улыбнулся:

— Мы ему сами пришьём… Надо помочь товарищу!

Перед сном, глядя на сияющую физиономию соседа по койке, спросил небрежно:

— У тебя когда именины, Косьма?

— В ноябре. А чё?

— Уже сейчас пахнешь, как мятный пряник.

На следующий день в наш кубрик подселили ещё одного солдата — загорелого до синевы.

— Тебя как зовут? — строго спросил его астраханец.

— Алексей.

— Откуда такой чёрный?.. С бахчи?

— С Вологды… А почему бахча?

— Потому что ночью с тобой хорошо кавуны воровать. Не так заметно.

Новичок весело улыбнулся: на фоне загорелого лица улыбка была белоснежной и обезоруживала.

Вновь прибывших рядовых солдат всегда ставят на самые тяжёлые работы; не избежал этого и вологодец. Он безропотно стоял в ночном карауле, драил туалет, чистил картошку при камбузе… Но днём на турнике Алексей показал такое, что мы диву дались. «Ай да Вологда — резной палисад!»

— Мы думали, ты тощий, а ты накачанный? — удивился Сергей.

— Жир нужен тюленям в Арктике, а солдату он ни к чему, — улыбнулся новичок.

В этот день были стрельбы, и Алексей поразил нас виртуозной «работой» из АКМ…

— Ты откуда взялся, снайпер?

Новичок лишь улыбался:

— Говорю же: с Вологды!

Вечером накануне дня ВВС Сергей поговорил с дневальным по роте, тот разбудил его, когда уже все уснули…

У вот пришёл долгожданный день.

— Рота, подъём!.. Выходи строиться!

Все, кто служил, знают: в эти секунды некогда осматривать свою одежду, всё делается быстро, «на автомате»: галифе, портянки, сапоги, гимнастёрка, пилотка, ремень… 45 секунд — и ты в строю!

— Рота, равняйсь! Смирно!

Перед строем похаживал старший сержант Жежера — солдат последнего года службы. Плечи у «старичка» вразлёт, талия в рюмочку, хромовые сапоги гармошкой… Загляденье, а не солдат!

Обязанность старшины — принять роту перед построением, сделать так, чтобы дежурный офицер увидел её во всей красе. Старший сержант проходит вдоль строя медленно, окидывает его цепким взглядом и очень похож на коршуна, который выслеживает оплошавшую куропатку.

— Рядовой Иванов, поправь пилотку!.. Ремень на пояс, Гоглидзе!

У самого Жежеры пилотка заложена под левый погон, а ремень офицерский на бёдрах, но то, что дозволено «старику», не дозволяется простому смертному…

Внезапно старший сержант останавливается на полпути, брови его лезут в гору. Напротив стоит Косьминин и под взглядом командира вытягивается в

струнку. Глаза его «едят начальство преданным взглядом» — так полагалось делать бойцам в старые добрые времена.

— Рядовой Косьминин... Или кто вы теперь, не пойму... Выйти из строя!

— Есть!

Наш сосед сделал образцовые три шага вперёд, фигурно развернулся и застыл перед строем во всей красе... Сапоги его были начищены до блеска, ремень натянут так, что палец не просунешь, на гимнастёрке ни складочки... Но погоны... Боже правый! И вкривь и вкось на них были пришиты злосчастные лычки, их концы свисали небрежными жёлтыми тряпками...

Раздался лёгкий хохот. Косьминин порозовел и на всякий случай махнул рукой по ширинке: там всё было в порядке.

А хохот нарастал. Вся рота знала его мечту стать сержантом, и теперь такое странное её воплощение веселило народ. Масло в огонь подливал Жежера:

— Вам кто присвоил звание, Косьминин? И форма одежды — не по уставу...

Только теперь несчастный покосился на свои погоны, увидел «творение» друзей и залился краской не на шутку.

— Марш в кубрик! — сжалился Жежера. — И привести себя в порядок!

А сразу после завтрака было праздничное построение полка на плацу, командиры говорили о славных традициях советской авиации, о больших перспективах вертолётных частей, поблагодарили за службу лётчиков и авиаспециалистов, офицеров и рядовой состав...

— По давней традиции мы особо благодарим младший комсостав, наших верных помощников, — сказал командир полка, прославленный лётчик Великой Отечественной войны. — Кто-то из вас осенью закончит службу, вернётся в родные края (стоявший рядом с нами старший сержант Жежера приосанился и взгрустнул), но им на смену мы сегодня призываем новых. В соответствии с приказом, объявляю имена лучших авиаспециалистов, получивших звание «ефрейтор», «младший сержант», «сержант», должность старшины...

В числе других мы услышали имя Анатолия Кузнецова, Константина Косьминина и дружно аплодировали им... Но одна фамилия казалась нам незнакомой.

— Старшиной второй роты моим приказом назначен сержант Малышев Алексей Васильевич, — объявил комполка и оглядел строй. — Алексей Васильевич призван осенью прошлого года, окончил Челябинский ШМАС, зарекомендовал себя классным авиаспециалистом, рекомендован в сержантскую школу и направлен в наш полк. К сожалению, документы пришли позже, и товарищ Малышев три дня служил у нас рядовым авиаспециалистом, простым солдатом. Товарищ сержант, выйти из строя!

И на плац вышел... наш белобрысый, наш загорелый Алёша из Вологды. Полковник вручил ему новенькие сержантские погоны, и надо было слышать, как рукоплескал ему переполненный плац.

УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

«Тиха украинская ночь»…

Эта великая фраза имеет особое значение для солдатского караула. Ночь тиха — и спокоен боец. Автомат на плече, слух обострён, но в целом жизнь прекрасна. Полная луна сияет на небе, видно всё на вёрсты вокруг, лишь по небу изредка летят метеориты: осенний звездопад!

Главное здесь — успеть загадать желание. Оно почти у всех солдат единое: скорее бы дембель! Прощай, Украина, армия, муштра; здравствуй, милая деревня, родня, Алёнка…

— Стой, кто идёт? — очнулся караульный: за пределами охраняемой зоны послышались мужские голоса. — Стой, стрелять буду!

Охраняемая зона — это родной аэродром со спящими в этот час боевыми машинами, ангарами, друзьями в караулке, а прилегающая территория — широкое картофельное поле, сады, палисадники, хаты… Окраина города, одним словом, частный сектор. Сейчас оттуда, шурша ботвою, идут незнакомые люди…

— Не стреляй, браток, свои!

— Мы до тоби…

Подошли ближе, остановились. Такие же молодые хлопцы, оба нарядные, в штатском, но по всему чувствуется — тоже служили недавно.

— Чего надо? — спросил солдат не по уставу, но всё ещё настороженно.

Замполит не устаёт предупреждать, что Западная Украина — это бывший бандеровский край, здесь ухо надо держать востро и через тридцать лет после разгрома последних.

— Свадьба у нас, земляк. Вон в той хате, чуешь?

Вслед за полем, первая к аэродрому, видна ярко освещённая украинская хата. Огоньки горят и внутри, и снаружи, разноцветные лампочки развешаны по деревьям… Праздничную иллюминацию дополняет музыка, видны люди, пирующие за столом…

— Оттуда тебя тоже хорошо видно, браток. Невеста смотрела, смотрела и говорит: отнесите солдатику чарку за моё здоровье!

Сказав это, один из гостей мигом достал початую бутылку и стакан, второй — бумажный пакет с домашней колбасой, калачом и салом… Сомнений больше не было: по тому, как это ловко сделано, сразу видны бывалые солдаты.

По законам армейского братства часовой отвёл автомат, вскинул его на плечо. Негоже целить в безоружных хлопцев, да ещё пришедших к тебе с дарами.

— Вообще-то у нас за это строго, — пытался пробудить он свою совесть. — Посторонние лица на охраняемой территории… За это можно штрафбат схлопотать, братцы…

— Ясное дело! Сами служили, — согласился тот, кто был с горилкой. — А ты нас к себе не пускай. И сам с поста не ходи, будем говорить через границу.

«Границей» между аэродромом и полем служил земляной ров полуметровой глубины; в дождь в него стекала лишняя влага, в жаркую погоду по краям сохла скошенная трава.

Часовой оглянулся по сторонам. Полная луна ярко освещала всё вокруг, посторонних не было видно.

— Да не дрейфь, земляк. Менять тебя будут через час с гаком, успеешь...

«И это знают, черти!» — подумал охранник и — сдался. В конце концов, не каждую ночь солдату подносят спиртное с царской закуской.

Через минуту они мирно сидели на подсохшей траве по обе стороны охраняемого объекта...

— Начальник караула у нас молодец: похавает вечером и спит как сурок! А разводящий — свой парень, этот не продаст.

— То нам знакомо! — сказал первый, наливая горилку в стакан. — Откуда родом, браток?

— Из Гомеля...

— О! Сосед-белорус?

— Он самый, — сказал солдат, взял стакан и выпрямился. — За здоровье жениха с невестой! Будем здравы?

— И вам не хворать!

Часовой выпил так, будто вылил в нутро просторной глотки стакан горилки, будто опрокинул его в бездонный колодец, не моргнувши глазом.

— Э-э! Да ты силён, бродяга!

— Батька был силён, а я так себе... подмастерье.

И захрустел тугой, лоснящейся от жира домашней колбасой.

Разводящий — должность беспокойная. Он принимает караульное помещение у своего предшественника, следит за чистотой его, каждые два часа разводит караул, проверяет безопасность оружия и многое другое. Начальник караула (как правило, старослужащий сержант) позволяет себе славно выспаться ночью, но разводящий — лишь урывками.

Без четверти четыре я проснулся, поправил пилотку и пошёл будить своих «архаровцев»:

— Подъём, ребята, подъём! На гражданке отоспимся!

Полусонные, они брали из пирамиды свои автоматы и выходили во двор караулки. Здесь стоят станки с песком для проверки оружия.

— Рядовой Петров оружие проверил!

— Рядовой Иванов!..

— Сидоров...

Вся моя команда, девять человек, к охране вверенного объекта готова, и мы уходим в предрассветную украинскую ночь.

Смена караула — дело хорошо известное каждому, кто служил.

— Стой, кто идёт!.. — издали кричит часовой. — Разводящий ко мне, остальные на месте!

Я меняю уставшего часового на свежего, и мы вновь шагаем по знакомой дорожке вокруг охраняемого объекта.

Пост, на котором стоял мой друг из Гомеля Валера Полторак, был последним на этом пути. Но, увы, на том посту, что рядом с картофельным полем, никого не было.

«Спит, собака! — подумал я, приглядываясь к земляному рву. Луна клонилась к закату, за сухой травой стояла густая тень, где, вероятно, и дрыхнет нарушитель воинской дисциплины: больше негде.

Увы, его не было и там!

— Эй, Белоруссия! Хватит дурака валять! — не слишком громко призывали друзья: всем хотелось поскорее в караулку, спать.

— Выходи, мы проиграли! — ещё шутили солдаты, но положение с каждой минутой становится всё более драматичным.

Вспомнив устав, я приказал последнему из «свежих» занять пост, остальным принять круговую оборону. Вот когда пригодилась «траншея», очень схожая с боевым окопом.

— Что будем делать, братцы?

По уставу полагалось тут же известить начальника караула, он поднимет на ноги всю часть… Валерке это грозит трибуналом: покинуть пост даже в мирное время — это очень серьёзно!

С другой стороны, медлить тоже нельзя. Вдруг это нападение, захват оружия? Такие случаи бывали, увы…

— Гляньте, хлопцы! Идут!!!

По картофельному полю в нашу сторону двигались три фигуры.

— Калаш висит! — прошептал один из нас, самый зоркий.

Действительно, на плече одного из трёх висел АКМ.

— К бою! — приказал я, почувствовав, как мурашки пробежали по телу.

Наше поколение уже не застало ту войну — Великую Отечественную… Ещё не ведало про Афганскую, помыслить не могло о Чеченской — они будут позже. Мы были счастливым поколением, почти не знавшим войн, но старшее поколение, фронтовики, учило нас не расслабляться, и вот теперь, похоже, час пришёл!

Громко клацнули затворы автоматов, и незнакомцы остановились.

— Не стреляйте, братцы! Мы свои!

— Вашего ведём! — раздались встревоженные голоса.

В эту минуту я забыл, что в таких случаях предписано уставом, крикнул первое, что в голову пришло:

— Стоять на месте! Стреляем без предупреждения!

Мы окружили эту троицу. Посередине стоял наш пьяненький часовой, слева и справа от него нарядные молодые люди, у одного из них на плече — Валеркин АКМ.

— Вы, хлопцы, не подумайте чего дурного, — объяснял тот, кто с автоматом. — У нас свадьба, мы его угостили, всё честь по чести, таков обычай... А минут через двадцать он сам идёт! Автомат за плечом...

— Хорошо, что свадьба уже разошлась, остались те, кто помоложе, — дополнял второй. — Нас этим не напугать, сами служили...

— Налили стакан горилки, накормили досыта — он и уснул.

— А в четыре часа мы его растолкали, умыли как смогли. Знали: смена караула!

Я приказал пересчитать патроны горе-часового, все оказались на месте.

— Теперь слушай меня, хлопцы. Об этом деле — никому ни слова! Иначе, сами понимаете, и Валерке несдобровать, и нам тоже. Все меня поняли?

— Все! — ответили мои часовые, и даже местные ребята, украинцы, поклялись не обмолвиться ни словом.

Забегая вперёд, скажу, что так и случилось. Валерка из Гомеля благополучно отоспался в караулке, больше с поста не отлучался и дослужился до конца честь честью, никто его не выдал.

А с местными парнями мы расстались по-братски.

— Ты запомни, разводящий: были на Украине шухевичи, но были и Ковпаки. Те служили фашистам, эти их били.

— И у нас были власовцы, — согласился я.

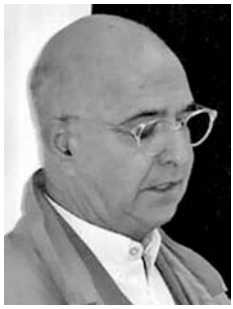
— Ну то-то! А мой отец до Берлина дошёл!

— Мой до Вены!

Мы крепко пожали друг другу руки и разошлись, ещё не зная, какая пропасть ляжет между нашими странами полвека спустя.

Житомир — Пенза, 1970-е — 2015 гг.

Джованни (Джанни) МОИ



ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕЧТЫ

Стихи

РЕВЕРБЕРАЦИЯ

Ищу я
Форму образа,
Того,
Что суть лишь ощущение воспоминаний,
За краем
Дней минувших
банальной суеты.
В прозрачность всматриваюсь вод,
В них света луч изломлен отраженьем.
Так в эти воды
Желанья наши и напрасные мечты
Однажды канут,
Бесформенно,
Разъятые потоком.

ХОЧУ ТЕБЯ

Хочу тебя,
Всю целиком, все тело,
Всю без остатка плоть,
Всю душу до последних капель,
Всю, что ты есть сейчас,
И ту, что будешь после,
И ту, которой ты еще не стала.
Хочу тебя всем воздухом, который вдох
И выдох,
И звук твоих шагов хочу,

И там хочу пройти, где ты бываешь,
И смеха твоего хочу,
И хрупкости ступней
ХОЧУ.

НОЧЬ БЕЗ ЛУНЫ

Бессонница.
Плеск волн.
Какая сокрушительная роскошь мотовствааа…
«Ооеееееееееее!!!»
Вот лодка под мостом,
Стук каблуков моих,
Шаги чужие.
Окон горящих очи
Во тьму таращатся,
Выцеливая тени
На узких улочках венецианских.
Коты, собаки, крысы
Стремглав несутся,
Заметая след,
Их бег печален,
Ибо
Никто не отыскал то самое, которое искалось…
Я тишины хочу.
Но ширится над водами
Концерт
Немолчных голосов,
Шумов созвучье
Меня насквозь пронзает.
Вот
Парапет колодца
Своей печатью гербовой
Из памяти по капле
Выцеживает нечто
Забытое давно:
«Там, наверху, девчонка
Сидит одна и плачет,
Мать в стельку пьяная,
Дым в доме коромыслом,
А я тут так себе, ни то ни сё,
Калика перехожий,
Я вижу все, но шевельнуть не в силах пальцем:

«Черт вас дери… Что ж вы творитеееееее!!!»
Взгляд стремится дальше,
Туда, в толпу зажженных фонарей.
Гвалт нарастает, им пропитан воздух,
В нем говор тех, кто в этот час
Еще с едой не разобрался
Иль на посошок
Любви случайной
Подмигивает
Ясным, но уже чужим, далеким глазом.
С тебя довольно, ты,
Бесстыдная луна
Над городом,
Которому
Стыд исстари неведом,
Сгинь,
Забейся в самый дальний угол.
Там
Мечтай о том,
Что прошлое когда-нибудь еще вернется.

ЧТО ВРЕМЯ ГОВОРИТ…

Что время говорит, которое проходит,
Ключ повернет сейчас, и свод замкнется…
Ему неведом страх
Существованья,
Оно счет пройденным дорогам не ведет,
Господним прихотям оно не уступает,
Ему довольно мига одного,
Одной невыразимой вспышки света…

В ШЕПОТЕ ВЕЧЕРНЕГО ВОЗДУХА

В вечернем хрустком воздухе
Тропой венецианской,
Жаром пышут стены,
Дома в канале преломляет отраженье,
Потоки встречные туристов,
По умолчанью
Друг на друга мы смотреть не в силах,
Поскольку день минувший
Вчерашним прошлым льется
Через край.

Чашка кофе, легкий бутерброд,
Вот, собственно, и все, венец и делу,
Вокзал и дальний поезд,
И больше не увидимся,
И это: дальше что-то будет?
Кромсают тучи солнце на куски,
Сойдет гримаса
за печальную улыбку:
«Прощай», ну кто придумал это слово!!!»
Тебе пора,
И эхом нарочито звонкий поцелуй,
И громкоговоритель объявляет,
Что времени в обрез,
И взгляд твой недоверчивый
Из-за окна.
И слово, то, что с губ не сорвалось,
повиснув... в хрустком воздухе вечернего вокзала.

В ЭТОЙ КОМНАТЕ

Я в темной комнате
Перебираю, ворошу
все,
Что забыть не в силах.
Я словно два крыла
На теле бестелесном.
Тьма ощущеньями насыщена
Неразделенности
С забвеньем,
Ее проглотит шум рассвета,
Который понемногу оживает...

МОЕМУ «ЦЫГАНУ» (МОЕМУ СЫНУ МИКЕЛЕ)

Кораблики бумажные построй,
На них изборозди
Пути небесные
И острова все обойди,
Чтобы пристать к счастливому причалу.
Мне ж отплати ты россыпью
Своих чарующих мелодий,
Они пусть будут якорями для души моей,
Уж обращенной
в путешествие иное, в дальний путь.

В ОЖИДАНИИ НЕВЕРУЮЩИХ

Немного роз,
Пучок фиалок —
Вот все, чего мне не хватает,
Чтобы сказать: любая гадость пахнет райски.
Кинь веточку пустяшную в цветочках на плиту,
И восвояси с легким сердцем.
Все, побежали, праздник кончен!
Вот и сегодня, верно, один ушел и потерял,
А тысячи остались в доле.
А может, он того и стоил?
Потом почти без перехода,
На руку скорую в печали, кое-как,
Мы возвращаемся
В насиженное место,
Себя, неверующих, ожидая.

ЛЮБОВЬ В ГЛАЗАХ ТВОИХ

Трепещешь, говоришь: «Не уходиии!!!»
Но ветер мой уже толкает парус,
И, кроме стука собственного сердца,
Иного ничего не слышу.
Я жил, пьянея от других,
Самим собой пьянея.
Когда ж тебя я буду вспоминать,
Моя любовь,
В твоих глазах
Любви уж и следа не будет.

ТЫ БОЛЕЕ НЕ ТЫ

Сухой листочек бедный,
Не тот сезон ты выбрал,
Чтоб трепетать на воздухе прозрачном,
Срываясь с ветки, взор последний обрати
На хохолок пока еще зеленых листьев,
К ним ты отныне не причастен.
Теперь ты, в одиночестве паря,
Вот-вот к земле прижмешься,
Миг —
И ты уж более не ты…

Перевод Ф. Самарина

Лидия ТЕРЁХИНА

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Очерк

Трёх сыновей — одного за другим — проводили на войну Степан Фёдорович и Евдокия Андреевна Комиссаровы. Четвёртый, Василий, был призван в ряды РККА в сентябре 1939 года, а потому провожать на фронт его не пришлось. Отправили в плановом порядке.

Обо всех четырёх неустанно молила мать Бога: хоть покалеченными, лишь бы вернулись домой живыми.

Где воевали сыновья Пётр и Михаил, родители не знали — приходили треугольники с указанием полевой почты, приветами близким и знакомым. От Сергея дошла весточка: «Все дни блокады провёл в Ленинграде — служил в медсанбате, теперь двинулись на запад».

Василий, хотя до призыва в армию работал столяром, был зачислен в 175-й артиллерийский полк, где прошёл ускоренные курсы шофёров. В начале войны нёс тыловую службу, получил специальность механика-водителя средних танков. А 12 марта 1943 года принял военную присягу и был направлен на фронт. Его зачислили в 928-й отдельный сапёрный корпусной батальон шофёром. И с октября 1943-го по 9 мая 1945 года он принимал непосредственное участие в боевых действиях.

В годы Великой Отечественной войны во всех боевых операциях автомобили служили основными транспортными средствами доставки и эвакуации личного состава, военной техники и вооружения, различных воинских грузов, а также буксировки прицепов и полуприцепов. В обязанности фронтового шофёра Василия Комиссарова входила и доставка снарядов и «живой силы» на передовую линию. Приходилось «выруливать» из самых немыслимых ситуаций: попадал под артиллерийский обстрел, и уходил от вражеских самолётов, и лавировал на минных полях…

Уже в мирное время с женой Прасковьей Андреевной выколупывали из-под кожи мелкие осколки. Тело само выталкивало их, слов-

но не желая носить это скорбное напоминание о войне. Было у Василия Степановича и серьёзное ранение, но он, опасаясь отстать от однополчан, отказался от отправки в госпиталь и лечился в медсанчасти.

Вскоре на гимнастёрке красноармейца Комиссарова появилась медаль «За боевые заслуги» № 1794435 — награда рядовых тружеников войны.

«Наревский плацдарм» — общее название Ружанского и Сероцкого плацдармов на правом (западном) берегу реки Нарев в Польше, в районе городов Пултуск, Сероцк и Ружан. Они были захвачены войсками 1-го Белорусского фронта в ходе наступления 4 сентября 1944 года. Немецкое командование называло этот плацдарм «пистолетом, направленным в сердце Германии» и предприняло беспрецедентные усилия по его ликвидации. Здесь шли самые тяжёлые для немцев бои за всё время войны. Только с 4 по 10 октября немецкая армия потеряла, атакуя плацдарм, 407 танков и более 20 000 убитыми.

Наступление с ходу применялось нашими стрелковыми частями в ходе развития боевых действий при прорыве поспешно занятых промежуточных рубежей в глубине обороны противника. Жесточайшее сопротивление немцев обескровливало наши части. Требовалось немедленное пополнение боевых порядков и снарядов. Но зачастую подходы к занятой нашими войсками территории были заминированы противником.

Командир батальона вызвал Василия Комиссарова на КП:

— Повезёшь на передовую ребят и снаряды.

— Не поеду, туда же только по полю можно проехать, а оно заминировано.

— Не поедешь — пойдёшь под трибунал. Расстреляют за невыполнение приказа.

Василий опустил голову:

— Ладно, поеду.

Комбат никак не отреагировал на его неуставной ответ.

Можно назвать чудом, можно Божьей милостью, но доехал Василий Комиссаров до передовой, доставил и людей, и ящики со снарядами целёхонькими.

И 1 августа 1944 года его грудь украсил орден Красной Звезды за № 1077274.

Наревский плацдарм удерживали до 19 октября 1944 года. А потом наши войска прорвали вражескую осаду и пошли вперёд.

17 января 1945 года за отличные боевые действия при прорыве обороны противника на Наревском плацдарме приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза т. Сталина ефрейтору Комиссарову была объявлена Благодарность за № 224.

Стелились под колёса комиссаровского ЗИС-5 польские дороги. Освобождала Красная армия вместе с Войском Польским от фашистской нечисти большие и малые населённые пункты соседней страны. И немалый вклад в это

был красноармейца, фронтового шофёра Василия Степановича Комиссарова.

Где-то на польской земле случилась его короткая встреча с братом Петром. Успели перекинуться десятком слов и — по разным направлениям.

19 января 1945 года за овладение городами Млава, Дзядлово, Плоньск приказом Верховного Главнокомандующего Комиссарову В.С. была объявлена Благодарность за № 232.

А 30 марта 1945 года Верховным объявлена ещё одна Благодарность за № 319 — уже за участие в боях по освобождению Гданьска (Данцига).

Второй слева во втором ряду В.С. Комиссаров. 1945 год, Германия

Приближались незабываемые майские дни — ощущение нашей Победы буквально носилось в воздухе.

16 мая Василию Степановичу было вручено Благодарственное письмо командующего войсками армии, дважды Героя Советского Союза генерал-полковника К.К. Рокоссовского. Отмечая «славный боевой путь Комиссарова от стен Сталинграда до Балтики — побережья Германии», командование напутствует красноармейца на переход к мирной жизни.

1 октября 1945 года Василию Степановичу вручают Благодарственное письмо Военного совета Северной группы войск. Подписано оно также маршалом Советского Союза К. Рокоссовским и членом Военсовета С. Шатиловым. «Вам, доблестному воину Красной армии, участнику боёв с немецко-фашистскими захватчиками, сражавшемуся в рядах Второго Белорусского фронта,

неоднократно отмеченному благодарственными приказами Верховного Главнокомандующего... Военный Совет вручает это благодарственное письмо как память о Великой Отечественной войне. Желаем Вам доброго здоровья и новых успехов в Вашей дальнейшей трудовой жизни на благо нашей Великой Социалистической Родины».

Но домой он отправился не сразу — почти год дислоцировался полк на территории Германии.

6 апреля 1946 года Приказом Министра обороны Народовой № 5/б за Одер, Ниссе, Балтик, как написано в свидетельстве № 57991, подписанном маршалом Войска Польского Михалом Роял Жимерским, он был награждён медалью «За освобождение Польши». ZA BOHATERSKIE CZYNY I DZIELNE ZACHOWANIE SIE WALCE Z NIEMECKIM NAIEZDZCA — так написано в этом документе.

Медаль «За победу над Германией» стала «завершающим аккордом» фронтовой эпопеи пензяка Василия Комиссарова.

Годы мирной жизни — с 1947 по 1985-й — отдал Василий Степанович пензенскому заводу имени М.В. Фрунзе и пензенскому производственному объединению «Заря», где работал столяром, плотником, слесарем-сантехником, закатчиком в сборочном цеху. И везде пользовался он неизменным авторитетом товарищей и уважением администрации. Все мирные годы фотография В.С. Комиссарова не сходила с Досок почёта этих предприятий.

Олег ДЕМИДОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МАРИЕНГОФА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней Великой Отечественной войны Анатолий Борисович Мариенгоф отдаёт всего себя творчеству. Он пишет стихи, поэмы и баллады о героях войны. С этими текстами он ходит на ленинградское радио и читает их в прямом эфире. Именно на радио Мариенгоф познакомился с Израилем Меттером. Как проходили первые месяцы войны и как функционировало ленинградское радио, зафиксировал именно Меттер в своей книге «Пятый угол»:«В первые недели войны в радиокомитете ещё не представляли себе, какими словами заполнить часы вещания. Передавались фронтовые сводки, стучал метроном, затем выплывали в эфир испытанные маленькие лебеди Чайковского, перечислял свои никому уже не нужные богатства индийский гость — холодные оперные страсти растворялись в тревожном небе.

Если война должна стать буднями города, то эти будни ещё не наступили.

— Радио должно говорить! — вскипел Яша Гурин. — Оно не имеет права молчать. Люди не могут жить только плохими сводками!

Убеждать ему приходилось не нас.

— Товарищ Гурин, — останавливал его инструктор обкома Ковалюнец. — Мне не нравится ваше настроение.

— Мне оно самому не нравится, — кивал Яша.

— На каком основании вы находите сводки плохими? Проходит процесс **заманивания** врага».

Да, типичная русская тактика: заманить врага на свою территорию, в заснеженные равнины, посыпаемые ледяным дождём, а уж там... Безусловно, выделяются две вещи. Во-первых, формулировка, с которой выступает инструктор обкома, удобная и ничего не обещающая. Во-вторых, городской хаос. Ленинградцы в напряже-

нии. Те, у кого есть возможность, пытаются эвакуироваться. У кого нет такой возможности, поддаются смятению. Кто стоек и решителен в столь трудный час, спешит на укрепление военной мощи города и уезжает на оборонные работы в Лугу и Гатчину. В радиокомитете переполох. Как вести эфир так, чтобы не выдавать только сокрушительные сводки с фронта? Как бодрить слушателей и при этом не выглядеть жизнерадостными идиотами в такое злополучное время?

На эти вопросы в культурной столице нашёлся культурный ответ. На радио приходили писатели и поэты и читали свои актуальные произведения. Передача «Радиохроника» стала отражать потребности времени. Среди приходивших литераторов помимо Мариенгофа были Николай Чуковский, Юрий Инге, Евгений Шварц, Борис Лавренев, Леонид Соболев.

В девятом номере передачи диктор поведал слушателям о подвиге летчика Гастелло, вслед за которым прозвучала и поэма нашего героя — «Капитан Гастелло»:

У Гастелло была минута
В распоряженье
Для парашюта,
Но капитану не надо минут —
Пусть пылает и парашют.
Поле.
Дорога.
Столетняя роща.
Всё железное стадо тут.
Куда,
Куда летит
Пылающий бомбардировщик?
Блеют машины,
Мычат
И ржут.

И вот
В самую кучу,
В стадо
В железное,
На коров бензиновых,
Закованных в латы,
Падает
С неба
Факел крылатый.
Падает с неба

Вниз головой
Пылающий русский герой.

Историки, которые занимались строго этой радиопередачей, говорят и о других стихотворных очерках Мариенгофа: «Рабочий Сигачев», «Боец Исмаилов», «Батарея младшего лейтенанта Чаплина», «Сеня», «Александр Самохин» — все они на данный момент нам неизвестны.

Радиослушатели слышат имена героев. А Мариенгоф продолжает писать — например, «о машинисте, который, рискуя жизнью, обжигаясь, лез в еще не остывшую до конца паровозную топку, чтобы скорее отремонтировать паровоз и отправить состав к фронту», писал и «о первых летчиках — героях ленинградского неба, о плененном разведчике, не выдавшем врагу важных сведений».

Помимо поэзии Мариенгоф не забывает и о драматургии. После «Шута Балакирева», который покорил Москву и провинциальные театральные площадки, он востребованный драматург. В военное время необходимы короткие пьесы — одноактовые. Одной из первых подобных Мариенгоф пишет пьесу «Истинный германец».

В ней, как и подобает советскому военному тексту, Анатолий Борисович рассказывает о падении нравов в Германии. Фогель, старинный товарищ, но никак не друг Освальда, приходит к его жене с бьющими прямо в лоб железобетонными намёками:

Ф о г е л ь. На днях мой шеф выступал перед жёнами, сёстрами и взрослыми дочерьми наших офицеров. Речь шла об увеличении... населения Германии. Разрешите мне буквально повторить слова шефа?

Э л ь з а. А разве герр Генрих Гиммлер при сёстрах и дочерях своих офицеров говорит такие слова, повторить которые нельзя без моего особого разрешения?

Ф о г е л ь. Вы ведь воспитаны по старинке.

Э л ь з а. Я обязана слушать то, что говорит глава германской государственной тайной полиции.

Ф о г е л ь. Это прекрасно сказано, фрау Эльза!.. Так вот... Шеф огласил приказ... Вы позволите?..

Э л ь з а. Не могу же я запрещать того, что оглашает герр Гиммлер.

Ф о г е л ь. *(Вынимает из кармана официальную канцелярскую бумагу.)* Шеф просил обратить внимание, что это приказ о безусловном долге всех истинных германцев и германских женщин перед великой Германией. *(Стоя читает по бумаге.)* «Неизбежная смерть лучших людей, как бы она ни была печальна, не является самым худшим во время войны. Гораздо хуже, если во время войны нет детей у живых».

Э л ь з а. Что поделаешь, если все более или менее живые отправлены на фронт.

Ф о г е л ь. Ну, вы несколько преувеличиваете... *(Читает.)* «Высоким назначением немецких женщин и девушек должно быть желание стать матерью, причём она должна это делать даже вне брака, переходя границы обычаев, но не из легкомыслия, а в глубочайшем нравственном рвении...» Может быть, желаете взглянуть собственными глазами? *(Передаёт ей бумагу.)*

Но вовремя приезжает Освальд и пристреливает Фогеля.

Эта одноактовая пьеса помещена в сборнике «Боевая эстрада», которым пользовались коллективы многочисленных советских театров, выезжающие на фронт и показывающие солдатам новые спектакли. В этом же сборнике размещены тексты (пьесы, песни, частушки) Всеволода Рождественского, Михаила Зощенко, Вячеслава Иванова, Евгения Шварца и других.

Мариенгоф очень быстро переключается от своих задумок, вынашиваемых годами, от своих семейных трагедий и полностью отдаётся работе на культурном фронте.

Мариенгоф успевает в этой суматохе выбраться в Москву. Пока он там пытается пристроить свои пьесы, встает вопрос об эвакуации — куда? Рюрик Ивнев советует в Вятку (Киров), Михаил Козаков — в Молотов (Пермь). А ведь если немцы усилят свое наступление, появится серьезная угроза, что Никритина так и застрянет в Ленинграде и супруги долгое время не смогут увидеться и будут жить в разных городах.

А между тем Ленинград обступают немецкие войска. Из Ленинграда начинают эвакуировать жителей. Эвакуация шла несколькими путями. Путь первый — в Ташкент (туда отправились такие деятели искусства, как Ахматова и Шостакович), второй — в Киров (артисты БДТ, Мариенгоф и Шварц), третий — в Пермь (семья Козаковых).

Наш герой вспоминал об этом не без философских ноток («Это вам, потомки!»). У него все окружающие и первые встречные — «полуидиоты». Но такое состояние и понятно: умер сын, одна война, вторая война, эвакуация, непонятное будущее, о котором ещё надо подумать: а нужно ли оно?

«Ночь. Я прохожу по жесткому вагону. В три яруса, используя и полки для чемоданов, спят люди — старые и молодые, мужчины и женщины. Почесываются, похрапывают, посапывают. Меня поражает, что почти все спят с полуоткрытыми ртами. По напряженным складкам на лбах и между бровей я вижу, что во сне они о чем-то думают. Но не головами, а позвоночниками. Поэтому лица у них неприятные, полуидиотские. Некоторые пускают слюну и во сне улыбаются. Тоже как полуидиоты. И тут я вспоминаю прекрасные лица покойников, с опущенными веками цвета церковного воска. Лица, лишенные всякой мысли. Чистая форма. Как она бывает благородна! Как хороша! Эта чистая форма, не потревоженная мыслями головного и спинного мозга».

Про Ташкент уже написано немало. Самое известное — это, пожалуй, книга Натальи Громовой. Как и любой южный город, столица Узбекской ССР привечала разных чудаковатых людей. В этом экзотическом оазисе, полном, правда, пыли, грязи и тысяч и тысяч беженцев, разгуливал модник Александр Тышлер, повязывающий на шее цветастый платок.

Есть ещё один комичный эпизод, связанный с Дмитрием Шостаковичем и Ираклием Андрониковым. Его описывает Наталья Семёнова в биографии Александра Лабаса:

«Лабасы оказались в поезде, сформированном Комитетом по делам искусств, до отказа забитом писателями, музыкантами, художниками, актерами, работниками радиокомитета. «В вагоне было как в переполненном трамвае, и, хотя кроме папки с акварелями у меня в руках ничего не было, продвигаться было очень сложно. — Лабасу с Леони повезло попасть в купе, да еще вместе с самим Шостаковичем, которого с семьей перебросили из Ленинграда через линию фронта. — Всю дорогу Дмитрий Дмитриевич переживал, что художник Владимир Лебедев, который часто приходил к ним ночевать, в ту ночь не пришел и он не смог его предупредить об эвакуации (Шостакович всячески сопротивлялся отъезду, но поступил категорический приказ из Смольного, и 1 октября композитора с семьей, рукописью трех готовых частей Седьмой, Ленинградской, симфонии и двумя узлами самых необходимых вещей переправили на самолете в Москву. — **Н. С.**)... В купе было очень тесно, и мы, составив все чемоданы, соединили две скамейки, чтобы увеличить площадь, чтобы детям было где спать. На чемоданы, чтобы выровнять их, я положил плотную папку с акварелями. <...>

Как-то утром в купе появился Ираклий Андроников и радостно объявил, что придумал, каким образом можно прекрасно спать сидя, что и продемонстрировал: снял с пояса ремень, перекинул его через кронштейн верхней полки и продел в него голову так, чтобы она поддерживалась ремнем. Шостакович сначала смеялся, но, испытав новшество на себе, одобрил. Лабас же моментально усовершенствовал андрониковскую придумку, заменив узкий ремень широким полотенцем. «С этого момента началась более удобная жизнь. Мы с Шостаковичем спали сидя, но все же раза два я уговорил его лечь и выспаться как следует. Он лег между скамьями на наших вещах и крепко заснул. Я мог внимательно рассмотреть удивительно тонкие музыкальные линии лба, носа, подбородка, овал лица... и быстро зарисовать гениального композитора нашего времени Дмитрия Шостаковича, который... спал на папке с моими акварелями серии «Москва в дни войны»...

В Кирове Мариенгоф зря времени не теряет и выезжает с чтением своих стихов, баллад и поэм в разные концы страны. Сегодня мы можем наткнуться и на такие воспоминания. У Георгия Тиунова есть документальная повесть «Стре-

А.Б. Мариенгоф

ляющая муза». В отрывке под названием «Прощайте, скалистые горы...» (записки неубитого солдата) упомянут такой эпизод:

«На Рыбачьем жил в войну один настоящий, вернее, профессиональный, поэт с именем Александр Ойслендер, талантливый, неугомонный, с чудачинкой. Его «длинновязая» фигура в флотском закачалась у нас в конце 1942 года.

Тридцатичетырехлетний поэт охотно занимался с начинающими.

Надо отдать должное, нас не обходили вниманием. Да и к тому же экзотика: далеко в глубине фашистской обороны наш гранитный линкор, гостеприимный, суровый, стойкий. Побывать у нас для писателей считалось чуть ли не подвигом. И на полуострова зачастили залетные гости, каждый важен и знаменит: Александр Жаров, Лев Кассиль, Анатолий Мариенгоф, Василий Лебедев-Кумач, Илья Бражнин.

Правда, встречи с ними были поэтическими пятиминутками, где гостями выстреливалось самое значительное, на вопросы они отвечали скороговорками и опять улетали, оставляя после себя досаду и недоумение».

Рыбачий — это небольшой полуостров на севере Кольского полуострова. Административно входит в Печенгский район Мурманской области. Омывается Баренцевым морем и Мотовским заливом. Представляет собой плато, круто обрывающееся к морю. Давнее пристанище Военно-морского флота России.

О жизни в Кирове мы можем судить по письмам Мариенгофа Михаилу Козакову и Борису Эйхенбауму. Подписывая им письма, Анатолий Борисович указывает, что он опять же находится вместе с Никритиной на гастролях БДТ в местном облдрамтеатре.

Жили в гостинице. В комнатах верхнего этажа размещались актеры БДТ. В самой первой комнате и жила семья Мариенгофа и Никритиной. Обстановка была не из лучших. Р.Э. Порецкая, забегавшая в номер, позже вспоминала, что писатель «жаловался на холод в гостинице и отсутствие горячей воды».

Но в письмах Мариенгоф крепился. Первое, отосланное от 6 октября 1941 года, сразу ошарашивает не столько обстановкой, сколько своей новостью. Сначала о быте:

«Живём в маленькой 17-метровой комнатенке, но тёплой, удобной, в наших ленинградских тряпках — поэтому уютной. Напоминает ту комнатёнку и тот отель, в котором мы с Нюхой жили, когда нам обоим было столько, сколько теперь мне одному. О двух комнатах здесь никто и не мечтает. Об одной бы!.. Ты хвастаешься грязью. Ну и наша грязь — в грязь лицом не ударит!..»

А потом совсем неожиданное событие:

«Театр, кажется, две недели выпускает премьеру. Здание чудное. Публики порядочно, а декораций, костюмов нет... Я — удивляйся — худрук!!!!! организующегося театра лилипутов, т. к. помещение театрика около базара, дома называюсь базарным худруком».

Пока проходят гастроли БДТ, Мариенгофа назначают художественным руководителем местного облдрамтеатра. Его скепсис понятен — провинция. Но он не теряется и принимается за работу.

Помимо этой работы продолжает писать баллады и поэмы о героях войны и большие и малые пьесы. Из письма тому же Козакову узнаём, что работа идёт и над драматургией:

«Мы с Женей наперегонки пишем пьесы. Он «Ночь в Жокте» (об ленинградцах в кольце), я свою «Власть Тьмы» (Немцы в Ясной Поляне). Кончим в марте. Кто раньше кончит, тот раньше тебе и вышлет».

С Женей, то есть со Шварцем. Высылать собираются опять же затем, чтобы напечатать в Перми.

Тексты Мариенгоф пытается пристроить через Козакова в пермское издательство. Ведёт переговоры через друга и напрямую через пермскую редакцию. Но всё это оказывается очень долгим и мутным процессом. К счастью, в Кирове организуется отделение Союза писателей СССР. Через него-то в 1942 году и удаётся издать сразу две книги стихов — «Пять баллад» и «Поэмы войны». Об этом чуть позже. Пока о насущных проблемах.

В одной из кировских газет появляется заметка «Новая работа драматурга»:

«Драматурги, работающие в городе Кирове, пишут новые произведения, отражающие великую борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

«Немцы в Ясной Поляне» — так называется пьеса, над которой работает поэт Анатолий Мариенгоф. Действие первой картины будет происходить в конце 60-х годов прошлого века. Лев Николаевич среди семьи и друзей читает главу из «Войны и мира». Вторая картина относится к нашим дням, накануне войны. Тут завяжутся личные судьбы советских персонажей пьесы, будет показана общая атмосфера музея-усадьбы, являющейся памятником мировой культуры. В 3-й, 4-й и 5-й картинах — немцы в Ясной Поляне. Пользуясь фактическим материалом, автор намерен показать беспросветный цинизм и полнейший моральный распад нацистского офицерства, осквернившего и разграбившего Ясную Поляну, где величайший писатель прожил в общей сложности более семидесяти лет, где природа и жизнь были могучим источником его творческого вдохновения.

Среди действующих в пьесе немцев эпизодической фигурой пройдёт небезызвестный генерал Гудериан. Основной же фигурой будет лейтенант Отто Вейс, в прошлом критик-учёный, почитатель Толстого, теперь же вконец изолгавшийся, исподличавшийся нацист. В предпоследней, 5-й картине Вейс, тяжело раненный партизаном, ведёт в бреду истерический диалог с Толстым. Таким образом, Лев Николаевич дважды пройдёт через пьесу. Пьеса будет заканчиваться освобождением Ясной Поляны нашей доблестной Красной армией.

Автор предполагает завершить работу над пьесой в марте».

Пьеса будет написана в марте и отправлена Козакову в Пермь. О жизни Мариенгоф пишет, что «в Кирове тошнотно. Эвако-жизнь. Собственно, зря вернулись. Всё какая-то Нюшкина кошачья привычка к месту, то есть к своему безрадостному БДТ». Это он о своих набегах в 1942 году на Москву, когда на фронте становится чуть спокойней.

В одной из поездок в Москву, датируемой 11, 12 и 13 мая 1942 года, Мариенгоф участвует в совещании драматургов СССР. В столицу съезжаются все драматурги со всех концов страны.

Открывается совещание докладом председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М.В. Храпченко «О драматургии периода Отечественной войны». Он говорит о том, что нарушилась связь театров с драматургами. Поэтому назрело совместное обсуждение вопросов драматургии. Отечественная война ставит ответственные задачи. Деятели искусства должны осуществлять идейную мобилизацию народа. В своих текстах они должны описать и возвеличить героев войны.

Советская власть прибегала к самым массовым средствам информатизации населения — на тот момент это были радио и театр. Поэтому на драматургию рассчитывали особо. По всей стране люди повалили в театры. Большой интерес был, конечно, к патриотическим спектаклям. Необходимо было воодушевление для войны, для работы в тылу, для какой-никакой жизни.

Храпченко сотрясал трибуну:

«Деятельность советских драматургов в дни войны отличается большой интенсивностью. За время войны написан ряд пьес нашими крупнейшими драматургами: Погодиным, Леоновым, Корнейчуком, Козаковым, Финном, Вирта, Симоновым, Вдивани, Кавериным, Бруштейном и целым рядом других.

Такой творческой активности и продуктивности мы не наблюдали уже давно.

Новые литераторы приходят в драматургию и дают ценные произведения. Следует отметить работу Ржешевского и Каца, которые написали интересную пьесу «Олеко Дундич»; пьесу Водопьянова и Лаптева «Полк ДД»; пьесу «Война» Ставского, который впервые выступил в драматургии.

<...>

За последний период нужно отметить и рост отдельных драматургов. Прежде всего рост такого драматурга, как К. Симонов. <...> Хочется отметить и рост драматурга К. Финна. <...> Можно отметить определённые завоевания. Прежде всего пьесу Симонова «Русские люди» <...> пьесу Финна «Рузовский лес» <...> пьесу Водопьянова и Лаптева «Полк ДД». Положительной оценки заслуживает работа наших драматургов, посвящённая исторической тематике. Тут следует отметить такое крупное произведение, как пьеса Самеда Вургуна «Фархад и Ширин». <...> В этом плане можно отметить и пьесу Липскерова и Кочеткова «Надежда Дурова», пьесу Николая Вирты о молодом Ленине. <...> Можно назвать также пьесы, посвящённые антифашистской борьбе на Западе: например, пьесы Бруштейн «День живых» и Войтехова «Здравствуй, оружие!».

Всё это показывает, что советский театр сейчас располагает рядом произведений, которые могут быть и будут воплощены на сцене и сыграют свою большую роль».

Столько громких слов, и ни одного про Мариенгофа. А ведь только год назад гремел в столице «Шут Балакирев». Анатолий Борисович злился, негодовал и уже готовился по приезде в Киров начать усердно писать.

Среди отмеченных Храпченко драматургов, пожалуй, только Леонов, Симонов и Каверин остались в народной памяти. Остальных история оставила в 1942 году.

А выступление Храпченко всё продолжалось. Он говорил, что пишутся пьесы на военную тематику, что до сих пор отчего-то нет ни одной пьесы о работниках тыла, «о героической работе наших фабрик и заводов, где куётся победа, о колхозной деревне, которая сейчас является вторым фронтом».

Обращалось в докладе внимание и на исторические пьесы. Драматургу необходимо было соотносить эпохи, внимательно выбирать героев и подходить к описываемым событиям исторически правдиво.

Были даны обещания всем желающим, кто хочет писать о Красной армии, организовать поездки на фронт.

Среди выступающих на совещании были ещё режиссёр Плучек и писатели Каверин и Козаков. Первый говорил о трудностях, с которыми встречаются

работники театра. Самой главной трудностью была востребованность театра. Правда, при этом труппа была вынуждена дробиться на несколько микроколлективов и ставить небольшие спектакли на двух-трёх человек. Так несколько коллективов одного театра сразу могли охватить «выезд на фронт, где спектакли ставятся в блиндаже, на рубке боевого корабля, в кубрике», госпитали, фабрики, заводы и т. д. И при этом должно использоваться минимум декораций. Плучек уповал на необходимость новых пьес, соответствовавших бы этим критериям:

«Хотелось бы призвать драматургов, которые работают над темой ОВ, к меньшей смене сцен, меньшим масштабам действия, учитывая очень сжавшиеся постановочные возможности театров, уменьшение труппы, ограничение возможностей этой труппы, портативность форм, которую должен иметь теперь спектакль».

Среди выступавших был и «товарищ Мирингоф», заведующий Управлением по делам искусства РСФСР. То есть, выражаясь по-современному, министр культуры СССР образца 1942 года.

Фамилия очень похожа на интересующую нас, и первым делом я даже подумал, что машинист, печатавший стенограмму диспута, что-то попутал. Тем более, что всё сказанное им впоследствии было воплощено Анатолием Борисовичем. Но нет, такой человек на самом деле был. Говорил он, повторюсь, дельные вещи. Поэтому давайте потратим толику читательского усилия и вкратце прочтём его речь:

«Сейчас, как никогда, есть потребность в героико-романтическом репертуаре — классическом и современном. Война резко изменила психологию людей, а этот глубокий процесс изменения психологии людей в наших пьесах не отображён. Знакомишься с пьесой, её персонажами, и никого по-настоящему не можешь запомнить: все одинаково безлики. Новая пьеса К. Симонова «Русские люди», несомненно, выше на голову пьес, написанных на тему ВОВ до неё. Но и в этой пьесе все люди похожи друг на друга, нет тут оригинальной, духовной неповторимости персонажа, которая действительно определяет сущность художественного образа, его характер. К. Симонов пережил много событий, был на всех фронтах, впитал в себя много наблюдений, и ему хочется в одной пьесе высказать всё. В его пьесе имеется материала на несколько пьес. Там есть интеллигентская семья Харитоновых. Симонов показывает, как в процессе войны эта семья рушится. Люди жили вместе двадцать пять лет, а вот сейчас обнаружилась разность взглядов людей, и семья распадается. Большая человеческая тема — тема целой пьесы, а Симонов ограничивается поверхностным изображением жизни этих людей. В этой пьесе имеется масса интересных наблюдений, но нет широкого изображения человеческой души,

психологии героя, то есть того, что должно быть главным содержанием художественного произведения.

Пьесы об ОВ лишены глубокой философской мысли. Не случайно в пьесах вы не найдёте монологов, где бы драматург оставлял героя наедине с самим собой и тот бы размышлял, рассуждал. Отсутствие монологов в пьесах — косвенный показатель того, что наши драматурги ещё не изучают глубоко события, не сообщают их, больше занимаются внешним изображением событий, нежели раскрытием психологии человека. В этом основной порок многих новых пьес.

Некоторые наши деятели театров и даже некоторые критики пытались проводить такую теорию: сейчас война, чрезвычайно быстро происходят огромнейшие события. Надо ли сейчас писать пьесы о сегодняшнем дне? Пускай, мол, материал отстоится. Только тогда будет возможность по-настоящему создавать полноценные художественные произведения. Отсюда появилась другая тенденция — излишняя осторожность в постановке советских пьес, выжидательная позиция. Такие вредные тенденции наблюдались у некоторых театров. К постановке современных пьес подходили иногда даже и пренебрежительно. Если речь идёт о постановке классической пьесы, то мобилизуются лучшие режиссёры, лучшие актёры и художники. Если это касается советской пьесы, то некоторые театры (Казанский, Свердловский, Новосибирский театры) рьяно проводят во всём режим экономии. Мне кажется, что надо ставить и слабые советские пьесы, потому что даже эти слабые советские пьесы откликаются на те животрепещущие мысли и чувства, которые переживает наша страна. Никто не позволит нашему советскому театру во имя будущего оставаться равнодушным, молчаливым сегодня. Пусть это будут смелые попытки и несовершенные произведения, но если они откликаются на самые животрепещущие моменты нашей действительности — эти пьесы надо ставить.

<…>

Перед нашими драматургами сейчас стоит также задача отобразить не только весь драматизм событий, переживаемых нашим народом, не только сегодняшний день, но и заглянуть в завтрашний день. Здесь предвидение, интуиция, домысел играют огромнейшую роль.

<…>

И, конечно, одной из благодарнейших задач наших драматургов является отражение в драматургии событий 6 — 7 ноября 1941 года. Я имею в виду речь тов. Сталина. Когда вся страна переживала момент грозной опасности, раздался спокойный, уверенный голос Иосифа Виссарионовича Сталина, голос, который вызвал огромнейший прилив всех сил нашего народа, мобилизовал его на борьбу, вселил чувства уверенности в победе. Эти неповторимые величественные переживания народа должны найти глубокое отражение в драматургии».

Все эти доводы учтёт в своей работе Мариенгоф. Он напишет целый ворох коротких, а то и одноактовых пьес. Будет давать своим героям больше свободы, чтобы у них было время на большие и горячие монологи.

И со Сталиным будет своя история.

А пока военная Москва. Весь май Мариенгоф находится в столице и возвращается в Киров только в начале июня. Сразу пишет письмо Эйхенбаумам:

«Милые! Вот и явился я восвояси из г. Москвы из гостиницы «Москва» с всесоюзного!.. совещания!!! Дерьматургов!!!.. Привёз хорошее настроение, адское желание писать и литзаказ к 25-летию — «Оборона Севастополя» — туда-то и собираюсь в конце июня. Как-то всё повернётся? Нахально собираюсь туда везти маленькую актёрскую бригаду (конечно, и Нюху). В Москве в комитете и с командованием флота уже всё устроено, но Рудник пока препятствует. А у меня зуд в ногах, в руках, а главное — в башке. Кировский тыл осточертел, и отысячечертели все любители тылового спасения и сохранения своих шкур (конечно, если этим шкурам меньше 50)».

Насколько я могу судить, до Севастополя Мариенгоф так и не добрался. Жизнь повернулась другим боком.

По приезде в Киров Мариенгоф бросается писать, как и обговаривалось на совещании драматургов, одноактовые пьесы. Их необходимость Мариенгоф осознал ещё в Ленинграде, где вышла среди прочих его пьеса «Истинный германец».

За «эвако-жизнь» появится ещё несколько: «Наша девушка», «Ленинградские подруги» и «Мистеру Б.». Первая, так же как и «Истинный германец», разойдётся по стране в виде спектаклей и в виде коллективных сборников «Боевой эстрады».

«Наша девушка» повествует о разведчице, которую захватывают в плен немцы. Они привязывают её к столбу, пытаются развязать ей язык, но, не добившись своего, уходят на перекур. Пока немцы трапезничают, к девушке неожиданно выходит из укрытия русский паренёк с автоматом наперевес. Он развязывает узлы и попутно расспрашивает её: кто такая? откуда? зачем? почему? А девушка, не будь дурой, дождалась, когда паренёк её развяжет, да и наставляет на него автомат — она сразу смекнула, что это засланный немецкий человек. Так и оказывается: с обеда идут немцы и уже потирают руки, предвкушая, что девушка разговорилась. Но не тут-то было.

Короткая, несколько неожиданная получилась пьеса о разведчице. Как и заказывали в Москве.

«Ленинградские подруги» — о жизни женщин, работающих глубоко в тылу на ленинградской фабрике. Они в блокаде. Над городом постоянно летают немецкие самолёты. Играет на нервах противовоздушная оборона. Каждую ночь кто-то из трёх подруг выходит на крышу, дабы дежурить и гасить зажигательные смеси, посылаемые противником.

Не обходится без милой любовной истории.

Не обходится и без трагедии.

Мариенгоф умело дёргает за струнки зрительского восприятия.

Третья одноактовая пьеса — «Мистеру Б.». Это нечто иное — на английский манер и авантюрное. Лондон. Номер в гостинице. Она и он. Мужчина изобличает женщину: работала в парикмахерской, но тайными ухищрениями выбилась в высший свет и теперь счастливо замужем. Чтобы сохранить её секрет, этот мистер предлагает ей нанять себе в слуги одного человека. Женщина не теряется и разоблачает и возможного лакея (им оказывается немец-разведчик), и этого мистера, решившего её припугнуть.

Несколько неожиданных сюжетных поворотов, интрига, стиль (Мариенгоф, «последний денди республики», наделяет своих героев всеми нужными атрибутами) — в итоге получается добротная одноактовая пьеса.

Такой своеобразный социальный заказ без лишних усилий выполняется. Одна пьеса уже была заранее написана, пишутся ещё три. На дворе зверствует война, поэтому Анатолий Борисович не испытывает никаких угрызений совести, никаких сомнений. Он серьёзно подходит к делу.

Так же обстоит дело и со стихами.

Мариенгофу удалась поэзия. Если раньше он не мог писать заводные стихи на революционные подвиги по всему земному шару, что-то не давало ему это делать, то теперь у него стали сами собой сыпаться ударные стихи о подвигах героев войны. Что это? Это простой патриотизм. Да-да, в трудную минуту Мариенгоф оказывается вместе с теми, кто ставил его друзей к стенке, и вместе с ними оказывает сопротивление и, как может, борется за свою свободу, борется против фашизма.

О себе и о своих стихах он точно выразился в письме Эйхенбауму:

«Это, Боречка, ты верно подметил, что я на барабане вроде как луплю. А эпоха-то какая? Помнишь, мы любили пофилософствовать об эпохе? Она тоже, дружок мой, не на скрипочке играет. Оказывается, я с ней и спелся, вернее сыгрался. <…>

Пишу «барабанные» стихи. Кое-что из того, что написал, даже люблю. Печатаю их в Кирове. Одна книжечка вышла, но это с ленинградскими балладами, а сейчас печатаю другую, с новыми — когда выйдет, пришлю».

В эти два сборника вошло восемь больших текстов: «Лобзов», «Таня-Зоя», «Денис Давыдов» («Поэмы войны») и «Капитан Гастелло», «Три товарища», «Два германца», «Отто Опель», «Партизанский разведчик» («Пять баллад»).

Ко второй книге пишется небольшое поэтическое предисловие:

История!
Ты сегодня стоишь рядом,
Рядом с нами,
Касаясь плечом.

Ты вдохновляешь нас на баллады,
Ты говоришь нам, писать о чём.

Тебе послушны
Кисть и перо,
Рука бойца
И движенье колонны.
Ты —
В каждой строчке Информбюро,
В каждом приказе Комитета Обороны.

Ты сказала:
«Из памяти нашей
И седого времени седая волна
Никогда не смоет
Величественные имена
Мужественных и бесстрашных».

Если бы Маяковский дожил до Великой Отечественной войны, он писал бы, вероятно, в таком же ключе. Потому это воспринимается сначала довольно забавно, но, вчитываясь в тексты, понимаешь, что все эти строчки были жизненно необходимы не только самому поэту, но и людям, переживающим бедствия войны. Это, конечно, не симоновское «Жди меня» и не «Василий Тёркин» Твардовского. Здесь принципиально иная структура стиха, рассчитанная не на газетное чтение, а на сценическую речь. Да и человеку, не подготовленному буйным разливом поэзии 1920-х годов, читать всё это будет трудно.

Сначала Мариенгоф надеялся, что ему удастся издать свои сборники в Перми с помощью Михаила Козакова. Но неожиданно в Кирове открылось отделение Союза писателей СССР и при нём возникло издательство. Через него-то поэт и действует. Местные литературные чиновники, видимо, не знали, с кем имеют дело, и с небывалой лёгкостью пропустили книги в печать. И уже позже, спустя несколько лет, они будут запрещены.

Собственно «эвако-жизнь» продлилась недолго: с июня 1941 по март 1943 года. Да и то были большие перерывы и поездки по городам и весям. 25 марта 1943 года Мариенгоф уже отчитывается в письме Эйхенбауму:

«Пишу вам из Ленинграда. Прилетел 5-го из Москвы. Живём с Нюхой пока в «Астории», но собираемся перебираться в славную кухоньку с альковом на Бородинской к Радину. По кухонькам здесь расселилось большинство актёров, близко от театра, печурка, получается военный комфорт. Кто относится к шуму равнодушно, тому жить в Петровском Парадизе не худо. Мы с мадамочкой не жалуемся. Только вот друзей не осталось, только дома, да улицы, да набереж-

ные, да лирика ленинградских туманов. Нюшка много занята, я тоже работаю над большой вещью. Изредка грешу для собственного удовольствия стишками. А почитать-то их кому?»

17 февраля 1944 года в письме Эйхенбауму Анатолий Борисович рассказывает о доме на Малой Конюшенной: насколько тот пострадал? Можно ли в нём жить?

«Дом Ваш стоит. Несколько дыр в нём от артобстрела, конечно, имеется, но это по ленинградскому счёту не в счёт. Улицы стали пошумней, но народ свой что-то медлит. А хотелось бы — Вас, Мишу, Дмитрия Дмитриевича. Вчера приехала его жена на разведку. Вероятно, будут жить на два города. Надо ведь Шостаковича в Ленинград!.. Пусть всё-таки по нашим улицам ходит «самый обыкновенный гений»!.. Мы с Нюхой чертовски много работаем. До одури. И слава тебе Господи. Кончаю пьесу (хорошую, Боря!.. вот хвастает этот Мариенгоф!..).»

Пьесу Анатолий Борисович на этот раз пишет большую. И в ней придаст главному герою немного чёрточек Бориса Михайловича Эйхенбаума.

А пока Эйхенбаумы думают, возвращаться или нет, Никритина и Мариенгоф перебираются на Бородинскую улицу, дом 13, — уже окончательно. Продают дом на Кирочной и покупают квартиру на Бородинской. К тому же местоположение нового дома очень удобно: в полутора минутах ходьбы место работы Никритиной — БДТ...

Как в это время выглядит сам Мариенгоф, можно понять по дневникам Вячеслава Иванова. Вот запись от 9 декабря 1942 года: «Из... черт ее знает, не то Пермь, не то Вятка!.. приехал А. Мариенгоф. Вошел походкой, уже мельтешащей, в костюмчике, уже смятом и не европейском, уже сгорбленный, вернее сутулящийся. Лицо красноватое, того момента, когда кожа начинает приобретать старческую окраску. Глаза сузились. Боже мой, смотришь на людей, и кажется, что состарилась за один год на целое столетие вся страна».

ПЕНЗЕНСКИЕ ПОЭТЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Евгений ГРИШИН

ОСВОБОДИТЕЛЬ

Перед солдатской отвагой
Назад катился злобный враг.
И вот над куполом Рейхстага
Победно реет красный флаг.

Там на одной стене кинжалом
«А мы из Пензы» написал
Боец израненный, усталый,
Что пол-Европы прошагал.

Он шёл в Берлин от Сталинграда
На встречу с праздничной весной.
Когда умолкла канонада,
Он оглушен был тишиной.

Один из многих, воин скромный
Не осознал тогда вполне,
Какой он совершил огромный,
Великий подвиг на войне!

Алексей ЧУМАКОВ

ПОБЕДА

Я долго ждал победу эту.
Четыре долгих года ждал.

Я полз за ней по белу свету,
Я знал: она придёт, я знал!

Я знал, от Бреста отступая,
Я знал, сдавая Киев-град,
Я знал: придёт победа в мае,
Я знал, что будет Сталинград...

Мы шли вперёд, врага сметая,
Уже не смог он устоять.
Отсюда счёт пошёл до мая,
Победу стали здесь ваять!

Она пришла, пришла весною,
Как долго ждали все её!
Какою страшною ценою
Мы заплатили за неё!

Иван ПШЕНИЦЫН

УТРО ПОБЕДЫ

С последним залпом, светом брызнув,
Плеснуло утро синевой.
Солдат в кусты отбросил гильзу,
Закончив ратный подвиг свой.

Свернул цигарку. Сел устало,
Утёр пилоткой мокрый лоб.
Земля его ещё качала,
Катились камушки в окоп.

Он удивился: было слышно,
Как потянулись травы ввысь,
Как почка лопнула у вишни
И появился первый лист.

Наверно, все большие войны
Кончались так и в старину...
Солдат курил, вздыхал спокойно
И слушал, слушал тишину.

Вера СЕРЕДЕНИНА

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

На поле у Бобровиц
холмик есть зелёный,
Весь травой поросший,
он покоит прах
Саши из Воронежа,
юной, в жизнь влюблённой
И такой весёлой
в моих тревожных снах.

Поленька из Пензы
тоже там покоится.
Поля-комсомолка
нас на бой звала.
Голос её звонкий
тем туманным утром
Вражеская пуля
вдруг оборвала…

Девушки-зенитчицы
жизней не щадили,
Защищая Родину —
день и ночь в бою.
В вечный путь последний
мы их проводили
Под салют нестройный,
под печаль свою.

И в боях кровавых
мы фашистам мстили —
Помню Вислу, Одер
в грохоте, огне.
В прошлом эти битвы,
но они же были!
……
Девочки убитые
часто снятся мне.

Михаил КИРИЛЛОВ

РЯДОВЫЕ ВОЙНЫ

Много их, всех не счесть на российских погостах,
Обелисков-штыков, часовых тишины,
Под которыми спят Ивановы, Матросовы,
Рядовые войны, рядовые войны.
В длинном списке погибших их большая доля,
Потому что, как водится со старины,
Были главною силой на бранном поле
Рядовые войны, рядовые войны.
Невозможно измерить героев отвагу.
Нету ей, как Великой Победе, цены…
Сколько вас полегло от Москвы до Рейхстага,
Рядовые войны, рядовые войны?!

Владимир ЮРАКОВ

9 МАЯ

Медали юбилейные…
Теперь их меньше надо.
Уходит поколение
В предания, в баллады,
Вздыматься обелисками…
Внимательно, серьёзно
Вглядимся в лица близкие,
Пока не стало поздно.
Всё, что могло быть страшного,
Перемогли, избыли…
Нас будут внуки спрашивать:
«Какими они были?»

Владилен ФЕДОСЕЕВ

* * *

Сражённые кто пулей, кто осколком,
Они в могильной братской тесноте
Лежат почти у каждого посёлка,
На каждой безымянной высоте.

Лежат России верные солдаты,
Над ними — рощи молодых берёз.
Им, вечным, посвятил поэт Гамзатов
Стихи, что сердце трогают до слёз:

«Мне кажется порою, что солдаты…»
Стою один среди пустых полей.
Как много не вернулось вас, ребята!
Как мало в небе белых журавлей!

Сергей НЕЁЛОВ

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПАРАДЫ

Как мало нас осталось с той войны —
Не соберёшь и армию солдат:
Уже ушли на небеса одни,
Другие завершают свой «парад».

Уходят и дивизии, и роты…
И бравурные марши не звучат.
Медали с орденами с позолотой
Прощальным блеском на груди горят.

Солдаты своей жизнью заплатили,
Чтобы страна в достоинстве жила.
Её, как мать родимую, любили —
Она порой им мачехой была.

Года бегут. И наша песня спета,
И мы уходим в вечности запас,
Но горькая, святая Мать-Победа
Пусть будет светлой памятью о нас.

Уходим мы, прощально шля приветы,
Последние участники войны,
Последние вершители Победы,
Так и не дождавшись в мире тишины.

Екатерина КОЗЫРЕВА

И БЫЛА ПЕСНЯ…

М.Ю. Лермонтов через 200 лет

…Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел…

Голос Лермонтова донёсся до меня рано, очень рано, когда рука матери качала колыбель, а сама она пела: «*По небу полуночи Ангел летел И тихую песню мне пел, И месяц, и звёзды, и тучи толпой Внимали той песне святой…*»

Рассказывала мне об этой песне сестра. Конечно, младенец не мог понимать слова, но голос, голос мамы поющей остался во мне навсегда. Не в школе, не в институте, а только сама, став матерью, я открыла книгу с лермонтовским признанием, что он слышал и запомнил: голос пел, голос матери. Наверное, и нежное прикосновение губ матери, её дыхание, ласку и слова материнской любви он слышал.

В младенческих летах я мать потерял,
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

В записке 1830 года Лермонтов вспоминал: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услыхал её, она бы произвела прежнее действие.

Её певала мне покойная мать».

Трагедия раннего расставания с матерью (она умерла, когда Мише было три года) отразилась на жизни и творчестве поэта. Её «памятный глас» слышался Лермонтову и после смерти.

В семидесятые годы я училась в Московском областном педагогическом институте на ул. Радио, прежде здесь был Институт Благородных девиц. Мы с однокурсниками по литфаку ходили пешком к станции метро «Красные Ворота», которая называется теперь «Лермонтовская». Нередко останавливались у памятника поэту и что-то читали. Запомнилось только: «…здесь жили вдохновенья! Певец знавал любви живые упоенья…»

Двести лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова отмечает ныне Россия, Москва, которую он любил, как сын.

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою. И обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла… Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Традицию сыновней любви к Москве, к величавому Кремлю, надежду на славу Отечества продолжили наши великие современники — поэты и писатели, о чём ещё будет сказано.

Сейчас слышны слова нелюбви к Москве и даже порывы ненависти к москвичам. Конечно, в нашей современности легко не любить Москву. А вот Лермонтов в 1832 году признавался: «Москва — моя родина, и такою будет для меня всегда, там я *родился*, там много *страдал* и там же был слишком *счастлив*!»

«Москва — моя родина, и *такою будет для меня всегда»,* поэт любил Москву, как сын любит мать, и как русский — «сильно, пламенно и нежно!»

«Где ты, Россия, и где ты, Москва?» — вопрошает наш современник Юрий Кузнецов и с горечью отвечает: «Пала Россия и пала Москва. Дико уставила взоры антиРоссия и антиМосква…»

И если уж мы сами невзлюбим Москву, то какие же мы сыновья?

Сыновнее чувство любви к Москве, к России, не худо бы и нам всем — и русским, и не русским — теперь вспомнить, сберечь и передать нашим потомкам.

Историческая память живёт в народе. Для Лермонтова эта память воплотилась в народном подвиге против наполеоновского нашествия в 1812 году. В освободительной войне особенно ярко проявился характер русских солдат и русских крестьян (христиан).

Правое дело в поэзии Лермонтова — это православное дело, что с наибольшей полнотой можно увидеть в его поэме «Бородино».

Герцен писал: «Русский народ помнит лишь о 1812 годе и о Пугачёве». Эта память отразилась в народных песнях.

Соответствующий своему времени герой — это человек, в котором всегда жила *вера* в Бога как в сущность высшую, выше творящегося во зле времени. Такой герой подспудно, внутренне, придерживается этих высших ценностей.

Народ верующий, православный, действует у Лермонтова уже в «Поле Бородина» (1831). Народные песни о Суворове, о Кутузове и других полководцах, для которых героем войны всегда был солдат, Лермонтов знал. Он не просто поэтизирует героический характер, подвижничество, но говорит о солдатах и о полководце, не называя их имён: «Штыки вострили да шептали *молитву* родины своей... Безмолвно *мы* ряды сомкнули, Гром грянул, завизжали пули, *перекрестился я*». И вождь сказал перед полками: «Ребята, не Москва ль за нами? Умрёмте ж под Москвой, как наши братья умирали».

Ещё от «Валерика» перешёл в стихотворение весь ужас бесчеловечности войны: «Рука бойцов колоть устала, И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», но воины холодно глядели на кровавую реку. В «Поле Бородина» «живые с мёртвыми сравнялись», живой солдат «в душе сказав: «*помилуй, Боже*! На труп застывший, как на ложе... голову склонил».

Это набросок, который поэт пересмотрел и написал новую поэму «Бородино», но главное в черновике уже сказано: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умрёмте ж под Москвой!»

Москва выступает как самое дорогое для всех героев битвы.

Сейчас Москва утратила своё влияние на сознание народа как столица, как сердце России. А в стихотворении снова сказалась сыновняя любовь Лермонтова к Москве, а значит, и к Родине, к России, более того — к Руси Святой! Москва — это имя всё освятило, и проявилось величие духа русского солдата, поэтому «...всё громче Рымника, Полтавы гремит *Бородино*. Скорей обманет глас пророчий, Скорей небес погаснут очи, Чем в памяти сынов полночи Изгладится оно».

В заметке 1830 года Лермонтов писал: «...если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду её искать, как в русских песнях». И поэт создал песнь «Бородино» (1837), взяв за основу и переработав «Поле Бородина». Все солдаты бородинского сражения — из простого народа. Именно они и совершили подвиг, который «помнит вся Россия». Велика битва, велики потери и велика вера православная: «Когда на то не Божья воля, не отдали б Москвы!»

Божья воля свершилась для того, чтобы сохранить жизни этих *свободных* воинов-крестьян для будущего России. Лермонтов был уверен, что «у России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем». И в самом деле, крепостной крестьянин воспрянул духом, почувствовав себя свободным человеком. Его «Я» и «Мы» слились в защите родной земли: «Земля тряслась, как наши груди» — выражение того, как крестьянин-солдат сливается с землёй в бою, чисто крестьянское — христианское действие народа-богатыря. Как в сказках: приложил ухо к земле и услышал, что скачет конница, и набрался силы. От Бога данная, молитвенная вера в помощь родной земли воодушевила их.

Это понял и принял М.Ю. Лермонтов душой и сердцем.

Защитники Москвы, родины, народа гордятся, что «были люди в наше время, не то, что нынешнее племя, Богатыри не вы!». Отсюда и название романа Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени», и само понятие «*наше время*». Но в романе оно звучит иронично, герой этот лишний, не знает, к чему приложить свои силы.

В народном понимании былинный богатырь — это крестьянский сын, могучий, лихой, всегда победитель зла. Жаль, что поэт не успел написать задуманную им трилогию о богатырском племени. Зачатки её уже были в «Думе»: «Печально я гляжу на наше поколенье!». Его печаль по героическому богатырскому времени простирается через два столетия и сливается с нашей народной тоской уже в нашем времени.

Да, *Россия — это судьба!*
Неисповедимы пути Господни к земле божественного промысла.

Но вернёмся к «Бородино». Пока ликовал француз, предвкушая победу, русские солдаты занимались делом, готовились к бою. Снова услышав призыв: «Ребята! Не Москва ль за нами?», свято решили до конца стоять. Решимость постоять головою за родину свою превращает самые кровавые картины боя в человеческий, праведный героизм.

И сам поэт постоял головою за честь Пушкина, написав в день его дуэли стихотворение «На смерть поэта», которое в списках разошлось по всему Петербургу, Москве и России. Смерть поэта он воспринимал как смерть всего человеческого в человеке в пору безвременья: «И вы не смоете всей вашей *чёрной* кровью поэта *праведную* кровь». Праведность — вот назначение и стезя поэта, и воспринимается это как завещание Лермонтова. Правое дело — это православное дело, Бородино. Всё остальное — «блёстки и обман», писал Михаил Юрьевич, а следом за ним Юрий Кузнецов: «Остальные — обман и подделка».

Война 1812 года не только освободила дух русского крестьянина-солдата, но и преобразила его в героя, присягнувшего царю как помазаннику Божию, присягнувшего и Отечеству.

В стихотворении «Родина» встаёт народная сила, преображающая Россию.

Некрасовский «сеятель и хранитель» родной земли появляется уже в поэзии Лермонтова.

«Люблю Отчизну я, но странною любовью». В чём же «странность» его любви к Отчизне? Связь с землёй противопоставлена беспочвенности. Ни слава, ни покой, ни старины преданья не приносят отрады. Что же любит поэт? С отрадой, многим незнакомой? Он любит крестьянина (христианина), его труд: «Я вижу полное гумно, Избу, покрытую соломой, С резными ставнями окно». И это не умиление дворянина, это утверждение любви к родине, высокое патриотическое чувство к жизни русской, деревенской: «...люблю... дрожащие огни печальных деревень; Люблю дымок спалённой жнивы, В степи ночующий обоз И на холме средь жёлтой нивы Чету белеющих берёз». Мощный талант поэта-первооткрывателя дал развитие не только великому Толстому, Некрасову, но и у многих современных поэтов можно встретить лермонтовские деревни, нивы, берёзы и пляски «с топаньем и свистом, Под говор пьяных мужичков».

Удивительное явление — Лермонтов опережает наше время: он любит Родину, как Рубцов, с молитвой «Россия! Русь! Храни себя, храни!», как Передреев, с надеждой «Ещё не всё потеряно, мой друг», как Лапшин, живший в древнем городе Галиче, с верой в «державы вечную любовь».

Добролюбов признавал, что «Лермонтов любит свою родину истинно, свято и разумно».

И друзья Михаила Юрьевича уже говорили ему о народности «Бородино». В год гибели Пушкина Лермонтов сразу становится известным поэтом. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» его тоскующая, мятежная душа смиряется: «...И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога...».

В молитвенном предстоянии перед Матерью Божьей он просит не за себя, а «сердцу незлобному мир упования». После творческого взлёта и душа его изменилась, он понял, что сделал шаг к новой жизни, хотел уйти в отставку,

чтобы полностью отдаться поэзии. Поэт стал задумываться о русской истории, вспоминался ему голос матери, мучительно искал он свою песню. Слышалось ему: гусли играют, и гусляр поёт: «Ой ты, гой еси, царь Иван Васильевич!»

С этой строки и началась его «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Продолжается тема любви ко всему родному на Родине, к её истории, её обычаям и устоям. Кулачный бой купца Калашникова с Кирибеевичем не просто защита жены, семьи, чести мужа, а бой насмерть за самобытность русской жизни, за веру православную: «Уж как завтра будет кулачный бой За святую правду-матушку».

«А побьёт он меня, выходите вы», — обращается Степан Парамонович к своим младшим братьям. И они, как святые Борис и Глеб, в послушании старшему, отвечают: «*Ты нам старший брат, нам второй отец*»... А уж мы тебя, родного, не выдадим!»

Выходя на бой, Степан Парамонович по старому русскому обычаю «Поклонился сначала царю грозному, После белому Кремлю да святым церквам, а потом всему народу русскому».

Богатырская тема развернулась здесь во всю силу и рост: «Мы певали её под гуслярский звон, Православный народ ею тешился...»

Мы не знаем, что именно певала младенцу Лермонтову мать, но это была песня любви, а вся жизнь и творчество поэта и была песня.

Татьяна КАЙМАНОВА

КУПРИН О ГАЗЕТНОЙ ПЕХОТЕ, ИЛИ ПОЗВОЛЕНО ЛИ ЖУРНАЛИСТУ СТРАДАТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРУСОСТЬЮ

Купринские высказывания о профпригодности в журналистской сфере приобрели афористический характер. «Хороший журналист всегда лучше посредственного писателя»; «У репортера должны быть безумная отвага, смелость, широта взгляда и изумительная память»; «Не может быть хорошим беллетристом близорукий и глухой человек, страдающий к тому же хроническим насморком»; «Репортер должен быть здоровым, обладать хорошими нервами и любить свое дело» — вот одни из любимых афоризмов Куприна[1].

На протяжении 68-летней жизни Куприн активно участвовал в журналистике как политический публицист (фельетонист и памфлетист), литературный критик и рецензент, очеркист и автор блестящих статей о литературе и искусстве. А начинал как репортер, чья работа и составляет фундамент газетного дела. В 24 года Куприн пришел в журналистику, принялся с репортерских заметок, судебных хроник, фельетонов, путевых записок в киевских газетах. Писал молодой журналист много, следуя словам Эмиля Золя: «Ни одного дня без строчки».

Современники сразу подметили особый дар Куприна: «…он зрячий!», а это неотъемлемое качество журналиста! Но слепым, по словам К.И. Чуковского, уготовано место поближе к алтарю, а зрячим только на паперти.

Сама профессия журналиста, газетчика, по праву казалась Куприну увлекательной, важной и интересной. Он называл журналистов-репортеров «газетной пехотой», тружениками, но и «авгурами печатного слова»[2], т. е. жрецами, улавливающими божественные знаки и волю богов и толковавшими их, — людьми, посвященными в тайны. С редкой симпатией Куприн описывает профессию репортера и формулирует требования к его личности. Журналистика и газета вовсе не низшая ступень писательского мастерства, утверждал

Куприн, а один из способов познания жизни, столь необходимый писателю, и разница между беллетристом и репортером «чисто индивидуальная»: «Все они должны видеть всё, знать всё, уметь всё и писать обо всём. Только один делает это вяло, а другой с увлечением, один ограничивается своей деревушкой — своим уголком в газете, а другой хочет объять весь мир. Разница в слоге, в богатстве языка, в манере писать, разница в любовном отношении к объекту своего писания»[3].

Кто такой репортер? Куприн сразу разрушает предубеждение: репортер не «пожарный строчила либо происшественник»; «репортером нужно родиться... У репортера имеется шестое чувство — предвидения».[4] Зачастую чутьем репортер предвидит события ранее, чем они происходят.

Важное качество журналиста, по мнению Куприна, составляет умение добывать сведения: удел пронырливого репортера — сидеть под столом во время важных переговоров и слушать-слушать, проникнуть в закрытое общество под видом музыканта и наблюдать-наблюдать... При этом сам писатель признавался, что у него не было «интервьюерского наскока»[5]. Современник Куприна, тоже уроженец Пензенской губернии, журналист столичных «Биржевых ведомостей» Карпов в своих мемуарах «Болото Серебряного века» дал характеристику репортерам — «ловцам новостей», которые доставляли хронику: «Многие были малограмотны, не умели литературно излагать свои мысли, их статьи правил редактор. Они должны быть напористыми, не стесняющимися ничем, обладать особым репортерским нюхом. Чтобы проникнуть к какому-либо лицу — могли поухаживать за горничной, обещая жениться, выпить с лакеем...»[6] Фигура такого ловкого, развязного, бесцеремонного, беспринципного и циничного интервьюера, сотрудника бульварной прессы Бобкина, подписывающегося, естественно, пышным псевдонимом «Граф Бобини», запомнилась по сатирическому рассказу Куприна «Интервью». Все произведение и строится на том, как из разрозненных раздраженных реплик писателя Крапивина Бобкин «создает» запись «личной беседы», состоящей из отсебятины, глупости, газетных шаблонных фраз. С помощью сатирического гротеска Куприн заставляет нас представить себе читателей и регулярных подписчиков газеты «Сутки», ради которых и благодаря которым полосы этой газетенки и заполняются безграмотной писаниной всевозможных Бобкиных. «Репортеры врут, как зеленые лошади», — говорил Куприн о газетной брехне, от которой и ему доставалось по полной.

Сам Куприн считал важнейшим качеством работы достоверность материалов и советовал, чтобы «корреспонденты, прежде чем помещать какие-то заметки <...> проверяли их на месте»[7]. Он проявил себя въедливым в факты журналистом и был уверен: чтобы написать правдиво, надо самому испытать то, о чем пишешь, — отсюда его остросюжетные захватывающие очерки о полетах на воздушном шаре с С. Уточкиным и на аэроплане с И. Заикиным, едва не стоивших ему жизни. Работа научила его быть внимательным к фактам, и факт, обрастая великолепными подробностями, запоминающимися мелочами,

приобретал под его пером дополнительную глубину и емкость. Так приходило понимание словесного искусства как одного из труднейших при кажущейся легкости и доступности овладения им.

Куприн предполагал в журналисте образованность, хотя ему самому литературоведы (после небрежной заметки И. Бунина) отказывают в этом качестве. А ведь он имел крепкое систематическое образование, знания во многих отраслях. Если их не хватало — вникал в мельчайшие подробности, что подтверждает К.И. Чуковский: «Он не терпел никакого полузнайства, никакой дилетанщины». Образцом журналистского творчества служат его остающиеся неизвестными производственные очерки: «Новороссийский элеватор», «В огне», «В шахте», «Бактериологический институт: Антидифтерийная сыворотка», «В бактериологическом институте: Прививки против бешенства», «Рельсопрокатный завод» и др.

Из очерков становится ясно, как работал Куприн-журналист: совал нос всюду, чтобы самому понять и сделать понятным для читателя. В 1890-е гг. он создал несколько очерков о крупнейшем индустриальном центре Российской империи, который только что сформировался к этому времени в Екатеринославской губ. (ныне в Донецкой обл.). Наглядно и понятно воспроизводит 30-летний репортер весь последовательный процесс превращения сырья в готовый продукт, объясняя попутно производственные термины и увлекая читателя интересными подробностями, например об устройстве «бессемеровских конверторов, похожих по форме на грушу». Стальные машины и весь завод изображаются как живые организмы: кран — «послушное и ловкое животное»; сварочная печь кажется «гигантской огненной глоткой». Одним из лучших производственных очерков молодого писателя стал «Юзовский завод» (1896): образно описывает он плавку чугуна, который булькает и льется, как кипящее варенье; производство гаек и болтов, когда «огромные стальные челюсти отрывали куски раскаленных железных прутьев и выплевывали их в виде готовых гаек и болтов». Вместе с наблюдающим репортером и читатель ясно видит, как изготавливают рельсы, как горячая масса уступает давлению валов, «сжимается, как пряник, вытягивается и медленно пролезает сквозь отверстие станка», затем переходит в другой станок, у которого отверстие уже, чем у первого, и вот кусок стали «делается все длиннее, извиваясь при выходе из станков, точно огромный красный червяк»[8].

Описывая достаточно сложные и длительные процессы, Куприн во всех очерках постоянно думает о читателе, стараясь доходчиво и понятно объяснить специфику процесса. Вот он ведет читателя по территории Новороссийского элеватора, чтобы подробно показать, «как просто, остроумно и вместе с тем грандиозно работает элеватор», какие «многочисленные испытания» ждут зерно, прежде чем оно попадет в хранилище. При этом сам автор просто и остроумно объясняет работу «гуттаперчевой дорожки» (транспортера), огромных весов, зернохранилища и пр. Элементы производственного очерка широко

представлены в неизвестном очерке «Союзники», посвященном деятельности земского союза в годы Первой мировой войны. Автор описывает посещение завода, работающего на войну, ведет читателя по отдельным цехам и дает целостную картину предприятия с его звуками и запахами, создавая иллюзию и нашего присутствия. И вообразите, как 45-летний писатель, «всероссийская знаменитость», сам «излазил, ощупал, обнюхал» — проследил весь процесс выработки дубильных веществ от поступления сырья до получения продукции. Главная часть любого купринского очерка — это мысленное путешествие: автор ведет читателя по лабиринту цехов, комнат, коридоров и лестниц с целью подробного ознакомления. При этом предупреждает читателя: «нам придется карабкаться на высоту почти 200 ступеней, пролезать под широкими приводами и нередко купаться в удушающих облаках зерновой пыли»[9]. Куприн обязательно включает обзор производства с высоты птичьего полета, взбирается по винтовой лестнице на самый верх доменной печи, прибавляя при этом: «Да хранит аллах от такого путешествия людей, страдающих головокружением» — или поднимается на маленькую открытую площадку, находящуюся на девятом этаже здания элеватора.

Он проявляет мастерство в активизации читателя, который всегда с настойчивостью приглашается в спутники автора и в свидетели. Отсюда эта непрекращающаяся беседа с воображаемым, предполагаемым читателем, точно этот читатель где-то рядом с рассказчиком. Речь автора обращена к нему: «вы входите», «вы облегченно вздохнули» и т. д. При этом производственные очерки — вот диво! — необычайно лиричны, как, например, заключительная часть «Новороссийского элеватора» с описанием светло-голубой панорамы бухты, которой автор приглашает полюбоваться и дать отдых душе и глазам: «И эта страшная высь, и эта огромная панорама сообщают душе и телу ощущение такой легкости и такой свободы, что кажется, вот-вот ты почувствуешь за своей спиной пару сильных крыльев <...>»[10].

В производственных очерках проявились купринский ум, наблюдательность, феноменальная зрительная память, так потребные для репортера. Марк Алданов уже после смерти своего друга отметит его непревзойденные качества: «Отличительной чертой Куприна, кроме его большого таланта, был ум. Он был умен на редкость <...>. Хотя ум у него был не показной, не «блестящий» <...>. Память у него была громадная, а зрительная память совершенно феноменальная <...>»[11].

Журналистское слово он лепил вкусно, талантливо. Репортерский дар ярко раскрылся в статьях, посвященных спорту, в частности малоизвестном очерке «Победа духа» (1921), напечатанном в газете русской эмиграции «Общее дело» и не переизданном с тех давних пор. Куприн, сам не наблюдавший боксерского поединка, состоявшегося в Америке между французом Карпантье и американцем Дэмпси, создал в форме репортажа эффектную картину присутствия в зале в качестве болельщика: «Я мысленно следил за каждым движением бок-

серов. Попеременно то страх за Карпантье, то сожаление к нему овладевало моим сердцем. Вся моя душа была за него и с ним. Когда Дэмпси ударил его раз за разом, обеими руками в верх живота, мне казалось, что я сам вторично испытываю вместе с ним ужасную боль». Куприн использует любимый прием: проявляет авторское «я», вводит эпизод-воспоминание из детства: «Вспомните, господа мужчины, разве во времена вашей юности не доставляла вам резкого буйного наслаждения хорошая драка внутри тесного кольца беспристрастных товарищей? <… > может быть, вспомните, какую страшную боль причинял крепкий удар под ложечку, под середину груди? Я помню эту боль до сих пор, хотя прошло уже 35 лет с того дня, когда в переменку, после французского урока, два кадета шестого класса, Куприн и Козлов, публично оспаривали в умывальнике четвертое место среди сильнейших. Тогда я на практике понял смысл страшного выражения "позеленело в глазах"». Куприн уверенными мазками спортивного репортера мастерски создает картину на ринге: «Медленно текут девять секунд. Карпантье пробует встать, но не может. Демпси, в трех шагах, пригнулся, весь собрался для нового прыжка, нового удара. Падает последняя упорная минута. Карпантье неподвижен и бессилен. Какая острая, жгучая жалость! <…> Окровавленное лицо Карпантье освещается слабой улыбкой. Он находит в себе героическую силу протянуть руку победителю… Губы его с трудом выговаривают великодушные слова: «Утешением мне служит, что я побежден самым сильным человеком». Так вот ради какой великой журналистской цели Куприн пишет этот репортаж — показать читателю, как «сила духа торжествовала над телом»! Ведь среди этических императивов в журналистике всегда главенствует выбор духовных ценностей с опорой на совесть и нравственные чувства.

Лишь узкому кругу специалистов знаком Куприн — литературный критик, автор многочисленных рецензий, превосходно знавший не только классиков, но и новинки современной отечественной и зарубежной литературы. Его первые критические опыты появились в киевской печати конца 1890-х гг., затем в столичной периодике начала XX века («Современный мир», «Журнал журналов» и др.), а последние высказывания о литературе и искусстве были опубликованы уже в 1930-е гг., незадолго до смерти. Жанру литературной критики принадлежит более 100 текстов Куприна. Он автор множества затерянных в периодике критических статей, литературных портретов и очерков о творчестве А. Дюма (первый очерк в русской литературе!), Г. Сенкевича, А. Рошфора, А. Аверченко, Н. Гумилева, П. Пильского, М. Осоргина и др. Куприн проявил себя умным, внимательным читателем и доброжелательным, тонким критиком. Легко и свободно писал о проказливом юморе Ивана Руденкова, писателя и артиста, создателя эстрадного жанра устного рассказа; о романе атамана П.Н. Краснова «От двуглавого орла до красного знамени» и романе Д.С. Мережковского «Иисус неизвестный».

Статьи и очерки об искусстве, театре, артистах открывают широкий круг общения писателя, мир его интересов. Тонким наблюдателем, интуитивно

«Охота журналистов на Куприна». Шарж В. Арнольда (журнал «Скетинг-ринк» №1 за 1910 г.).

чувствующим ценителем выступает Куприн в статьях «Кармен», «Ревнив ли Отелло?», «Семья Кедровых», «Комедия дель Арте» и др., которые опровергают живучую легенду о Куприне как о писателе с ограниченным кругозором.

Эта сторона творчества характеризует Куприна не только как разностороннего журналиста, но и как требовательного, твердо и откровенно заявлявшего о недостатках, при этом всегда тактичного. Куприн не раз поднимал вопрос о литературной этике и никогда не принимал позицию тех журналистов — критиков и рецензентов, которые больше интересуются частной жизнью писателя, чем его произведением: «Они обыкновенно распространяются насчет вкусов писателя, какие он носит брюки и т. д.» Еще одна стержневая позиция Куприна: критика не должна быть оскорбительной. Он не был сторонником оскорбительно-грубых высказываний журналистов, однобоких и безапелляционных оценок и ярлыков: «Не понимаю манеры... когда газетные «полемисты» обзывают друг друга вонючими клопами, шушерой, гнилыми персиками и просто сволочью»[12]. Его раздражала шаблонность, кумовство, «непонятное словоблудие и полная развязность»[13], возмущали те журналисты и беллетристы, которые писали неряшливо, небрежно, калечили русский литературный язык.

Другой аспект, который волновал Куприна, — это моральная неподкупность журналиста-критика. Как приверженец классических традиций, наблюдая общую разнузданность литературных нравов, писатель осуждал «кумовство» в критике: «Партийность, кружковщина доходят до нестерпимой узости — слепая ненависть к “несвоим”»[14]. Проблему моральной ответственности литератора Куприн поднимает в статье «Заокеанская знаменитость» (1926), выступая против коммерческой саморекламы писателя («эгоистического свинства») и напоминая о русской литературной этике, которая всегда «отличалась внутренней строгостью»: «Предполагалось, что критик в своей моральной неподкупности пишет для своей публики, а отнюдь не для того, чтобы сделать удовольствие писателю, что отзывалось бы кумовством»[15]. Вслед за

Куприным хочется повторить, что этот наивный принцип значительно ослабел после смерти Чехова, Толстого, Куприна.

Важнейшим принципом журналистики Куприн называет социальную ответственность журналиста и средств массовой информации, постоянно в публицистике размышляет о профессиональной этике. Русских репортеров нередко уничижительно именовали «бутербродниками»[16] — т. е. подкормленными, подкупленными, поэтому Куприна так интересует вопрос о независимости репортеров в избирательную кампанию, о чем он и пишет в очерке «Лазурные берега». Как человек, живущий в обществе, писатель понимает: «Газета обладает страшной движущей силой. Она может все. <…> Ах, печать — обоюдоострое оружие! Она несет с собою свет, знание, гласность, справедливость, но она же, подобно базарной торговке, усердно разносит по всему миру грязь, сплетню, каверзу, клевету, раздувая горчичное семя до размера цеппелина»[17].

Стиль зрелого журналиста продемонстрировал Куприн в годы Первой мировой войны (1914 — 1917). К сожалению, читателю практически неизвестна его публицистика дней Февральской революции, когда писатель редактирует газету «Свободная Россия» и ведет фельетон «Пестрая книга» (автор настоящей статьи надеется на выход уже подготовленной книги: Куприн А.И. Пестрая книга — неизвестные и забытые произведения. Сост. Т. Кайманова). В дни Октябрьской революции болезненно важным для Куприна стал вопрос о свободе печати. Независимое слово подвергается гонениям, но Куприн с удовлетворением отмечает, что журналисты не спешат на поклон к новой власти. Поэтому на свободных писателей и журналистов навешивается ярлык — «писаки»: «…В озлоблении на то, что мы, честные журналисты, люди с негнущейся спиною и горячей любовью к родине, осмелились, пользуясь республиканской свободой слова, робко критиковать действия наркомов, нархозов, совдепов, румчеродов, красармов; что мы, вопреки ласковым увещаниям, не стремились в земной социальный рай, куда неучи гонят Россию прикладом, пулеметом, голодом и словоблудием; что мы сомневаемся в возможности существования двух правосудий; что мы, наконец, в своей детской наивности, называем вещи и явления своими именами: кровь — кровью, воровство — воровством, холуйство — холуйством, невежество — невежеством»[18]. К «писакам» Куприн с гордостью причислял и себя.

Он никогда не страдал интеллектуальной трусостью. В 1917 — 1918 гг. Куприным написано множество фельетонов о власти, необоснованном терроре, в которых без опаски, во всеуслышание, заявляет о том, что власть пришедших большевиков бессмысленно жестокая и жестокий террор вовсе не является издержкой борьбы, но принципом государственного управления, что власть опирается на самые разрушительные, а подчас и преступные части общества. «Государственная власть должна быть честной, но мы видим слишком часто ее представителей опозоренными и заклейменными. Власть должна быть и

опрятна. <…> Власть никогда не должна марать себя невольным сотрудничеством с убийцами, случайным попустительством насилию, неосмотрительным укрывательством преступников».[19] Это была позиция смелого, отчасти безрассудно дерзкого, но непредвзятого человека и журналиста, говорившего нелицеприятную правду (при этом признававшегося: «Я человек храбрости средней…»[20]).

Он не принадлежал ни к какой партии, но не был и аполитичным, а был порядочным честным журналистом, сознающим свою ответственность перед обществом, и в этом соглашался с А.П. Чеховым, что писатель — человек ответственный, обязанный, «законтрактованный» сознанием своего долга и совестью. Его отличала независимость суждений, и он не боялся выступать против авантюристов в политике, экономике и революциях, поэтому нет оснований говорить о политическом простодушии, расплывчатости или противоречивости взглядов Куприна-журналиста. В фельетоне «Великий князь Михаил Александрович» (за публикацию которого Куприн был арестован) автор, как честный журналист, не последовал призыву новых властей в отношении «бывших»: ату его! Он лишь настаивал, что принадлежность к тому или иному классу или фамилии не должна быть критерием оценки качеств человека и тем более решать его жизнь и смерть. Призыв к уважению достоинства каждой человеческой личности был в условиях тех лет немаловажен.

Дни своего вынужденного заключения он зафиксировал в статье «Сенсация», где особо поднимает насущный вопрос в сфере журналистики об этичности погони за сенсацией, особенно если она может не только доставить человеку неприятности, но и привести на эшафот. (Согласитесь, что сегодня словечко «сенсация» стало чуть ли не замещающим всё понятие журналистики, затмившим аналитическую, критическую и др. журналистику.) Репортеры, смакуя детали и выдвигая версии причин купринского ареста, невольно давали революционному трибуналу все новые и новые поводы для допроса. В статье Куприн высказывает свои мысли о профессии репортера и о ее специфике: «Репортер бухнул неосмотрительно и без злого умысла. Но кто же не поймет того, что при иных условиях и при более придирчивом режиме эти заметки могли бы повлечь за собою для обоих заключенных кое-какие неприятные последствия. Повторяю, у меня нет зла на моих газетных товарищей. Я всегда любил в хроникерской заметке живость и обстоятельность. Но погоня за сенсацией, за значительным фактом, за свежей новостью заставляет нередко газетных работников предугадывать события, ярко, но неверно их раскрашивать, раздувать мелкие случаи или даже невинно их придумывать. Хорошо, что мы с Муйжелем[21] поплатились за газетную сенсацию сравнительно немного. Но надо же сказать правду! Иногда такое неосмотрительное раздраконивание происшествий, особенно если участники их осуждены на невольное молчание, может привести к результатам невыгодным для них и отяжеляющим их и без того невеселое положение».[22]

Опытный журналист Куприн был причастен к работе первой «Школы журнализма», которая в 1918 г. в Петрограде была организована Пролеткультом и давним другом Петром Пильским, блестящим метеором российской журналистики. По воскресеньям лекции для красных газетчиков читали известные профессора и литераторы-журналисты. Из программы, напечатанной в газете «Вечернее слово» от 12 и 19 апреля 1918 г., известно, что 14 апреля Куприн выступил с лекцией «О репортере и газете». Бывалый газетчик говорил о репортерском искусстве, снова и снова формулируя неписаные законы профессиональной этики, по которой «репортер жизни» не должен быть глухим, равнодушным: «Для того чтобы взволновать и умилить читателя, надо самому над чем-нибудь взволноваться и умилиться». Молодых писателей учил отдавать себя полностью писательскому делу, и 10-я заповедь из его кодекса о приемах мастерства гласила: «Работай, живя. Иди в похоронное бюро, поступи факельщиком, переживи с рыбаками шторм на оторвавшейся льдине, суйся решительно всюду, броди, побывай рыбой, женщиной, роди, если можешь, влезь в самую гущу жизни. Забудь на время себя. Брось квартиру... все брось на любимое писательское дело. Оттого-то все настоящие писатели — чудаки и беспокойный народ»[23]. Еще один завет был уже сформулирован в рассказе «Искушение»: «Чтобы другого человека рассмотреть и понять, нужно первым долгом уметь совершенно забыть о собственной персоне: о том, какое пленительное впечатление произвожу я на окружающих и сколь я великолепен на лоне природы. А это мало кто умеет, уверяю вас»[24].

У этого великого литератора были свои кумиры в журналистике. Идеальным журналистом-репортером Александр Иванович считал путешественника Стэнли, высоким профессионализмом которого не переставал восхищаться. Непревзойденным королем литературного памфлета, «полубогом Парижа», называл французского фельетониста Анри Рошфора, анализу стилистических особенностей в творчестве которого посвятил очерк «Анри Рошфор» (1914). Тайну обаяния и власти фельетониста он видит в остроумии, языке, в «презрительной манере третировать своих врагов вежливыми словами». У Рошфора, по образному выражению, «не стиль, а стилет»: «Язык сжат, энергичен, стремителен, ядовит». Следует отметить, что Куприн выбирает себе кумира, который соответствует ему самому по душевному настрою и страсти, литератора, который не был равнодушным и «перо макал не в чернила, а в кровь и желчь».[25]

Прекрасные очерки создал Куприн о русских репортерах-профессионалах: В. Гиляровском, В. Дорошевиче, Вас. Немировиче-Данченко — мастерах, способных быть мобильными, находчивыми, остроумными, отважными, умевших анализировать психологические мотивы поведения людей. Особняком стоят две статьи «Вас. Ив. Немирович-Данченко. Военный корреспондент» и «Добрый чародей», обе посвященные 80-летию журналиста-корифея Василия Ивановича Немировича-Данченко, приходившегося братом известному теат-

ральному деятелю. Куприн ценил в этом литературном старейшине (а Василий Иванович написал около 250 книг!) качества настоящего журналиста, который своими газетными статьями «ни в ком не посеял зла, никому не привил извращенной мысли, никого не толкнул на дорогу уныния и зависти».[26] Для младшего коллеги он был и образцом военного корреспондента, которого отличала страсть к приключениям, физическая выносливость, храбрость.

О широком круге знакомств Куприна в мире российской журналистики свидетельствует его эпистолярное наследие. Переписка с известными журналистами-современниками Е. Ляцким, А. Измайловым, Н. Тихоновым, А. Амфитеатровым и др. дает дополнительный материал для понимания специфики его работы как журналиста, проблемах в этой сфере деятельности.

Мир репортеров, газетчиков, столичных и провинциальных корреспондентов нашел отражение в художественной прозе Куприна. Трудно представить себе область, более детально и обстоятельно знакомую писателю, и он реалистически точно, достоверно и без идеализации изображает эту среду в таких рассказах, как «Локон», «Кляча», «С улицы», «Травка»; анализирует социальные корни существования продажной и невежественной прессы. В рассказе «По заказу» его интересует тип талантливого журналиста, продавшего свое перо и растратившего свой талант. Куприн блестяще пародирует легкопись присяжных фельетонистов официальной печати, обнаруживая их зависимость как от издателя, так и от читателя-мещанина. И автору немного жаль Илью Платоновича Арефьева, «старого газетного волка», выступающего в «распространенной» газете «Русская почта» под псевдонимом «Граф Альмавива». Из этого одаренного человека выработался постепенно холодный фельетонист-ремесленник, готовый обличать что угодно и когда угодно. Когда он садится за стол, то не задумывается, шаблоны и трафареты давно выработаны, сами собой слова приходили к нему, «выливаясь без единой помарки четкими красивыми строчками на бумагу». И самого Куприна страшит такая хлесткая газетная скоропись, дань которой нередко вынуждены отдавать репортеры. В «Штабс-капитане Рыбникове», рекомендуя читателю одного из главных персонажей, журналиста Щавинского, он специально останавливается на том, что его «воскресные фельетоны, блестящие и забавные, но не глубокие, имели значительный успех в публике». И это понятно — Куприн знал детально и по личному опыту не только газетную кухню провинциальной и столичной прессы, но и читателей этих газет, подчас пресыщенных и недалеких обывателей, пожирателей светских сплетен и сенсаций. Кроме того, он различал в дореволюционной прессе России продажную редакционно-издательскую верхушку и честного журналиста-труженика, вынужденного тянуть лямку газетной поденщины. Щавинский не случайно вобрал многие автобиографические черты. Словно о себе пишет Куприн: «Ему доставляло странное, очень смутное для него самого наслаждение проникнуть в тайные, недопускаемые комнаты человеческой души, увидеть скрытые, иногда мелочные, иногда позорные, чаще

смешные, чем трогательные, пружины внешних действий, — так сказать, подержать в руках живое, горячее человеческое сердце и ощутить его биение»[27]. И еще одним качеством, каким обладал сам, наделяет автор своего героя-коллегу: «Внутренний психологический интерес значительно превосходил в нем те выгоды, которые он потом приобретал в качестве бытописателя».

Неизбывная связь Куприна с журналистикой выразилась в редакторской работе, в попытке организовать газету или журнал. Мы очень мало вспоминаем о Куприне-редакторе, а это целый пласт его жизни и творчества. В дореволюционной журналистике 30-летний Куприн, уже получивший известность как автор «Молоха», состоял редактором отдела беллетристики сначала в «Журнале для всех», затем в крупном популярном журнале «Мир Божий». Вычитывал присланные рукописи, правил, отвечал авторам, указывая на недочеты и стараясь найти деликатные обоснования или слова поддержки, как было в случае с молодым дарованием — Федором Гладковым, нашим земляком, будущим лауреатом Государственной премии.

В непростые дни Февральской революции 1917 г. Куприн принял на себя (совместно с П.М. Пильским) редакторство газеты «Свободная Россия». Он не принадлежал к какой-либо партии, но предпочтение отдавал центристским партиям. Программа газеты «Свободная Россия» в своих основных положениях (о крестьянском вопросе, армии, войне, культуре, специфике политической борьбы) вполне укладывалась в рамки программных положений партии народных социалистов (энесов), которая, можно предположить, импонировала писателю, соответствовала его общественно-политической позиции, что и отразилось в его публицистике.

Письмо издателя А. Эрьянова с условиями договора дает возможность познакомиться с обстоятельствами работы в журналистике того периода: «Подтверждая наши переговоры, настоящим предлагаю Вам занять в моей газете пост редактора на следующих условиях: 1. Годовое жалованье 15.000 руб. или 1250 руб. в месяц. 2. В счет этого жалованья Вы имеете сдавать нам в течение месяца не менее 1000 строк материала, как статьями, так и заметками. 3. Излишек строк оплачивается по 60 коп. за строку. 4. Очерки с пути, корреспонденции, письма с мест оплачиваются по 1 руб. 50 коп. за строку. При подписании сего Вы имеете получить аванс в размере 2500 рублей, каковой аванс погашается ежемесячно по 250 руб. В случае командировок Вы получаете помимо жалованья и построчных по 50 руб. суточных»[28].

Куприн активно принялся за редакторскую работу, в частности по привлечению новых сотрудников и созданию корреспондентской сети. Своему давнему знакомому С.А. Гарину (Гарфильду) в письме от 18 мая 1917 г. сообщал: «Я вошел редактором (вместе с П. Пильским) в газету «Свободная Россия». Направление — народно-с-эровское, правого эволюционного толка. Не хочешь ли стать нашим сотрудником, в частности корреспондентом из Финляндии, где ты в курсе всех политических и злободневных дел <...>».[29] Интенсивная жур-

А.И. Куприн за правкой корректуры в редакции журнала «Иллюстрированная Россия» («Иллюстрированная Россия» №4 за 1926 г.).

налистская и редакторская работа Куприна протекала в самый сложный период жизни страны — с мая по июль 1917 г. В «Свободной России», помимо многочисленных статей и фельетонов, им были опубликованы редакторские обращения: Куприн А., Пильский П. К читателям (1917. № 7); Куприн А. Необходимая оговорка. Письмо в редакцию (1917. № 15). В «Необходимой оговорке» Куприн счел необходимым уточнить свое мнение: «Вполне соглашаясь с напечатанной вчера «Нашей программой» и сам приняв участие в ее обсуждении, я хотел бы в этих строках подчеркнуть лишь одно место, мне лично кажущееся особенно нужным. В программе я хотел бы видеть более определенно выраженным отношение газеты к войне и формулировал бы его словами Наполеона: «Самая лучшая система обороны — это наступление». А. Куприн».

«Законтрактованный» совестью, сознающий в силу своей известности ответственность перед обществом, Куприн служил России журналистским пером. Правым и левым, красным и белым, для пользы страны он мог предложить только то, что умел — делать газету. В 1918 г. предложил В.И. Ленину проект издания беспартийной газеты «Земля», которую готов был возглавить, но не нашел поддержки. В 1919 г. принял редакторство ежедневной военной и литературно-политической газеты «Приневский край» и за сутки (!) вместе с руководителем газеты генералом П.Н. Красновым сделал для Северо-Западной армии Н.Н. Юденича газету. В газете освещались не только события в Петербургской губ., Прибалтике, на Псковщине, но и публиковались статьи, посвященные событиям на других фронтах Гражданской войны, а также в Европе и Америке, общеполитические статьи, исторические и философские работы.

Газета была интересна широкому кругу читателей. О своем участии в газете Куприн подробно рассказал в повести «Купол святого Исаакия Далматского» (гл. 12 «Газета», гл. 13 «Красные уши»). Этот период журналистской работы нашел отражение в статье «Три года».

В эмиграции, в Париже, взялся редактировать еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал русской эмиграции «Отечество» у издателя Н.Н. Набиркина, и многие, не доверявшие издателю, откликнулись на имя редактора. В первом же номере «Отечества» редактор определил идейное направление журнала, выразив свою позицию: «Дав нашему журналу название «Отечество», мы тем самым определили его беспартийный характер. Все для израненной России, все для спасения, освобождения, оздоровления, все для блага нашей несчастной Родины.

Для нас не существует ни наций, ни религии или партийных перегородок. Каждый великодушный поступок, каждое страстное слово, направленное к нашей единой цели, встретят в журнале горячий отклик, внимание и место.

У нас лишь один враг — враг общий с отечеством — большевизм. Борьба с ним не есть война, а истребление. Человек может быть по убежденьям врагом всякого кровопролития, вплоть до того, что дает дорогу жучку, чтобы не раздавить его. Но если ко мне забежит во двор разъяренный бык, то никто, даже моя совесть, не осудит меня, если я пристрелю его. Долг соседей помочь мне в этом. Не будут же они, в момент всеобщей опасности, вспоминать о старых ссорах <...>». По замыслу Куприна-редактора центральное место в журнале должны были занять статьи, фотографии и рисунки, «показывающие не только жизнь невольных эмигрантов и несчастных беженцев за границей, но и быт советской России». «Большое место мы дадим также чисто художественным произведениям наших лучших писателей, статьям по всем отраслям искусства и иллюстрациям к ним; мы твердо верим, что русское искусство — один из прочнейших залогов жизнеспособности нашего отечества».[30] Для осуществления этих грандиозных задач Куприн через газету «Общее дело» обратился к потенциальным читателям с просьбой прислать в редакцию журнала «Отечество» материалы — «портреты, любительские снимки, документы, относящиеся к жизни русских в эмиграции и в Советской России» и «портреты известных военачальников добровольческих армий <...> если только это не послужит ко вреду их близких».[31] От имени редакции он обещает «сохранность и аккуратный возврат материала, за который при желании будет заплачено». Куприн привлек к сотрудничеству с журналом И. Бунина, К. Бальмонта, Г. Гребенщикова, Н. Тэффи, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Е. Чирикова и др. Журнал анонсировался как еженедельный, но из-за недостатка средств выходил редко, задерживал выплату гонораров авторам, и Чириков, живший в то время в Болгарии и не имевший литературного заработка, в «сердитых» письмах к Куприну от 24 и 25 июня 1921 г. выразил справедливое недовольство, что «приходится ещё выклянчивать даже не аванс,

а свой заработанный гонорар!»[32] После выпуска четырех номеров совестливый Куприн в июле 1921 г. сложил с себя полномочия редактора из-за невозможности выполнять финансовые обязательства перед авторами, при этом посчитал необходимым опубликовать в газете «Общее дело» (1921. № 350. 10 июля) краткое письмо, в котором сообщил о выходе четвертого номера журнала «Отечество» и обязательствах перед авторами: «После него я больше этого журнала не редактирую. Это не мешает мне желать журналу дальнейшего успеха, и не только потому, что он идейно начат мною, но и потому, что такой журнал жизнеспособен. Издатель обещал мне в 2-недельный срок произвести уплату по рукописям напечатанным и возврат или соглашение по прочим рукописям».[33] Большинство сотрудников, пришедшие на его «имя», также покинули «Отечество».

К Куприну как профессионалу обращались за помощью не раз. Под его редакцией в 1926 — 1927 гг. выходила однодневная газета «День русской культуры». В 1927 г. Куприн становится одним из редакторов однодневной газеты «Галлиполиец», которую издавали участники «Галлиполийского пленения», офицеры Русской армии П.Н. Врангеля, пережившие эвакуацию из Крыма и пребывание в военных лагерях в окрестностях города Галлиполи, в 200 км от Константинополя. Офицеры и солдаты, которых называли галлиполийцами, в условиях голода и лишений сохранили дисциплину, стойкость и боеспособность. Куприн во многих статьях периода эмиграции оценивал «Галлиполийское сидение» как трагическую и славную страницу русской армии, которая не разложилась, но «окрепла, явила силу русского духа».[34] Быть редактором газеты «Галлиполиец» он считал особой честью.

Его принципы журналистской и редакторской работы были использованы при организации одного из лучших журналов русской эмиграции «Иллюстрированная Россия», который называли зарубежным «Огоньком». В этом еженедельном литературном иллюстрированном журнале, выходившем в Париже с 1924 по 1939 г., Куприну посчастливилось не только печататься, но и в 1931 — 1932 гг. принять пост редактора на время болезни М.П. Миронова. Куприну импонировал внепартийный курс редакции — «служить нуждам всей эмиграции, освещая ее жизнь и быт, откликаясь на ее радости и скорби».[35] Журнал не забыл своего журналиста и редактора — Куприну был посвящен посмертный номер «Иллюстрированной России», вышедший 10 сентября 1938 г., сразу же после известия о его смерти в советской России. Среди воспоминаний друзей был напечатан некролог под названием «Наш редактор Куприн».

В течение творческой жизни Куприн сотрудничал во многих периодических изданиях («Киевское слово», «Журнал журналов», «Мир Божий», «Огонек», «Сатирикон», «Свободная Россия», «Молва», «Новая русская жизнь», «Общее дело», «Возрождение», «Отечество», «Иллюстрированная Россия», «Театр и жизнь» и др.) в качестве репортера или редактора, писателя или фельетонис-

та, в разных жанровых формах — все это характеризует Куприна как разностороннего журналиста.

Куприн всегда признавал в газетной работе положительную сторону. Как писатель он вырос из репортера провинциальных газет и считал репортаж хорошей и важной школой для литератора. «Работа репортера драгоценна», — уверял знаменитый писатель, прошедший эту школу. Ему самому газета помогла выработать противоядие от безвкусицы, трафарета и банальности, приучила к лаконичному, простому и четкому ритму строки.

И видел он предназначение писателя и журналиста высокое: да не будет слово праздно…

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Куприн А.И. Лирика. Эпиграммы. Афоризмы. Сост. Т. Кайманова — Пенза, 2010, с. 90.
[2] Куприн А.И. Полное собр. соч. в 10 т. — М.: Воскресенье, 2007. т. 3, с 338.
[3] Вечернее слово. 1918. 15 апреля. № 20.
[4] Там же.
[5] В бактериологическом институте. / Киевлянин. 1900, 6 сентября, № 247.
[6] РГАЛИ. Ф. 2114. оп. 2. д. 2.
[7] В бактериологическом институте. / Киевлянин. 1900, 6 сентября, № 247.
[8] Куприн А.И. ПСС, т. 2, с. 469.
[9] Новороссийский элеватор. / Киевлянин. 1900. № 342.
[10] Там же.
[11] Алданов М.А. Памяти А.И. Куприна. / Современные записки. — 1938. — № 67.
[12] Куприн А.И. ПСС. т. 11, с. 288.
[13] Там же. Т. 9, с. 133.
[14] Там же. Т. 11, с. 287.
[15] Там же. Т. 10, с. 224.
[16] Там же. Т. 5, с. 376.
[17] Там же. Т. 9, с.76.
[18] Писаки. / Молва. 1918. № 5.
[19] Все качества. / Петроградское эхо. 1918. № 68.
[20] Шестое чувство. / Куприн А.И. Жанета. — Париж, 1934.
[21] Муйжель Виктор Васильевич (1880 — 1924) — в 1918 г. редактор газеты «Молва».
[22] Сенсация. / Эра. 1918. № 5.
[23] Куприн А.И. ПСС, т. 3, с. 463 — 464.
[24] Куприн А.И. ПСС, т. 4, с. 372.
[25] Куприн А.И. ПСС, т. 8, с. 479, 480.
[26] Куприн А.И. ПСС, т. 10, с. 105 — 107.
[27] Куприн А.И. ПСС, т. 3, с. 59.
[28] ИРЛИ. Р. 1. Оп. 12. Ед. хр. 173.
[29] РГАЛИ. Ф. 146. Оп. 1. Ед. хр. 104.
[30] От редакции. / Отечество. — 1921. — № 1.
[31] Общее дело. — 1921. — № 217. — 17 февраля.
[32] РГАЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 73.
[33] Общее дело. — 1921. — № 350. — 10 июля.
[34] Паспарту. / Слово. — 1991. — № 3.
[35] Иллюстрированная Россия. — 1927. — 15.

Валерий СУХОВ

А.И. КУПРИН И С.А. ЕСЕНИН

Творческие параллели и полемический диалог

Интерес к творчеству А.И. Куприна проявился у С.А. Есенина еще в юношеские годы. Об этом сохранилось свидетельство его друга Николая Сардановского, который вспоминал: «Любили мы в то время читать произведения писателя А.И. Куприна. Дедушка выписывал журнал «Нива», а к этому журналу приложением было Полное собрание сочинений А.И. Куприна. Сергей обратил мое внимание на следующие строки в рассказе «Суламифь»: «И любил Соломон умную речь, потому что драгоценному алмазу в золотой чаше надобно хорошо сказанное слово». Сам Есенин, как видно, очень пристально следил за разговорной речью окружающих...»[1]. В 1918 году Есенин создает трактат «Ключи Марии», в котором упоминает героев рассказа А.И. Куприна: «Соломон, глядя в лицо своей красивой Суламифи, прекрасно восклицает, что зубы ее «как стадо остриженных коз, бегущих с гор Галаада»[2]. Характеризуя «ангелический образ», Есенин ссылается на библейскую метафору, которая встречается и в «Суламифи» у Куприна.

В марте 1915 года С. Есенин едет из Москвы в Петроград, где знакомится с литераторами, которых хорошо знал и А.И. Куприн. Среди них были писатели А.М. Горький, А.Н. Толстой, А.М. Ремизов, поэты А.А. Блок, С.М. Городецкий, В.Ф. Ходасевич, художник Ю.П. Анненков. Друг Есенина М.П. Мурашев в сентябре 1916 года получает от Есенина письмо, в котором поэт писал: «Кланяйся твоим портретам, граммофону и музыкальным моментам» (Т. 6. С. 85). В комментариях к ПСС С.А. Есенина можно найти такое пояснение: «Адресат так прокомментировал эти слова: «В кабинете у меня были портреты Блока, Куприна с их автографами... Им-то и кланяется Есенин» (Т. 6. С. 400). «Ратник второго разряда» С. Есенин был назначен в начале 1916 года санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд. Здесь он встретил своего земляка-рязанца

Д.Д. Миронова, который закончил Гатчинскую военно-авиационную школу и после аварии лечился в госпитале в Царском Селе. Увидев, что Есенин увлеченно читал рассказы А.И. Куприна, Д.Д. Миронов предложил ему встретиться с любимым писателем, с которым был хорошо знаком. Д.Д. Миронов вспоминал, как «глаза Есенина вспыхнули от восторга. Однако, немного подумав, он ответил с глубокой грустью: «Данил, а ведь это очень неловко»[3]. К сожалению, эта встреча так и не состоялась. Можно предположить, что особый интерес Есенина к купринскому творчеству в то время был вызван тем, что в 1915 году он закончил повесть «Яр», главная героиня которой Лампиада во многом напоминала Олесю из одноименной повести Куприна. Сергей Есенин обратился к теме трагического столкновения «дитя природы» с носителями нового русского мышления и городской культуры, опираясь на традиции, заложенные в купринской «Олесе». Лампиада Есенина и Олеся Куприна — «лесные русалки», образы, близкие по духу и характеру. Как в повести Куприна, у Есенина конфликт вызван тем, что Лампиада не может покинуть мир дикой природы, а ее возлюбленный Карев не хочет в нем оставаться. Куприн и Есенин опирались на один фольклорный сюжет, построенный на истории любви лесной русалки и молодого охотника, которые обречены на расставание. В повести «Яр» отражена трагедия крестьянской России — жертвы урбанизированного XX века, которая предвосхищает пережитую самим С. Есениным духовную трагедию. Можно отметить сходство в названиях повести Есенина «Яр» и повести Куприна «Лесная глушь». Как отметила О.Е. Воронова, «исходя из есенинского описания яра как леса, бора, в заглавии повести можно заметить продолжение литературной традиции «лесных названий» — с опорой на прозаические произведения: «В лесах» П.И. Мельникова (Андрея Печерского), «Лес шумит» В.Г. Короленко, «Лесная глушь» А.И. Куприна, «Лесная топь» С.Н. Сергеева-Ценского»[4].

С.А. Есенин

С.А. Есенина — как представителя новокрестьянского направления в литературе — сближал с А.И. Куприным особый интерес к крестьянскому вопросу. В 1918 году Куприн составляет план «беспартийной газеты» «Земля»,

А.И. Куприн

которая была призвана заниматься вопросами агрономии, селекции, «новейших технологий» землепользования и скотоводства, проблемами сельской школы и медицины, дорожного строительства, просвещением крестьянства. В.И. Ленин принял Куприна и ознакомился с проектом газеты. Трудно сказать, что произошло бы с писателем, если бы после того, как Ленин одобрил эту идею, она воплотилась на практике. Возможно, судьба Куприна сложилась бы по-другому. Но, скорее всего, его решение эмигрировать из России бы не изменилось. Как известно, резкое неприятие политики, проводимой советской властью, определило решение Куприна покинуть Россию в 1919 году. Именно в этот период наиболее ощутимо проявляется и «крестьянский уклон» Есенина в отношении революции. Разочарованность Есенина ее результатами нашла отражение в его имажинистском творчестве. Есенин признавался в 1920 году: «История переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал…» (Т. 6. С. 116).

В эмиграции А.И. Куприн внимательно следил за тем, что происходило в России. Его возмущал разгул безбожия, который стал следствием Октябрьского переворота и атеистической пропаганды, проводимой большевиками. В статье «Христоборцы» (1920) Куприн выразил свое возмущение тем, что в Советской России «нынешние демагоги усердно вырывают Бога из народного русского сердца»[5]. Упоминая поэтов-богоборцев В. Князева и В. Маяковского, писатель цитировал строки из стихотворения «Твердь, твердь за вихры зыбим» (1919) поэта-имажиниста, близкого друга Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа с таким резким осуждением: «Другие виршеплеты в хромых, дергающихся, эпилептических стихах издеваются над телом Христовым, над фигурой Распятого, над Его муками и над невинной Его кровью. — И кровь, кровь твою // Выплескиваем из рукомойника…» [Т. 9. С. 208]. Куприн подчеркивал, что «русский человек в эпоху кровопролития отворачивается от лица Бога…» [Т. 9. С. 208]. Подтвердить правоту этого заявления можно, цитируя С. Есенина, который в поэме «Инония» (1918) восклицал: «Тело, Христово

тело, /Выплевываю изо рта» (Т. 2. С. 61). При этом А.И. Куприн проницательно отмечал характерную черту русской души, которая ярко проявилась у Есенина: «Но мне кажется почему-то, что многие из них (какой краской ни мажься, а они все-таки русские), богохульствуя днем, вечером при отходе ко сну крестят изголовье, а потом тщательно закрещивают мелкими крестами все дырочки между собой и одеялом» [Т. 9. С. 209]. А.И. Куприн оказался прав. Не случайно С. Есенин, отдавший в свое время дань богоборчеству, в октябре 1925 года исповедально признавался: «Ты прости, что я в Бога не верую — / Я молюсь ему по ночам» (Т. 4. С. 280).

С.А. Есенина сближало с А.И. Куприным проникновенное чувство патриотизма, которого поэт не видел в творчестве своих собратьев-имажинистов. Критикуя их за это в статье «Быт и искусство» (1921), Есенин приводил пример из рассказа А. Франса «Жонглер Богоматери», переведенного на русский язык А.И. Куприным: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова… У Анатоля Франса есть чудный рассказ об одном акробате, который выделывал вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапеции перед Богоматерью. Этого чувства у моих собратьев нет… » (Т. 5. С. 220).

А.И. Куприн внимательно следил за молодой советской литературой. После того как в Париже выступил с чтением своих стихов В. Маяковский, писатель опубликовал 14 декабря 1924 г. в парижской «Русской газете» памфлет «Шуты гороховые», в котором упомянул Сергея Есенина в одном ряду с самыми известными поэтами Советской России, отношение к которым у Куприна было явно негативным: «Давно известно, что нынешняя русская эмиграция представляет собою сливки русского разума и цвет русского искусства. И вот, в самых утонченнейших, самых изысканных салонах вы услышите среди общего щебетания за чашкой чая в пять часов:

— Хлебников, в нем что-то есть, не правда ли? Эренбург… У него такие слова, такие слова… но какой талант! А Есенин? А Маяковский? А Пастернак? Нет, решительно в них есть что-то новое, молодое и могучее.

Для простого, срединного русского народа в них нет ничего нового. Давно уже мужицкая поговорка осудила таковую бессмысленную безудержную болтовню и такое истерическое рифмование краткой характеристикой: «Говорок, говорок, облизал чужой творог?».

На свадьбах, на Масленую, на престольных праздниках эти «говорки» неизбежны, пожалуй, даже необходимы как оживляющее шумное начало. Но солидный крестьянин, создавший песню, и псалму, и былину, и сказку, и ловкую поговорку, презрительно суров к таким егозливым болтунам: «шуты гороховые».

Разве только изредка, на пьяной беседе, при особо непристойном вывертe, кто-нибудь из мужиков скажет: «Ловко, сукин сын, загнул. А жаль все-таки человека. Хороших родителей, только совсем сбился с пути» [Т. 10. С. 94].

Среди литературных критиков, писавших о творчестве А.И. Куприна и С.А. Есенина, были Иванов-Разумник, А.К. Воронский, В. Львов-Рогачевский, В.А. Устрялов... В статье В.А. Устрялова «Есенин» (к трехлетию со дня смерти», опубликованной в харбинской газете «Новости жизни» (1929), были противопоставлены «Бунины, Куприны, Мережковские, Зайцевы», которые «очутились по ту сторону революции», и Есенин, который «захвачен революционным циклоном»[6]. Несмотря на то что у Куприна и Есенина судьбы складывались по-разному, они обращались в своих произведениях к одним темам. Куприн и Есенин внесли весьма значительный вклад в Лениниану, оба отозвались на смерть Вождя революции. В своих размышлениях о роли Ленина Куприн и Есенин вступали в своеобразный полемический диалог. Куприн считал, что Ленин не был великим человеком: «не гениален, он только средне умён. Он не пророк, он лишь... тень лжепророка. Он не вождь...» [Т. 9. С. 8]. Есенин, в отличие от Куприна, в стихотворении «Капитан земли» (1924) изображает Ленина как гениального человека, который повернул ход мировой истории: «Еще никто / Не управлял планетой, / И никому / Не пелась песнь моя, / Лишь только он, / С рукой своей воздетой, / Сказал, что мир — / Единая семья» (Т. 4. С. 214). При этом Куприн и Есенин были против обожествления Ленина и слепого поклонения ему. Куприн в очерке «Рака» (1924) иронизировал над стремлением превратить умершего Вождя в мумию, для чего его соратниками был построен мавзолей: «...Воображаю, что было бы, если бы при жизни Ленина, еще до затмения его крепкого ума и ядовитого слова, кто-нибудь нарисовал ему нынешнюю картину его похорон и погребения со всеми дальнейшими трагикомическими глупостями. То-то задал бы он перцу фантазеру!..

— ...На кой черт вам понадобилось заключить меня в стеклянный ящик и выставить для обозрения, как восковую Клеопатру в паноптикуме?..

...Зиновьев возразил бы дрожащим голосом:

— Учитель, прости. Это не ящик из музея. Это... это рака. Пусть сотни, тысячи, миллионы русских людей пройдут мимо твоей гробницы, и пусть они увидят, что ты почиваешь нетленен, подобно их бывшим святым... Какое мощное орудие в борьбе с остатками суеверия! Какая пропаганда среди темных масс!..

Но тень Ленина омрачится и скажет:

— Дурачье. Вы всегда брались и беретесь за дела, в которых ничего не смыслите, не умеете и не можете. Хоть бы набальзамировали как следует, хоть бы положили в сухое помещение... Сказать вам, что толкуют бабы и мужики, проходя мимо моей раки?

«Ишь ты, как лик-то ему искорежило... Верно, черти взяли его сразу к себе, не дожидаясь Страшного суда» [Т. 10. С. 10 — 11].

Есенин в поэме «Возвращение на родину» признается: «Конечно, мне и Ленин не икона» (Т. 2. С. 92). Куприн в очерке «Ленин» (1924) цитирует пророческое предсказание Вождя: «На белом фронте мы победили, но на крес-

тьянском всегда будем биты» [Т. 9. С. 8]. В есенинской драматической поэме «Страна негодяев» (1922 — 1923) об этом сказано так: «И в ответ партийной команде, / За налоги на крестьянский труд, / По стране свищут банда на банде, /Волю власти считая за кнут» (Т. 3. С. 75). В «Стране негодяев», написанной Есениным во время его путешествия по Европе и США, выражены тревожные мысли поэта о судьбе России, попавшей под власть негодяев. То, что волновало Есенина в это время, отразилось в его письме А. Кусикову от 7 февраля 1923 г.: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что ждет меня, так и возвращаться не хочется... Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть... » (Т. 6. С. 154). Ненависть А.И. Куприна к тем, кто встал во главе Советской России (особенно Троцкому), отразилась в публицистике, пафос которой оказался во многом созвучен тем настроениям, что нашли отражение в есенинской «Стране негодяев». Один из главных ее героев с символической фамилией Чекистов ненавидит Россию и заявляет: «Жили весь век свой нищими / И строили храмы Божие... /Да я б их давным-давно / Перестроил в места отхожие» (Т. 3. С. 57). В Чекистове, настоящая фамилия которого Лейбман, мы узнаем одного из тех циничных «христоборцев», о которых писал Куприн. В комментариях к ПСС С.А. Есенина отмечается, что «ряд исследователей считает прототипом комиссара Чекистова — Троцкого (Бронштейна) Льва (Лейбу)» (Т. 3. С. 553).

В повести А.И. Куприна «Купол святого Исаакия Далматского», над которой писатель работал с 1923 по 1927 г., отражено наступление Северо-Западной армии под командованием Юденича на Петроград осенью 1919 г. Куприн упоминает тяжелые бои под Пулково. «Слева они заняли последовательно Таицы, Дудергоф, Лигово и докатывались до Датчино, намереваясь начать поиск к Петергофу»[7]. В 1924 г. Есенин пишет поэму «Песнь о великом походе», в которой описаны те же события:

«Ты не смей дремать, Трудовой народ! / Как под Питером / Рать Юденича» (Т. 3. С. 127). «Там под Лиговом / Страшный бой кипит, / Питер траурный / Без огней не спит» (Т. 3. С. 131). Интересно сравнить изображение Гражданской войны, которое дано Куприным и Есениным, с двух противоположных сторон.

Размышляя о том, что сближало А.И. Куприна и С.А. Есенина, отметим еще одну творческую параллель. В есенинской поэме «Черный человек», первый вариант которой был написан во время заграничного путешествия поэта в 1923 году, лирический герой ведет диалог с демоническим двойником, который обличает его во многих грехах. Есенин поднимает в поэме вечную тему продажи души дьяволу за успех и известность. В рассказе А.И. Куприна «Скрипка Паганини» (1929) перед гениальным скрипачом, который в миг отчаяния взывает к нечистой силе, предстает черт, с которым музыкант

заключает контракт, заложив душу за скрипку. Сергей Есенин, как Паганини, мог бы вполне стать героем одного из рассказов или романов А.И. Куприна.

Как мы убедились, А.И. Куприн и С.А. Есенин были близки по духу своего творчества, их волновали одни и те же проблемы. Этим объясняются и творческие параллели, и тот полемический диалог, которые отмечены в данном исследовании. Символично то, что 145-летие со дня рождения А.И. Куприна и 120-летие С.А. Есенина мы отмечаем в один год, Год литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сардановский Н.А. «На заре туманной юности» / Сергей Есенин глазами современников. — Спб. 2006. — С. 106.

2. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах, М., 1995 — 2001. Т. 5. С. 205. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в круглых скобках.

3. См.: Блудов Ю.В. Военные университеты С.А. Есенина 1916 года глазами современников-рязанцев // Современное есениноведение. Рязань. — 2008. № 9. — С. 139.

4. См.: Воронова О.Е. Проза Сергея Есенина: Жанры и стиль. — Дисс. канд. филол. наук. М., 1985. С. 105 —106.

5. Куприн А.И. Полное собрание сочинений в 11 томах. М., 2006 — 2007. Т. 9. С. 208. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указание тома и страниц в квадратных скобках.

6. Устрялов Н.А. Есенин (К трехлетию со дня смерти // Русское зарубежье о Есенине). М., 2007. С. 349.

7. Куприн А.И. Эмигрантские произведения. Купол святого Исаакия Долматского. Извощик Петр. М., 1992. С. 75.

Ангелина КУЧЕРОВА

ЗАПИСКИ ЮНОГО ЧИТАТЕЛЯ

* * *

Сегодня мы живём под гнётом сильнейшего информационного стресса. Интересен тот факт, что ещё в 2008 году каждый продвинутый пользователь Интернета потреблял в сутки 100 тысяч слов и 34 ГБ информации. Трудно представить, какие цифры мы имеем на сегодняшний день и каковы будут показатели в будущем, учитывая технический прогресс и увеличение накопленных знаний. Неудивительно, что с тех пор, как усвоение такого огромного количества информации стало привычным, мы совсем забыли о чтении. Ведь, как правило, когда мы читаем, то объемы носимых знаний и фактов не уменьшаются, а только увеличиваются. Чтение в наши дни не способно избавить человека от информационного стресса, а может лишь, наоборот, потребовать от него ещё больших усилий. Отсутствие чтения — ещё большая проблема! Как же мы сумели прийти к проблеме «нечтения» и что заставило меня серьезно над ней задуматься?

Социолог М.М. Самохина в своей статье приводит цифры из исследования Левада-центра «Читательские предпочтения российских граждан». По ответам молодежи (данные 2008 года), книги, журналы и газеты *не читают никогда* соответственно 42, 43 и 51 процент опрашиваемых (интернет-ресурс с исследованиями М.М. Самохиной http://vmo.rgub.ru/researh/articles/samokhina.php). Следовательно, около половины населения России незнакомы с чтением книг, газет и журналов.

«Мы — литературоцентричная страна. Именно наши писатели подарили миру большинство величайших произведений. Литература — это часть нашей национальной культуры, нашей национальной определённости. А это значит, что человек, не прочитавший «Войну и мир» Л.Н. Толстого, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и другие произведения, является

не совсем русским. Стоит помнить о том, что человек, потерявший своё лицо, — никто, так же, как и нация, потерявшая свою национальную идентичность», — рассказывает Ирина Иовна Московкина, старший методист центра гуманитарного образования Института регионального развития Пензенской области, кандидат педагогических наук. Получается, что половина всех людей, населяющих нашу литературоцентричную Россию, не являются русскими и не отражают наш национальный характер. Тогда о какой нации вообще может идти речь?

В Америке эту проблему назвали «угрозой национальной безопасности». Мало кто задумывается о том, что нечитающий человек крайне опасен для общества и даже целого мира. Как можно доверить, например, охрану оружия или атомной станции тому, кто не читает книг, не может анализировать текст? Подобная ситуация показалась устрашающей не только американцам. По всей Европе после осознания этой проблемы прошёл ряд изменений для устранения «угрозы национальной безопасности».

Ирина Иовна Московкина рассказала мне, что в Англии детей обучают приёмам чтения с пяти лет. Ведь чтобы вынести смысл из прочитанного, нужно сначала научиться читать. Оказывается, в этом возрасте дети легко могут прочитать 200 — 300 страниц, в то время как русский школьник в 1 — 2 классе читает по слогам. Все английские книги имеют маркировки, например красные, синие или желтые маркеры, в зависимости от сложности книги. Проблема чтения у них решается всей семьёй! Родители помогают учителям в организации чтения: они подписывают договор с учебным учреждением о том, что они будут читать детям, например, 30 минут в день. Специальные комиссии проверяют выполнение этого договора, спрашивают детей, сколько они читали, какие книги и о чём. За невыполнение этого договора предполагается штраф. Это и многие другие решения за рубежом подняли уровень читательской грамотности на абсолютно новый уровень.

Спрашивается: почему мы не можем так сделать? Ведь это совсем не трудно — приклеить маркировки на книги и заключить договор с родителями, обозначить проблему «нечтения» так, чтобы об этом задумались люди. Можно не копировать чужой опыт, а создать собственную систему повышения уровня читательской грамотности: ввести читательский час, дневники прочитанного или использовать другие, более радикальные методы. Что мешает нам сделать это?

Стоит обратить внимание и на то, что уровень читательской грамотности связан с таким масштабным показателем, как уровень экономического развития страны. Ярчайший пример — Япония, страна, бедная минеральными и природными богатствами, но в то же время одна из самых развитых стран мира. И всё потому, что Япония — страна высоких технологий, инновационных идей и невероятного объема знаний. Без чтения это невозможно! Уже давно самые развитые страны торгуют не полезными ископаемыми, а интеллектуальным продуктом. А что Россия? Уже традиционно нас не принято считать теми, кто

делает прорыв в мировом прогрессе и делится новыми открытиями. В нашей стране не могут произвести самые качественные в мире машины, часы, музыкальные инструменты и другие вещи. Ведь технологии существуют, но мы не можем ими воспользоваться. Ну не может русский человек сделать качественный продукт, которым уже давно славится любая другая страна. В чём же наша проблема?

К сожалению, в большинстве своём современный россиянин не понимает, что пренебрежение чтением ведет к экономическим бедствиям и размытию ядра национальной культуры, а многие и не знают, что такое «читательская грамотность». Читательская грамотность — не просто умение прочесть отдельные слова, это умение осознать прочитанное. Проблема вторичной неграмотности — это проблема, напрямую связанная как раз с этим показателем. Многие русские люди являются вторично неграмотными, то есть людьми, которые могут прочесть текст, но не могут точно понять, о чём он, не могут выделить его основную мысль. Например, по исследованиям PISA (Program for International Student Assessment — международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), 10% девятиклассников не достигают даже самого нижнего порога по уровню читательской грамотности, что говорит о проблеме «нечтения» среди подростков и молодежи. Исследование 2000 года оценило «грамотность чтения» в России всего лишь на 462 из 1000 баллов.

В 2015 году по заказу журнала «Сура» я провела ряд собственных исследований и опросила своих сверстников.

Роман Романов, студент приборостроительного колледжа, выразил свое мнение по данному вопросу.

— Как ты считаешь, подростки читают или совсем не открывают книг?

— Подростки бывают разные, но, к сожалению, большинство — это те, для кого чтение малозначимо.

— Классика популярна? Ты читаешь классику?

— Популярна, особенно русская. Читаю, ведь писатели прошлых лет сумели изобразить проблемы, которые были и будут актуальны всегда.

— Как привлечь людей к чтению?

— Через их интересы. Я начал читать примерно в 10 — 12 лет, увидев книгу в продуктовом магазине. Не думал, что такое бывает, но тем не менее. Там был мини-отдел, где на полке лежало несколько книг и одна из них была написана по моей любимой игре. Вот так я увлекся чтением. Бывало и так, что я смотрел какое-то кино, а потом читал и книгу, которая была экранизирована, например «Парфюмер» или «Зеленая миля». Это тоже отличный способ привлечь молодёжь к чтению книг.

— Как много книг ты хочешь прочитать за свою жизнь?

— Не ставил определенной цели по количеству прочитанных книг. Ведь главное не то, сколько ты прочитаешь, а то, что для себя ты сможешь вынести из прочитанных книг.

— Какова была бы твоя жизнь без книг?

— Менее разнообразной и интересной.

Мне трудно не согласиться с высказыванием: «Подростки бывают разные, но, к сожалению, большинство — это те, для кого чтение малозначимо». Однако я знаю, что существует много подростков, которые читают и любят это занятие. В одной из социальных сетей я провела онлайн-опрос «Почему ты читаешь книги?». Участие в нём приняли 72 человека, близких мне по возрасту. Удивительно, что ни один из 72 опрашиваемых не выбрал вариант «Я не читаю, потому что не хочу», ведь нежелание читать — это тоже одна из основных проблем в наше время. Также было получено два комментария:

«Потому что мне это нравится. Я отдыхаю за чтением книг любимых писателей» (Лебедев Алексей).

«Я читаю для того, чтобы расслабиться. Чтобы отключиться от повседневной жизни» (Берёза Мария).

Также я выяснила, что за 2013 — 2014 год в областной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова значительно снизились такие показатели, как книговыдача и посещаемость, с 47885 до 27524 и с 10002 до 7226 соответственно.

Какой же мы можем сделать из этого вывод? Проблема остается прежней. Библиотеки пустеют, однако читающие люди в нашей стране есть, причем всех возрастов, но они не составляют большинство. Почему же нам так трудно сделать читающей всю Россию и почему мы ничего не делаем для этого?

Как оказалось, что-то делаем. В России уже давно существует программа по поддержке чтения, только мало кто с ней знаком. В нашей стране ввели итоговое сочинение, хоть и с лояльной системой «зачет-незачет». У нас существуют специалисты в этой области, но их почему-то никто не слушает. В последние годы мы даже не принимаем участие в исследованиях PISA, видимо, потому, что стыдимся показателей. Мне рассказала Александра Кимовна Григорьева, старший методист центра гуманитарного образования Института регионального развития Пензенской области, кандидат филологических наук: «Мы делаем, только вот не вполне осознаем, *что* мы делаем. В 1999 — 2000 годах впервые произошло обсуждение стандартов, связанных с форматом обучения. Именно тогда многие страны отдали приоритет прикладным аспектам, и перед Россией стоял выбор: сохранить прежнюю концепцию или же продвигать преподавание в сторону практической ориентации. Никакого продвижения у нас не произошло». По моему мнению, основная проблема обучения в России связана как раз с тем, что мы занимаемся по большей части теорией, а на практике ученики ничего не умеют. Способность вести переговоры, договариваться — таким важным для жизни вещам российских учеников не обучают. В школе учеников даже не учат правильно читать, хотя Александра Кимовна привела интересный факт по этой теме: «Существует такой стандарт: ученики в основной школе должны овладеть приемами рационального чтения. Например, просматривающее, ознакомительное, изучающее». Получается, что про-

граммы есть, стандарты есть, только в действие они не приведены. Обучение приемам чтения — это зарубежный способ повышения читательской грамотности, и, как оказалось, он существует и у нас. Однако какой процент учеников действительно знаком с приемами рационального чтения?

Совсем недавно Президент РФ Владимир Владимирович Путин заявил о необходимости увеличения в программе средней школы часов по русскому языку и литературе. Я считаю, что это правильное решение. Ведь критический читательский возраст — это школьный, как раз 11 — 13 лет, в который и происходят основные потери читателей. Прежние навыки индивидуального труда утрачиваются именно в 7 — 8 классе, и тогда все действия подросткам диктует мода и масскультура. Именно в этом возрасте контроль над детьми должны взять школа и родители, чтобы не потерять потенциального читателя.

От чтения порой зависят неожиданные вещи. Например, 25% неудач по математике связаны именно с непониманием условия поставленной задачи, то есть с отсутствием читательской грамотности. На самом деле всё взаимосвязано. Чтение и уровень читающей грамотности влияют на уровень образованности людей в стране. В свою очередь, уровень образованности влияет на количество умных людей и появление новых технологий, идей. Последние показатели влияют непосредственно на уровень экономического развития в стране, а следовательно, на уровень жизни людей. Получается, что чтение — это маленькое усилие, которое может изменить всю нашу жизнь к лучшему.

Подведем итог. Реформы не должны оставаться на бумаге. Проблему «нечтения» нужно реально решать и не бояться трудностей. Грамотных, образованных, умных людей в России должно стать больше. Нужно прислушиваться к авторитетам, к ценным специалистам. Вот как сказал Иосиф Бродский, великий поэт: «За нечтение книг нация расплачивается своей историей. Страшнее сжигания книг только их нечтение». Поэтому государство должно вести молодежь по верному пути. Небольшими усилиями каждого можно прийти к масштабным, как мы сейчас думаем, недостижимым результатам. Читающие и образованные, грамотные люди должны стать большинством, и только тогда мы сможем говорить о благополучной стране, называть Россию великой!

Геннадий ГОРЛАНОВ

КТО КАК ГОВОРИТ

Стихи для детей

* * *

Скоро Мишке будет годик.
Он пока ещё не ходит.
Но, когда внучок не спит,
Очень много говорит.
Речь его на всякий случай
Для истории озвучу.

РАССКАЗ ГЕРОЯ

Дело было в выходной,
Вечером на даче.
Мы играли за сосной
В мой зелёный мячик.

Догоняла Жучка мух,
Вечер был хороший.
Вдруг задиристый петух
Налетел, как коршун.

Грозно крыльями крутя,
С криками, без правил,
Взгляд свирепый на меня
С наглостью направил.

Я пустился со всех ног
К незатворенной калитке.
Мог он цапнуть за сапог,

Но догнать меня не смог —
Так бежал я прытко.

НАЕЗДНИК

Скок-скок-скок —
Подскакал ко мне конёк
И сказал: «Садись, дружок,
Мы поедем во лужок,
Там ромашек — море».
Смело я уздечку взял,
Ловко сел и поскакал,
С быстрым ветром споря.
Долго-долго я скакал,
А когда чуть-чуть устал,
Слез с коня на кочку
И коня поцеловал —
Чмокнул прямо в щёчку.

КТО КАК ГОВОРИТ

Только солнышко встаёт,
Петушок уже поёт.
Разгоняя прочь тоску,
Он кричит: «КУ- КА-РЕ-КУ».

Почесав спросонья носик,
Голос свой подал и пёсик:
«Петушок мой, ты не прав,
Надо громче: «ГАВ-ГАВ-ГАВ!»

Пробудились сразу гуси.
Отпросившись у бабуси,
Все отправились в луга
С звонким криком «ГА-ГА-ГА».

Три утёнка у пруда
Говорят им: «Господа,
Так горланите вы зря.
С чувством надо: «КРЯ-КРЯ-КРЯ».

Лягушата услыхали,
Сразу дружно закричали:
«Неуклюжие слова!
Надо ласково: «КВА-КВА».

А бездомная кукушка,
Не найдя себе избушку,
Приютилась на суку,
Повторяет всем: «КУ-КУ».

Только рыбки на пруду —
Ни «ГА-ГА» и ни «ГУ-ГУ»,
Не кричат и не молчат.
Говорить не могут рыбки,
Хоть в воде они и прытки.

ХРЮ-ХРЮ

«Поросёночек Хрю-Хрю,
Золотистый хвостик,
Не ходи, — я говорю, —
За тот дальний мостик:
Там волчище злющий ждёт —
Хвостик сразу отгрызёт».

ПЕТУХ-МУЗЫКАНТ

«Ку-ка-ре-ку», — кричит петух
На весь переулочек:
Проверяет Петя слух
У знакомых курочек.

СЛОНИК

Обул слоник валенки.
Он пока что маленький,
А как только подрастёт,
В первый класс со мной пойдёт.

САМОСВАЛ

Я теперь серьёзным стал —
Купил папа самосвал.

С самосвалом я дружу,
Кирпичи на нём вожу,
А вчера возил ребят
И на ферму поросят…
Я работы не боюсь,
Целый день на нём тружусь.

БАРАШЕК

На лугу, среди ромашек,
С песнями гулял барашек.
Его песню слушать сложно,
Не могу я всё понять,
А любить барашка можно —
Он ступает осторожно,
Чтоб цветочки не топтать.

МИШЕНЬКИНА КОЗА

Есть у Мишеньки коза.
Хоть она и егоза,
Но добры её глаза.
Она не бодается —
Только улыбается.

ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ

«Зайку бросила хозяйка,
Под дождём остался Зайка».
Наш Мишулька со всех ног
Побежал и встать помог.
Зонтик дал бедняге Зайке
И отвёл его к хозяйке.

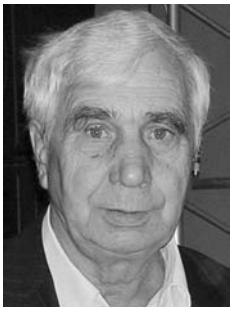
СОРОКА-БЕЛОБОКА

Сорока-белобока
Кашу не варила,
Детей не кормила.
Это понял я потом,
Когда песни пел с котом.

Я сороку сам кормил —
Хлеб в кормушке ей крошил,
Видел сам издалека,
Как росли её бока.

ПРО АЛИСА, ПРО КОТА

У Алиса, у котища,
Пышно-дымчатый хвостище.
И длиннющие усы
Удивительной красы.
Кот по саду тигром рыщет:
Он, котище, ищет пищу,
Поднимая вверх усы…
Пищу он себе находит,
Если дед её приносит.



Эдуард АНАШКИН

«ЗВЕЗДЫ ОКЛИКАЯ…»

Новая книга Дианы Кан — явление для читающей России долгожданное. Ведь последний раз книгу поэтесса издавала ещё в 2008 году, несмотря на то что все эти годы активно выходили новые стихи Дианы Кан в самых разных изданиях России. Было бы логично ждать, что в год своего юбилея, в 2014 год, у поэтессы выйдет книга. Но ожидаемого не случилось, несмотря на то что Диана Кан все эти годы, с 2008-го, является членом Самарской областной экспертной комиссии, регулярно распределяющей региональные гранты на издание книг. Получается: сапожник без сапог, а тот, кто участвует в распределении изданий, — сам без изданий... Прискорбно, что в Самарской области власть имущие в преддверии Года русской литературы так и не нашли возможности издать юбилейную книгу известной землячки. То, что книга новых стихов «Звезды окликая» вышла хотя бы год спустя, является заслугой коммунистической партии РФ, нашедшей возможность не на словах, а на деле поддержать талантливого поэта Диану Кан.

Сразу три известных писателя России встретились под обложкой книги Дианы Кан «Звезды окликая». Помимо стихов представлены два эссе. Открывают книгу размышления выдающейся современной поэтессы Марины Струковой об истоках творчества Кан. А итожит книгу эссе выдающегося современного литературного критика Вячеслава Лютого. Собственно, говорить о творчестве поэтессы после них — дело неблагодарное. И мое эссе лишь попытка сказать свое слово о том, каким я вижу присутствие Дианы Кан в современной поэзии.

О казачьей составляющей стихов Кан отлично сказано Мариной Струковой. А мне бы хотелось сказать о присутствии русской земли и русской сельской глубинки в творчестве Дианы. Даже удивительна глубина художественного проникновения в эту тему, учитывая, что

Диана не скрывает, что сельскую российскую глубинку знала лишь наездами. На правах давней дружбы мы как-то разговорились с Дианой пару лет назад, разбирая ее причудливую родову, где чего только не намешано. Кровь японских самураев слилась с кровью корейских крестьян. Потом все это замешалось на крови уральских казаков по линии матери... Но что значимо, поэтесса как-то вскользь призналась, что, при всем уважении к разным своим корням, она главной своей «несущей» кровью считает кровь русских крестьян по линии маминого отца. Потому что именно эта кровь более всех других кровей помогает ей в творчестве.

А раз так, то возьму на себя смелость сказать, что русская сельская глубинка и есть главная любовь Дианы Кан. Слово не обманешь... Россия Дианы Кан — странная страна. Она и странствующая по небу, далека от экономической прагматики. Странноватая страна в глазах «мирового сообщества», которое на наших глазах последнее время являет всем свой почти фашистский оскал. А Диана Кан видит себя «странной» странствующей по земле и небу России во времени и в пространстве поэтессой. Не зря образ «людей Божиих, калик перехожих» — такой частый в ее творчестве. Но, как бы ни странствовала Диана, она всегда остается дочерью и поэтессой земли русской, русской глубинки. Даже окликая звезды, лирическая героиня Дианы крепко стоит на земле, врастая в нее корнями.

Не столько Урал, родина матери, сколько Волга, родина мужа Евгения Семичева, — материковые темы творчества, как сказали бы критики. Марина Струкова считает, что самые страстные стихи у Дианы — о Востоке и о казачестве. А я так уверен, что Волга — главная любовь Дианы Кан. Хотя за что и любишь стихи Кан, так это за ее уникальную способность быть такой разной. «Растаковская» — озаглавил подборку Дианы Кан известный сибирский литературно-художественный журнал «День и Ночь». Тем самым точно определили сибиряки творчество и личность Дианы Кан.

Яркий лирический дар поэтессы проявился еще в первой «оренбургской» книге «Високосная весна». Эпический талант поэтессы заявил о себе в творчестве Кан позже, именно в самарский период ее творчества. Эпичность эта связана с Волгой. Новые стихи поэтессы свидетельствуют еще об одной грани ее таланта — драматической и даже трагикомической. Талант Дианы Кан подобен Волге — разной в разных течениях. Первому знакомству с Волгой Диана благодарна саратовской глубинке, куда была девочкой привезена на летние каникулы. Отец-кореец словно предвидел судьбу дочки, будущей выдающейся русской поэтессы. Не ограничился саратовской Волгой, в следующие каникулы Диана увидела Волгу волгоградскую. А много позже, потому что у жены — родина мужняя, познакомилась и породнилась с Волгой самарской. Главный урок, усвоенный поэтессой у великой реки: чтобы оставаться собой и не изменять своей природе, надо постоянно меняться. Только тогда в любом своем «течении» будешь живой и интересной людям.

Многие наши великие поэтессы не любили, когда их называли поэтессами, предпочитая именоваться поэтами. Я как-то поинтересовался у Дианы: как мне ее называть? «Да хоть горшком назови!.. Хотя, конечно, в самом слове «поэтесса» есть нечто змеиное...» А я подумал: ведь змея — та же река, гибкая и одолевающая любые преграды...

Наша с Дианой Кан многолетняя дружба во многом построена на созвучии наших судеб. Оба мы — «подданные русских захолустий». Оба обитаем далеко от всяких столиц — федеральных, окружных, региональных. Оба обживаем судьбу не вписавшихся в финансовые законы рынка местных «чудиков», «эмигрантов в собственной стране». Так зачастую смотрит на живущих в его гуще писателей наш вынужденный непросто выживать народ. А уж про чиновников и говорить не буду, это разговор особый... Оба мы так и не вышли из народа, и слава Богу! Бедствуем с народом, радуемся, горюем.

При этом стихи обитающей в сердце России, на Волге, Дианы Кан «воздушно-капельным» путем передаются по России — от Калининграда до Владивостока. Они любимы читателями, высоко ценимы коллегами в самых разных регионах. Одним-двумя точными «мазками» в одном небольшом по форме стихотворении Диана Кан способна запечатлеть целую эпоху, и я не раз писал об этом. А сегодня хочу рассказать о том, как сбываются стихи, если написаны настоящим поэтом. Помнится, много лет назад Диана Кан написала так:

«Пускай меня зовут последней стервой, // В пример мне ставят бабушку Ягу, // Но всё равно я буду только первой, // Ведь быть второй я просто не могу. // Вот так — и только так! — надменно мнилось // Мне в молодом запальчивом бреду. // Но если вправду предсказанье сбылось, // За свой успех отвечу я в аду. // Простите, нерождённые сыночки! // И вы простите, гневные мужья, // Что за предощущенье главной строчки // И жизнь, и душу заложила я. //За то, что мне всегда казалось мало // Любви земной и радостей земных... // Но строчка-дочка тайно вызревала // Под певчим сердцем, воплощаясь в стих. // Она ревниво всю меня хотела — // Чтоб ею лишь дышала и жила... // Вот с губ вспорхнула, в небо улетела. // Ну а меня с собой не позвала».

И вот, спустя много лет, я держу в руках сувенирную тарелку — одну из тех, что продаются во множестве на самарском «Арбате» для туристов. По краю тарелки на голубом фоне изображен атаман Степан Разин со товарищи. В центре тарелки, под гербом Самары, черным по белому — четверостишие: «Смиряя дерзкой смелостью и запад, и восток, // Восстал былинной крепостью Самара-городок. // Он пахотными весями в степную землю врос. // Святителя Алексия пророчество — сбылось!» Это и есть они — непутевые дочки-строчки, которые при помощи изготовителей самарских сувениров и Интернета сбежали от своей создательницы Дианы Кан, не позвав ее с собой: авторство стихов на тарелке не указано. Вот так, на «тарелочке с голубой каемочкой», и приходит порой слава, забыв об авторе!

Диана, когда увидела случайно эту тарелку, чуть не воскликнула: «Да это же мои стихи!» Но тут же одумалась. Не получилось бы так, как однажды получилось с Владимиром Николаевичем Крупиным. Наш выдающийся классик-прозаик увидел в метро девушку, читающую его книгу. Не удержался и сказал: «Девушка, а ведь вы мою книгу читаете!» На что читательница оторвала вдумчивый взгляд от текста, скептически посмотрела на Крупина и ответствовала: «Похмелись, дядя!» Может, это и есть высшее достижение для писателя, когда его стихи «отрываются от родителя» и настолько становятся самодостаточными, что воспринимаются уже отдельно, сами по себе, как народные?..

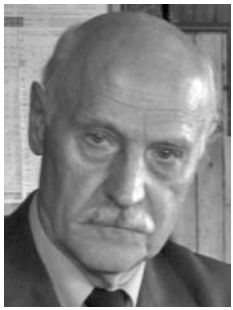
Отношения Дианы Кан со славой весьма личностные. Еще с ранних ее стихов слава является как бы живым персонажем, к которому Кан время от времени обращается: «Средь темной ночи, среди бела дня, // Молчи, молчи, не говори ни слова! // Я знаю, слава, ты найдешь меня, // Но все же адрес сообщу почтовый. // Пусть ты пока не очень-то спешишь // Меня подвергнуть головокруженью, // Я знаю, слава, ты меня простишь // За все мои былые прегрешенья...// ...Пусть я не раз продрогну на ветру, // Шепча твое единственное имя, // Но я проснусь однажды поутру, // Согретая объятьями твоими».

Как полагается живым отношениям, не бывают безоблачными, потому что развиваются. И вот слава в устах Дианы Кан вдруг оказывается едва ли не эпитетом слову «тоска»: «Спой обо мне, обманутая Тоска!.. // А я, так и не понята никем, // Вздохнув, запью печаль шампанским Боска // За неимением шато-икем. // ...Не то чтобы вся жизнь пошла на слом. // Не то чтоб мне сегодня было плохо... // Сегодня мне, пожалуй, всё равно! // Мерцает недопитая эпоха, // И не таковских утянув на дно. // Не то чтоб потаскухой обозвали... // Не то чтоб в этом не моя вина: // Потосковав наедине с бокалом, // В холодную постель ложусь одна. // Не то чтоб стервой оказалась слава. // Не то чтоб прикурить не дал никто. // Не то чтоб у вина видок кровавый... // Не то, не то, не то, не то, не то!.. // А просто дерзкой юности обноски // Вдруг стали обветшалы и тесны... // Не пьёшь — так пой, обманутая Тоска, // В объятиях несбыточной весны!»

А все-таки напрасно Диана Кан называет славу «стервой». В июне 2013 года позвонил мне из Воронежа мой друг, известный воронежский прозаик Михаил Фёдоров. И рассказал, что побывал на творческой встрече с выдающимся русским поэтом, Героем Социалистического труда, лауреатом Ленинской премии, ветераном Великой Отечественной войны Егором Александровичем Исаевым. Встреча состоялась 7 июня 2012 года в Воронеже в областной библиотеке им. Никитина. Воронежцы пришли послушать своего известного поэта-земляка, давно живущего в Москве, но не порывающего связей с воронежской отчиной. Поэт почитал стихи, потом стал рассказывать о состоянии современной русской литературы. Говоря о современной поэзии, Егор Исаев сказал: «Самым лучшим современным поэтом в России я считаю женщину, на вид восточную. Но у неё такие русские и настолько мужественные стихи о России, что современным мужчинам-поэтам у нее учиться и учиться. Я говорю о Диане Кан».

Проблема «поэта-поэтессы Дианы Кан» нашим выдающимся поэтом-фронтовиком была однозначно решена не просто в пользу «поэта», а в пользу лучшего поэта России. Самого яркого поэтического явления даже в плеяде замечательных современных русских поэтов-мужчин! Конечно, после звонка Михаила Фёдорова я не мог не позвонить Диане, хотелось порадовать её. Для начала спросил, знает ли она Егора Исаева? «В старших классах школы изучали его поэмы! — ответила она. — Лично? Я видела Исаева летом 2010 года в Борисоглебске, на фестивале молодых поэтов, меня пригласили поработать в жюри. Исаев вместе с министром культуры Воронежской области торжественно открывал фестиваль... Не знаю уж, можно это считать личным знакомством?» Когда я рассказал Диане, как высоко ценит ее творчество Егор Исаев, она озадаченно помолчала и переспросила: «Он назвал одну меня?» И добавила: «Да уж, чего только не узнаешь о себе! Я обязательно поблагодарю при встрече Егора Александровича за такую высокую оценку моих стихов...» Увы, Егор Исаев и Диана Кан больше уже не пообщаются в этом бренном и суетном мире! Так получилось, что выступление перед читателями областной воронежской библиотеки стало последним общением Егора Исаева с читателями. Но творческая эстафета любви к большой и малой родине, оставляемая уходящими поэтами России, в надежных, как видим, руках. Окликая звезды, Волга и Диана Кан продолжают свой путь по просторам России.

Валерий БУТОВ



МАТУ — ШАХ, ИЛИ БЕРЕГИТЕ РОДНОЙ ЯЗЫК

Знакомясь более основательно с этой темой, я обнаружил огромное количество статей, «исследований», толкований, словарей и словариков и ужаснулся откровенности «толкования» и даже *смакования* «истинно русских слов» у отдельных авторов, в том числе и у женщин. И особенно у сторонников употребления матерных слов и в повседневной жизни, и в литературе, и на ТВ, и в кинематографе... Почти все они дают (перечисляют в различных вариантах) список матерных слов и выражений, а затем разъясняют, что они — эти матерные слова — означают в информационном, эмоциональном, выразительном и иных смыслах.

Моя же цель — найти и предложить приемлемые, эквивалентные по эмоциональному выражению, заменители матерных и бранных слов, своего рода «переходной словарик» на пути к полному или частичному отказу от их употребления для выражения эмоций в различных житейских, критических, эмоционально-напряжённых ситуациях. И побудить вас делать то же в вашей повседневной жизни.

Неужели мы — русские, а вместе с нами и вся русскоязычная цивилизация! — не в состоянии избавиться от негативных черт нашего менталитета: плохих дорог, разгильдяйства, казнокрадства и нашего оскорбительного мата?! Ведь обходятся же другие народы без похабной ругани и брани!

Надеюсь, что каждый из нас понимает, что мы сами всю нашу сознательную жизнь нашими душевными порывами, мыслями и поступками формируем и создаём себя таковыми, каковые мы есть в реальной жизни. И что в конечном итоге из *всех нас* создаётся то ***человеческое сообщество***, в котором мы живём...

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Валерия Бутова с 75-летием, желает здоровья, счастья, творческих успехов.*

Русские ругательства издревле были в России «запретным плодом». Не случайно практически всегда публикации на эту тему выходили исключительно на Западе: «Лука Мудищев» И. Баркова, «Русские заветные сказки» А.Н. Афанасьева, собрание русских «нецензурных» пословиц и поговорок В.И. Даля, народные былины, песни, частушки и многое иное, не говоря уже о творчестве «запрещенных» писателей-диссидентов, не жалевших «для красного словца» и родного отца, то есть Отечество. До Первой мировой войны мат являлся жёстким признаком низкого происхождения.

Употребление мата традиционно очень широко распространено в устной речи у самых разных половозрастных групп общества. Встречается он также и в современной литературе (В.О. Пелевин, В.Г. Сорокин, М.И. Веллер, М.И. Волохов и др.), и в песенном творчестве (С.В. Шнуров, З.Б. Май, Ю.Н. Клинских), и в кинематографе (фильм Духless).

Тем не менее большей частью людей, говорящих на русском языке, мат не воспринимается как само собой разумеющееся в публичных местах (когда, например, популярный певец Филипп Киркоров употребил матерную брань на пресс-конференции, это вызвало как судебное разбирательство, так и негативную реакцию общественности).

Использование мата считается неприемлемым в приличном обществе и в литературе и обычно цензурируется в периодической печати, на телевидении, радио и в других СМИ. Согласно разъяснениям Роскомнадзора, в российских СМИ запрещается употребление четырёх матерных слов:

нецензурное обозначение мужского полового органа,
нецензурное обозначение женского полового органа,
нецензурное обозначение процесса совокупления,
нецензурное обозначение женщины распутного поведения,
а также все образованные от этих слов языковые единицы.

Эти четыре слова и производные от них абсолютно недопустимы не только в собственных текстах средств массовой информации, но и в комментариях пользователей. При их обнаружении Роскомнадзор вынесет СМИ предупреждение, а при наличии двух и более предупреждений в течение 12 месяцев ведомство может подать иск об аннулировании лицензии СМИ.

Как в СССР, так и в постсоветской России использование русского мата в литературе и СМИ не допускалось и подвергалось цензуре. При этом если в советское время слова и выражения цензурировались полностью таким образом, что исключалось даже их подразумевание, то в постсоветскую эпоху расхожей практикой стала замена всех или второй и последующих букв на звездочки и т. п. в письменном виде и т. н. «запикивание» в аудиовещании электронных СМИ.

Не позволяет употребление матерных слов в общественных местах и Административный кодекс РФ. А 23 апреля 2014 г. Госдума приняла в третьем, окончательном чтении закон, запрещающий использовать нецензурную лек-

сику в теле- и радиоэфире, в кинопрокате и при публичном исполнении произведений искусства.

Для определения слов, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, будет проводиться независимая экспертиза.

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ МАТ? УПОТРЕБЛЕНИЕ МАТА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Есть версия, что мат занесли на нашу землю татаро-монгольские орды. Однако уже установлено, что у кочевников не было обычая сквернословить. Это особо отмечал итальянский путешественник Плано Карпини, посетивший Центральную Азию в XIII веке. Он писал, что у них бранные слова вообще отсутствуют в словаре. И, наоборот, русские летописные источники, написанные до татаро-монгольского нашествия, свидетельствуют о том, что мат был распространен на Руси задолго до ордынского ига.

На крайнюю распространённость матерной брани в русской разговорной речи XVI — XVII веков указывают как записки иностранных путешественников (например, Олеария), так и русские поучения того времени. Выражение ***«лают отцем или матери»*** встречается у митрополита Петра (начало XIV века). Статут Казимира IV 1468 года содержал запрет «лаи матерной».

С принятием православия на Руси постоянно велась борьба против использования грубых матерных слов. Во времена Ивана Грозного или царя Алексея Михайловича Тишайшего услышать на улице мат было невозможно. По Соборному уложению употребление мата жестоко наказывалось, вплоть до смертной казни...

Чтобы пресечь распространение по стране мата, на Руси его употребление жестоко каралось. В Средние века за мат протыкали языки раскаленным шомполом, сажали в тюрьму, выставляли у позорного столба, а в более просвещенные времена — штрафовали, срамили, заставляли публично полоскать рот мыльной водой... Были случаи, когда в Древней Руси сквернословов наказывали плетьми. Считалось, что благородный человек, к тому же православный, никогда не станет сквернословить.

Вообще надо отметить, что практически до 18-го века те слова, которые мы сейчас относим к матерным и ругательным, таковыми вовсе не являлись. Слова, ставшие неприличными, обозначали ранее или какие-то физиологические особенности (или части) человеческого тела, или вообще были обыкновенными словами.

Так, например, глагол «блядити» в древнерусском языке имел значение — «пустословить, обманывать». Многие слова, считающиеся ныне оскорбительными, прежде такими не были. Матерные слова несли функцию обычных слов. Их можно в изобилии встретить в сочинениях протопопа Аввакума и патриарха Никона и много еще где. А вот в письме запорожцев султану, написанному специально, чтобы оскорбить адресата, ни единого матерного слова нет.

ПРО ПОДЛЕЦА, МЕРЗАВЦА И О ДРУГИХ ЗНАКОМЫХ СЛОВАХ

На Руси был такой вид наказания: в мороз ставили провинившегося человека в мокрой одежде в кадку с водой, чтобы он замерзал. Вот это был мерзавец. А еще к мерзавцу приставляли человека, который поливал мерзавца водой, чтобы тому было еще холоднее, вот этот второй и есть подлец.

Дурак. Исконное русское слово, производное от «дурый» — то есть «глупый». Исходное значение слова «дурак» — «ужаленный, искусанный», затем — «бешеный, сумасшедший, больной» (от укуса) и так далее вплоть до «дурной, глупый».

Очень долгое время слово «дурак» обидным не было. В документах XV — XVII вв. это слово встречается в качестве… имени. И именуются так отнюдь не холопы, а люди вполне солидные — «Князь Федор Семенович Дурак Кемский», «Князь Иван Иванович Бородатый Дурак Засекин», «московский дьяк Дурак Мишурин». С тех же времен начинаются и бесчисленные «дурацкие» фамилии — Дуров, Дураков, Дурново… А дело в том, что слово «дурак» часто использовалось в качестве второго нецерковного имени. В старые времена было популярно давать ребенку второе имя с целью обмануть злых духов — мол, что с дурака взять?

Шваль. Так как крестьяне не всегда могли обеспечить «гуманитарную помощь» бывшим оккупантам, те нередко включали в свой рацион конину, в том числе и павшую. По-французски «лошадь» — *cheval* (отсюда, кстати, и хорошо известное слово «шевалье» — рыцарь, всадник). Однако русские, не видевшие в поедании лошадей особого рыцарства, окрестили жалких французиков словечком «шваль», в смысле «отрепье».

Подонок. Еще одно слово, которое изначально существовало исключительно во множественном числе. Иначе и быть не могло, так как «подонками» называли остатки жидкости, остававшейся на дне вместе с осадком. А так как по трактирам и кабакам частенько шлялся всякий сброд, допивающий мутные остатки алкоголя за другими посетителями, то вскоре слово «подонки» перешло на них. Возможно также, что немалую роль сыграло здесь и выражение «подонки общества», то есть люди опустившиеся, находящиеся «на дне».

Негодяй. То, что это человек, к чему-то не годный, в общем-то, понятно… Но в XIX веке, когда в России ввели рекрутский набор, это слово не было оскорблением. Так называли людей, не годных к строевой службе. То есть раз не служил в армии — значит негодяй!

Скотина. Слово произошло от немецкого «скат» — «деньги», «богатство», «сокровище». Первоначально, конечно, так называли домашних животных, а затем «сокровищем» стали обзывать и людей.

Урод. Слово произошло от славянского корня «род» в значении «плод, рожденный» с добавлением приставки «у-». То есть «урод» — это, грубо говоря, «уродившийся». Отрицательный смысл у слова появился позднее, и то не везде. В польском языке, например, слово «урода» до сих пор означает «красота». Кстати, «юродивый» тоже, в свою очередь, произошел от слова «урод» («юрод»).

Привожу несколько старинных русских не матерных ругательств, найденных мною в Интернете:

«Ащеул» — пересмешник, зубоскал. «Баба-ветрогонка» — вздорная (нар.). «Баламошка» — дурачок, полоумный, зряшный. «Безсоромна баба» — бесстыжая (нар.). «Божедурье» — природный дурак (стар.). «Визгопряха» — непоседливая девка (нар.). «Волочайка» — распутная жена (олон.). «Вяжихвостка» — сплетница (орл.). «Глазопялка» — любопытный (-ая) (моск., яросл.). «Грабастик» — вор, грабитель (диал.). «Ёра» — озорная, бойкая на язык (пенз., твер.). «Захухря» — нечёса, неряха, растрепа (кал., ряз.). «Кощей» — жадный (стар.). «Курощуп» — бабник, волокита (нар.). «Насупа» — угрюмый, хмурый (диал.). «Обдувало» — обманщик, плут (стар.). «Остолбень» — дурак (стар.). «Охальник» — безобразник (нар.). «Пеньтюх» — пузатый, жопистый (твер. раз.). «Свербигузка» — девка-непоседа (нар.). «Сиволап» — неуклюжий, грубый мужик (нар.). «Толоконный лоб» — дурак (от «толокно»). «Шлында» — бродяга, тунеядец (смол.). «Щаул» — зубоскал (др.-рус.)».

На мой взгляд, вне зависимости от вероисповедания или атеистических взглядов людей, весьма разумны и поучительны рассуждения и высказывания христианских богословов и проповедников о душевных состояниях и способах их контроля и выражения людьми, то есть нас с вами.

Изречения старцев («Отечник» Игнатия Брянчанинова): «Страсть гнева выражается четырьмя образами: во-первых, в сердце; во-вторых, на лице; в-третьих, языком; в-четвертых, делом».

Василий Великий («Творения», ч. 5): «Беда еще в том, что мы почти всегда считаем свой гнев справедливым, нам кажется, что мы ратуем за правду...

Перед рассерженными надлежало бы ставить зеркало, чтобы, смотря в него... сколько-нибудь сокращали чрез это свою наглость. Или пусть будет для тебя этим зеркалом сам оскорбитель твой. В нем, если достанет охоты посмотреть, увидишь ты сам себя... Глаза налиты кровью и искошены, волосы ощетинились, борода мокрая, щеки у одного бледны, как у мертвого, у другого багровы, а у иного как свинцовые, шея напружена, жилы напряжены, речь прерывистая и вместе скорая, дыхание, как у беснующегося, скрежет зубов отвратителен, нос расширен и выражает совершенное презорство, всплескивание рук, топот ног, наклонение головы, быстрые повороты тела, смех, пот, киванья вверх и вниз не сопровождаются словом, скулы раздуты и издают какой-то звук, как гумно; рука, стуча пальцами, грозит».

Можно сказать, что матерщина ведет самую настоящую войну против русского языка. Она способна расширять свой словарный запас, имеет свои устойчивые словесные формы и фразеологизмы. Острие мата направлено на замещение простых, наиболее употребляемых слов. В конечном счете матерщина претендует на то, чтобы создать свой язык, параллельный русскому языку, или пропитать собою весь русский язык, слившись с ним в блудном экстазе.

В буддизме вообще нет понятия о матерных словах и их запрете... В какой-то степени регуляция осуществляется в виде рекомендаций и назиданий... «Правильная речь — это такая речь, которая не ведёт к разрастанию конфликтов и недоброжелательности. Это речь, направляющая на Путь и укрепляющая решимость человека жить правильной жизнью. Традиционно к проявлениям неправильной речи относят ложь, сплетни и клевету, грубость, ругательства, пустословие».

Явно не одобряется сквернословие и в иудаизме. В главе Ки Теце (Дварим 23, 15) сказано: «...чтобы не увидел Он у тебя чего-либо срамного (эрват давар)». «Эрват давар» в буквальном переводе означает «срамной разговор». Из этого Иерусалимский Талмуд (Трумот, часть 1) выводит запрет грубых слов, матерщины. А в Вавилонском Талмуде (Шабат 33-а) сказано: «Всякому, кто оскверняет уста свои, ужесточают [наказание] в аду». И ещё говорит Талмуд (Шабат 33-а), что «...так же [наказывается] и тот, кто слышит и молчит».

Ислам запрещает даже сквернословие**.** Сквернословие, мат, ругань и другие непристойные речи, безусловно, являются грешными действиями. На это указывает большое количество аятов и хадисов. Здесь можно привести некоторую, малую часть из них. Ислам — это религия, призывающая только к благому, воспитывающая хороший нрав и запрещающая все скверное и дурное. Наверное, никто не может утверждать, что обсуждаемые действия можно отнести к благим действиям. Всевышний Аллах сказал: «Он делает дозволенным благое и запрещает скверное» (аль-Араф, 157). «Верующему (несвойственно) порочить, проклинать, совершать непристойное, или сквернословить» (приводится у ат-Тирмизи и Ахмада).

Лично мне кажется, что очень многие, если не все, матерные или ругательные слова можно заменить другими эмоционально окрашенными или просто междометиями. Ну, посудите сами: ох, ой, фу, фи, ага, ах, апчхи, батюшки, браво, господи, ишь ты, боже ж ты мой, о чёрт, ни фига себе!, ай молодца!, молодец!, молодчина!, да ну ты брось... ай, ага, ба, да, ура, слава богу, браво, ха, хо, ей-богу; брр, увы, фу, фи, тьфу, вот еще, эх, ой-ой-ой, боже мой, батюшки, господи, ну, вот те раз, как бы не так, уф, ух и др. Таким образом, междометие экспрессивно замещает собой ту или иную знаменательную словоформу, выражает ту или иную эмоцию, реакцию, отношение к происходящему и даёт разрядку психологическому состоянию говорящего человека.

Странно и удивительно, что в защиту употребления мата выступили и «очень известные» мастера культуры, кичащиеся своим православным вероисповеданием...

Российские дореволюционные и советские писатели и деятели культуры стремились поднять человека СО ДНА. Все мы знаем призывные и жизнеутверждающие слова Максима Горького из его пьесы «На дне»: «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека».

А «культура» и «литература» западных и некоторых российских «деятелей» конца XX и начала XXI века стремятся опустить современного человека НА ДНО

самых низменных инстинктов, понятий и чувств... и надо признаться, что стараются вовсю (например, «Дом-2») и даже иногда достаточно талантливо, как, бывает, в Comedy club.

А задумывались ли вы над вопросом: стихийно или *умышленно*, осознанно, по специальным программам, внедряют в русскую речь иностранные слова, аналог которым есть в русском языке? А наше, простите, российское обезьянничание — начиная со знаменитого «евроремонта» и кончая наружной рекламой и надписями на «табличках», даже в глухих деревнях и сёлах, с непонятными английскими или русскими словами и названиями, написанными, как правило, с ошибками, на латинице?!

Как-то видел «проект оформления» набережной в Нижнем Новгороде: всё в рекламных щитах и растяжках, и — ни слова по-русски! Я тогда сказал моим родственникам, что я НЕ ХОЧУ жить в *таком* городе...

Ещё пара *таких* «культурных» десятилетий, и от русских — от русскоязычной ЦИВИЛИЗАЦИИ! — могут остаться только храмы, «русский мат» и международный *мусорный* жаргон. Не выстоит РУССКИЙ ЯЗЫК, не выстоим и мы!

Или нам предстоит раствориться в мутном потоке потребительской западной и американской культуры и исчезнуть как *самобытный* ЭТНОС?

Конечно, многое из того, что предложено другими и конкретно мною, тоже порою почти бранные и довольно оскорбительные слова и выражения. Но, согласитесь, что *это — уже* не МАТ!

Не матерные, но «крылатые» слова и выражения, используемые в народе

Ёж вашу медь. Едрить твою дивизию. Вашу Машу. Охурменно! Звездобол. Охвостели. Шёл бы ты на хвост... Иди в баню. Хрень какая-то. Хреновина... интересная. Фу ты, ну ты, лапти гнуты. Дярёвня... стоеросовая! Мать честная!.. Мама мия... Мать моя женщина! Егор, ты не прав... А на кой лях это тебе? Рыбий глаз тебе в душу! (возмущ.) Достал уж аж... до печёнки! Да катился бы ты колбаской по Малой Спасской! Да пошёл ты к едрене-фене! Ну ты и февраль. (В смысле — неполный месяц.) «Господин 99» («не все дома...»). Дурной ты, как сало без хлеба... Ну и дуб же ты, братец. Ну ты и рыба (рыбонька). Ну ты и вольтанутый! Ты чё, звездонутый, чё ли? Пестик ты... без рыльца... Чёрт-те что и сбоку бантик. А вам прищепку, часом, не подарить? Ангидрид твою перекись! А у тебя (у вас), случайно, шарики за ролики не заскочили? Чё, шестерёнки заклинило? Да забодай тебя комар! Чтоб тебя мошки съели. Ну, куриный потрох! Или ещё «забористее»: Триангидрид твою перекись марганца с водородом! Косинус тебе под ребро и тангенсом по голове!

Очень понравилось выражение из фильма «Ликвидация»: «Не расходуй мне последний нерв». А ещё раньше — из к/ф «Подкидыш»: «Муля, не нервируй меня!..»

Вот и я предлагаю мои заменители матерных и грубых бранных слов:

1. Эмоциональные возгласы (адресные и безадресные) с пожеланиями чего-либо плохого или хорошего — грубые, нейтральные, интеллигентные, в зависимости от интеллектуального уровня аудитории или собеседника:

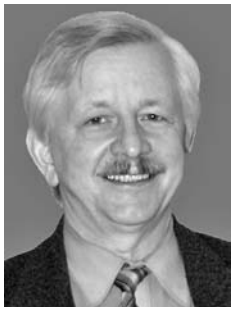
Ты чё, совсем майданутый? Патент вам в руки! Летательный аппарат вам в помощь. Метлу вам… в помощь. Шаблон вам в руки. Ваучер вам в руки! Банановую корку тебе (вам) под пятку. Интернет тебе (вам) в душу! Лопух вам в помощь. Горох тебе (вам) под сидячее место. Да пошёл ты в… Интернет! Чтоб ваша зависть плодов не дала! Вижу, с МАТ… и МАТ… — икой у тебя (у вас) всё в порядке… А не пошёл (пошли) бы ты грамматику учить! Ну и Простоквашино. И так далее.

2. Личные эмоции (в свой адрес, относительно себя или безадресно, по ситуации). Вот несколько примеров:

Ё-ммобиль! (в определённом контексте). Уайт-спирит… на постном масле! (возмущ.-иронич.) Кипит твоё молоко на потухшем примусе! (весело-иронич.) Фу! Заели комары и мошки и другие блошки… (весело-добродуш.) Ах, у высоченной ели… ели суп мы из форели! (иронично) Обблетели волосы… ккудрявые мои! (весело-иронич.) Тт…ыковка зелёная… кабачки солёные… (весело в раздумье…) Звездопад… средь бела дня! (возмущ.-иронич.) Попсе по… попсе бы… (задумчиво-иронич.) Задраенный иллюминатор! (возмущённо-рассерж.) Интерьер… с заковыкой! (удивл.-возмущ.) Бизон бизонисто бизонил… (иронич.) Второй раз, и — в тот же глаз?! (удивл.-возмущ.) По физе двинут, по фазе сдвинут… (иронично-насмешл.) Жиганул и — …*вмаздался*! (иронич.-насмешл.) Аргументом… по голове… (задумчиво-иронич.) Буздики и Гвозавки… (иронично-недоумён.) Киндервунд в «Киндерсюрпризе»… (удивлен.-иронич.) Слономуха!.. (возмущ.-раздраж.) Рыбий глаз за жемчужину!? (удивл.-иронич.) Дефолтнулся… (иронично-добродуш.) И в Главк, в Мин, и в… губернию! (высшая степень возмущен.) А потом он очень ловко… постучал по бестолковке… (иронич.-разочарован.) Миллиард приобрести и невинность соблюсти?! (недоумённо-иронич.) Оппилки… бесплатные! (рассержен.) Лузга семечная… (насмешл.-иронич.) Ахмурин с аспирином! (удивлён.-иронично) Ббаррашечки… кудрявые… (весело-беззлоб.) Патентом… по импотентам… (иронич.-насмеш.) Головою… — об *доклад*!

Мат есть во всех языках, но я призываю вас к тому, чтобы, общаясь с людьми из разных стран и говоря на разных языках, вы сумели бы обходиться без мата. Изучайте языки, свой родной и иностранные, обогащайте свою речь, и тогда вам не понадобятся слова из «помойки».

Вячеслав БАХТИН



ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО ИРОНИЯ!

По прочтении книги Г. Горланова «ПИИТИКИ»

Мне посчастливилось познакомиться с уникальной книгой. Стремление поэтов высказываться кратко и просто — явление всеобщее. Таким творчеством увлекались как признанные классики, так и малоизвестные широкому кругу читателей авторы. У одних оно проявлялось экспромтом, другие (в количественном отношении их меньше) писали целенаправленно, выпуская отдельные книги.

Жемчужинами остроумия литературоведы считают рубаи персидского и таджикского поэта, математика и философа Омара Хайяма; «Книгу замечательных историй» сирийского писателя, учёного и врача Абу-ль-Фараджи; «Изречения и эпиграммы» немецкого поэта-сатирика Фридриха фон Логау; «Максимы и моральные размышления французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко; эпиграммы народного поэта Шотландии Роберта Бернса. В России популярны были пародии, эпиграммы, стихотворные фельетоны Дмитрия Минаева. Уместно вспомнить здесь и легендарного Козьму Пруткова (коллективный псевдоним А.К. Толстого и братьев А.М. и В.М. Жемчужниковых). Известны в России «гарики» талантливого еврейского поэта Игоря Губермана, с которым полемизирует на страницах сборника Геннадий Горланов.

Не всякому поэту удаются коротенькие строфы, состоящие из двух и четырёх строчек. Автору сатирической книги «Пиитики» они удаются. Это мнение не только моё, но и многочисленных коллег по творчеству, писателей и критиков-профессионалов. Именно такой успех «Пиитик» способствовал решению автора выпустить коротенькие стихи отдельной книгой. Оригинально название сборника, чисто русское, связанное с первыми стихотворцами на Руси, пишущими вирши, — пиитами.

Обращаю внимание на то, что перед нами не просто миниатюры, а строчки иронического содержания, требующие от художника

слова использований соответствующих художественных приёмов.

Затронуты здесь самые разнообразные темы общественно-политического, философского, литературного и бытового характера. Полемически заострённые четверостишия, написанные в свободной разговорной форме, объединены в три цикла: «Стишата-крепышата — ехидные ребята»; «Поэтики-сатирики — пройдохам панегирики»; «Записи и видики для сборника «Пиитики». В отдельном, четвёртом цикле «Стишата-малышата» помещены двустишия, которым предпослан эпиграф: «Не вышли ростом малышата, но всё равно они стишата». Все они, направленные против социальной несправедливости и неравенства в современном обществе, прославляют честный труд, свободу, бескорыстную доброту и любовь к Отчизне. С другой же стороны, обличают пошлость, приспособленчество, казнокрадство, эгоизм, дутый авторитет и бесталанность. Некоторые из стихов написаны от лица эгоистически самодовольного поэта.

Не буду перечислять названия и содержание миниатюр, предоставляю самому читателю возможность окунуться в стихию сатирического мастерства поэта. Надеюсь, плавание по волнам «Пиитик» будет нескучным и даже полезным, ибо они заставляют размышлять и делать выводы о прочитанном. Каждый найдёт здесь своё интересное. Меня, например, более всего увлекала философская подоплёка сюжетных ситуаций. И здесь я объективно отмечу афористичность многих высказываний, отменную эрудицию автора, свободно разбирающегося в законах философии и её истории. При этом всё подаётся легко и непринуждённо, с некоторой лукавинкой. Посмотрите, например, по поводу первичности и вторичности материи:

В вечной жизни всё первопричинно.
Поиск истин — вот он, наш удел:
на Земле — деяния первичны,
в Небесах — оценка этих дел.

А.С. Пушкин в мае 1826 года писал П.А. Вяземскому: «Твои стихи... слишком умны. А поэзия, прости господи, должна быть глуповата». Обращаю внимание: «не глупая», а «глуповатая», в которой серьёзные темы остроумней можно передать иронической шуткой. Пушкин умело использовал такую «несерьёз-

ность». Кстати, у Петра Вяземского тоже есть неплохие образцы шуточного творчества. Имею в виду его остроумные «Эпиграммы».

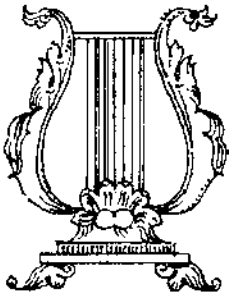
«Пиитики» Геннадия Горланова под внешней несерьёзностью таят в себе глубокие философские мысли, в которых с большим мастерством отражены не только сложные человеческие чувства, но и острые общественные и философские проблемы времени. Наш современник смело высказывает свою точку зрения, не боясь не угодить какой-то группе читателей. Истина для него превыше всего. В этой связи допускаю, что не всем по душе окажется мировоззренческая позиция автора. В допуске разномнений не вижу никакого греха, тем более и автор не считает свои высказывания единственно правильными. Есть здесь и определённая польза, понимаемая мною как призыв к откровенным высказываниям своих мыслей, ибо в сомнениях, разномнениях и раздумьях рождается истина. Под стоячий камень и вода не потечёт.

Большой писатель рождается из большой личности. Беда нашей современной интеллигенции состоит в том, что среди них мало таковых. Да, вроде бы и ремесло своё знают, и правительству служат отменно, пытаются идти в ногу со временем, а не хватает личностного начала. Автор «Пиитик», о чём бы ни писал, всегда остаётся самим собой: неподкупно-честным и патриотически настроенным гражданином своей Отчизны. Далеко не молодой по возрасту, он много видел и много знает, что даёт ему возможность для сравнения века минувшего и современного.

Дабы не быть голословным, приведу несколько биографических штрихов, необходимых для полного восприятия автора оригинальных стихов. Родился он в начале первого года Великой Отечественной войны, окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы. Он писатель, литературовед, краевед, автор более 350 научных и научно-популярных работ, 16 литературоведческих книг, 12 поэтических сборников, двух повестей, член Союза писателей России, награждён значком «Отличник народного просвещения», имеет звание «Почётный работник высшего профессионального образования», лауреат премии М.Ю. Лермонтова (номинация поэзии). Добавлю к официальному перечню: у себя в Пензе он пользуется неизменным уважением и признательностью.

Эту статью я начинал с перечня известных имён писателей, прославившихся своими афоризмами, парадоксами, шутками, эпиграммами. В ряду этих имён должно стоять имя автора стихотворных «Пиитик», русского по духу поэта, замечательного мастера миниатюрных форм. Книга состоялась, она найдёт своего благодарного читателя, а отдельные строчки станут афоризмами.

Признание творческих людей часто происходит после их кончины. Хотелось бы, чтобы талантливого человека Россия заметила при жизни.



ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ А.А. САЗОНОВА

Георгий МИРГОРОДСКИЙ, 9 лет, МБОУ СОШ № 2 г. Нижний Ломов

РЕЧКА

Ледоход, ледоход —
Взбунтовалась речка,
Перестала быть она
Кроткою овечкой.
Надоело ей лежать:
Отлежала все бока.
Захотелось ей бежать,
Словно в небе облака.

ДОЖДЬ

Бегал дождик по дорожке —
Намочил дождинки-ножки.
Мы ему подарим зонтик
И красивые сапожки!

УТЯТА

Мама-утка на прогулку
Вывела гулять утят,
А утята озорные
Слушать маму не хотят.
Разбежались кто куда –
Вот такая чехарда!

Анастасия Флягина, 13 лет, ГБОУДОД ЦРТДиЮ

РЫЖИЕ РАЗГОВОРЫ
СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

Спляши-ка, осень румяная!

Пляши, кидая охапками листья на землю, не жалей ни одного. Освободи ты буйный ветер, по миру рыжему пусти. Собери же шабаш туч, пусть побесятся вволю, пусть гремят басами громы, молнии летят пучками, а после выжми каждую тучу до капли последней и развесь сушиться над огнём кровавого солнца. Бунтуй! Пусть каждое твоё движение полно будет грозной уверенности, позабудь о страхе!..

Пляши, нарядная!

И пусть никто не узнает твоей тайны. Скрой пурпуром лихорадку, громким криком хриплый глас, спрячь за золотом смеха текучую боль движений, за счастливым блеском глаз — лужи слёз серые. Пусть никто не узнает, что жизнь твоя, словно улыбка, быстра, а танец этот – последний...

Спляши же в последний раз, румяная красавица!

РАЗГОВОР ВТОРОЙ

Погадай мне, милая осень, на листве, что, шурша, нашептывает сказки наших сердец.

Расскажи, что ждёт впереди: сомнение, тревога или счастья свет в груди... Поведай души моей тайны. Блуждая лабиринтом жизни строгой, что выберем? Бог ли судьбой моею правит? Бог ли за мысль меня ведет в небесных чертогах? А если я ослушаюсь, то что же, и это в его планы входит? Погоди! Ах, осень, мы с тобою так похожи, овеяны раздумьями, смятеньем, и перемены рядом — вот, под руку с нами. Смеюсь я, но через миг короткий что будет и что видишь ты? Солёная роса в глазах моих блистает... А Бог? Он знает, видит? Далёко он? Живёт он в мире, сотканном из слёз прозрачным ветром, иль в сказочных просторах рая, или, с душой моею хрупкою скитаясь, в ней растёт? И я полна вопросами, а ты, родная осень, всё молчишь, лишь улыбаясь рыжими губами... Знаю, не вправе требовать, но, милая подруга, расскажи!

Мария Корсун, 18 лет, МБОУ СОШ № 7 г. Пензы

ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ ПОЕЗДА

Давно забытая железная дорога...
И колея, заросшая травой...

Вокруг других, казалось бы, так много,
А взгляд остановился на одной.

О чем молчит она и что скрывает?
Куда ведут железные пути?
И почему так сердце замирает,
Когда пытаюсь я по ней идти?

У многих я найти ответ старалась —
Жаль, мало кто дороги знал секрет…
И вот однажды в руки мне попалась
Газета, пожелтевшая от лет.

Как в прошлое билет, беру газету
И грохот взрывов слышу, боя боль.
Вдруг фотография дороги этой,
И добровольцы выстроились вдоль.

Бойцов увозит поезд в Сталинград,
Туда, где враг пытается прорваться,
Туда, где сыплется снарядов град,
Туда, где многим предстоит остаться…

Уводит вдаль железная дорога…
И кажется порою, иногда:
Не пригибая трав, стоящих строго,
Уходят и уходят поезда…

Светлана ХРОМОВА, 17 лет, ГБОУДОД ЦРТДиЮ

УТРОМ

В забвенный сад, ещё живой,
Войду я утром.
Качнет мне зелень головой.
И перламутром

Сверкают капли на траве —
Дары тумана.
И паутина в серебре
Лучей румяна.

Прекрасен мир! Прекрасна жизнь!
И в скулах неба,
Душа, Авророю зажгись,
Рождая небыль!

Карина КРАСНОСЛОБОДЦЕВА, 8 лет, МОУ СОШ с. Пушанино Белинского района

СОЛНЦЕ, РАДУГА И ДОЖДИК

Жила-была волшебница по имени Солнце, а по соседству жили друзья-шалуны – мальчик Дождик и девочка Радуга. Днём Солнце светило и обогревало землю, а вечером ложилось спать, укутавшись в разноцветное одеяло, и поэтому закат казался то алым, то пурпурным, то золотым.

Однажды Дождик и Радуга залезли в дом Солнца и нарезали из одеяла волшебницы цветных лоскутков. Дождик взял много синих лент, а Радуга вплела в волосы семь разноцветных бантов. Пока Дождик бежал домой, он растерял свои ленты, и они превратились в лужи.

Утром Солнце увидело, что одеяло разрезано, а шалунья Радуга скачет по лужам. Волшебница бросилась собирать свои лоскутки, а Радуга спряталась. С тех пор после дождя всегда появляется радуга, но как только пригреет солнце, она исчезает.

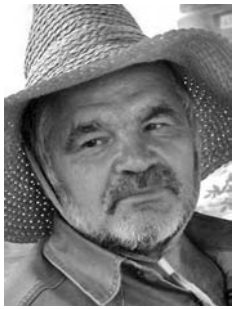
Данил БАННОВ, 13 лет, МБОУ СОШ им. П.А. Столыпина Никольского района

БЫЛИНА ПРО ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ
И МОЕГО ПРАДЕДА ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА

Как над Родиной, над матушкой,
Над Россиею над славною
Подымалось солнце алое.
Освещало солнце алое
Полки вражеские, чёрные.
Полки вражеские, тёмные,
Перешедши се границы нам.
Из-за кустиков-то низёхоньких,
Из-за камешков да кремнёвеньких
Выглядывали, выскакивали
Фашисты-разбойники ходовитые,
Псы ночные, враги заклятые.
Голоса-то у них да крикливые,

А ремни-то у них всё железные,
На них шлемы, как котлы вверх дном,
А заглавный пёс да разбойничек
Налетает, грозит бомбой мощною.
Ой, зачем ты, ало солнышко, вставало?
Да зачем ты врагов на войну подымало?
Как сбирался народ на защиту страны,
Воевать со врагом да и насмерть стоять!
Да и насмерть стоять, чтоб врага победить!
А средь бравых солдат сей прадедушка мой,
Сей прадедушка мой, Пётр — Григория сын.
Как сбирался да Пётр на чужу сторону,
На чужу сторону за свободу страны.
Сколько вёрст прошагал он, в пехоте служа,
Со друзьями своими со товарищами.
Запевалой в строю он дорогой войны
Много вёрст прошагал да и песен пропел,
Чтоб врага победить — дух солдат поддержать.
Песню бодрую запевал прадед мой,
А в той песне слова всё про Родину-мать,
Всё про Родину-мать да родну сторону.
А как ранен он был, так и солнце зашло.
Стало небо черно — на душе-тко тёмно.
Как же весть ту домой сообщить?
Дома детушки, детки малые…
И вернулся он весь-то израненный,
Весь израненный да ослабленный.
Но родная-то да сторонушка
Приняла его, встал он на ноги.
И прожил-то он жизнь-то долгую,
Жизнь-то долгую да счастливую.
То на радость-то внукам, внукам-правнукам.
Буду помнить Петра я Григорьевича,
Свово прадеда, мужа русского.
Поклон низкий тебе! Память вечная!
Память вечная! Слава добрая!

ПЕСНИ ВЛАДИМИРА МОЧАЛИНА



РОМАНС

Am H_7 Em / Em
Когда гитара плачет от тоски,
Am D_7 G Gmaj
Когда гитара грусть-печаль наводит,
Dm^6 E_7 Am Am^6
Спешу тропою к месту у реки,
Em H_7 Em / Em
Где тень твоя в лебяжьем царстве бродит.

Am^7 D_7 G Gmaj
Не состоялось что-то, не сбылось…
Am^7 D_7 G Gmaj
И от того, возможно, ненароком
Dm^6 E_7 Am Am^6
В груди всё отболело, отожглось,
Em H_7 C
Застыло пеплом в сердце одиноком.
Am Em H_7 Em / Em
Застыло пеплом в сердце одиноком.

И манит женщина… Не та…
Не из мечты — из песни шарлатана.
И гложет неземная пустота
От фальши безутешного романа.

** Редакция журнала «Сура» поздравляет В.М. Мочалина с 60-летним юбилеем, желает здоровья и новых песен.*

Смешались вместе и бальзам, и яд
В былом потоке неуёмной страсти.
Ни ты, ни я — никто не виноват,
Увы, мы все у времени во власти.

И вновь гитара плачет от тоски,
И снова струны грусть-печаль наводят.
А сердце рвется к месту у реки,
Где тень твоя в лебяжьем царстве бродит…

ЛЕГЕНДА

Em / Em^7
Послушай, дружок,
Em^6 C_{7+}
как стонет рожок!
Em Am
Там, у кромки воды,
Cm H_7 Em
затерялись следы…

Em Am H_7 Em
Ты меня не увидишь через призму столетий,
Em Am D_7 G
Ты меня не услышишь сквозь пространство веков,
E_7 Am H_7 C
Твоё имя нашепчет заблудившийся ветер,
Em Am H_7 Em
Образ милый раскроет сень густых облаков!

Ты легендой летишь на рожок пастушонка,
Ты во льдах не застынешь и не сгинешь в огне.
Наиграй, балалаечка, яростно, звонко,
Укажи на дорогу, на прямую, ко мне!

Недоскажет гармонь — дорыдает гитара,
Сердце песнею тронь — не уснуть до зари!
Ты примчишься стрелою — только грянут литавры,
А пока говори, говори, говори!

Ты меня не увидишь через призму столетий,
Ты меня не услышишь сквозь пространство веков,

Твоё имя нашепчет заблудившийся ветер,
Образ милый раскроет сень густых облаков!
Послушай, дружок,
как стонет рожок!
Там, у кромки воды,
оборвались следы…

АНГАРА

Am / Am / Am / Am / Dm / Dm / Dm / Dm
Мы живём в том краю, где с пургою танцуют бураны,
E_7 / E_7 / E_7 / E_7 / Am / Am / Dm / E_7
Где морозы остры, беспощадно терзают тайгу,
Gm/ Gm /Gm/Gm/ A_7 A_7 Dm /Dm
Где река Ангара и под утро густые туманы
Dm/ Dm Am / Am Dm E_7 Am / Am
Укрывают шатры на безмолвном крутом берегу.

Сквозь туманы плывёт в облаках островов отраженье:
Все изгибы реки, все зигзаги суровой борьбы.
Ты не просто река, ты седого Байкала творенье
И частица моей безнадёжно-короткой судьбы.

Для меня навсегда ты останешься девицей юной,
И куда ни сбегу — пред твоею красою в долгу.
И лишь стоит затронуть гитары волшебные струны —
Тотчас сердце щемит и слезы удержать не могу!

Мы живём в том краю, где с пургою танцуют бураны,
Где морозы остры, беспощадно терзают тайгу,
Где река — Ангара! А под утро густые туманы
Укрывают шатры на безмолвно-крутом берегу.

ПОСВЯЩЕНИЕ БАЙКАЛУ

Am Dm E_7 Am
Открой нам тайны свои, Байкал!
Am G_7 / G_7 C
Как ты три тысячи лет прожил,
A_7 Dm E_7 F
Каких красавиц волной ласкал,
A_7 Dm E_7 Am
Какому демону ты служил?

Мы будем вместе встречать рассвет,
Зрить буруны набежавших волн…
Но только мистики в этом нет:
Идёт сквозь ночь одинокий чёлн!

Ты можешь злиться и злить людей,
Шутя швырять их о рифы скал…
А мы-то знаем: ты не злодей!
Ты — гордый, мудрый, святой Байкал!

Монету брошу — меня не тронь…
Нептун и ветер — мои друзья!
Я протяну им свою ладонь,
Ведь нам без дружбы прожить нельзя!

Открой нам тайны свои, Байкал!
Как ты три тысячи лет прожил,
Каких красавиц волной ласкал,
Какому демону ты служил?

Роман ДАВЫДОВ

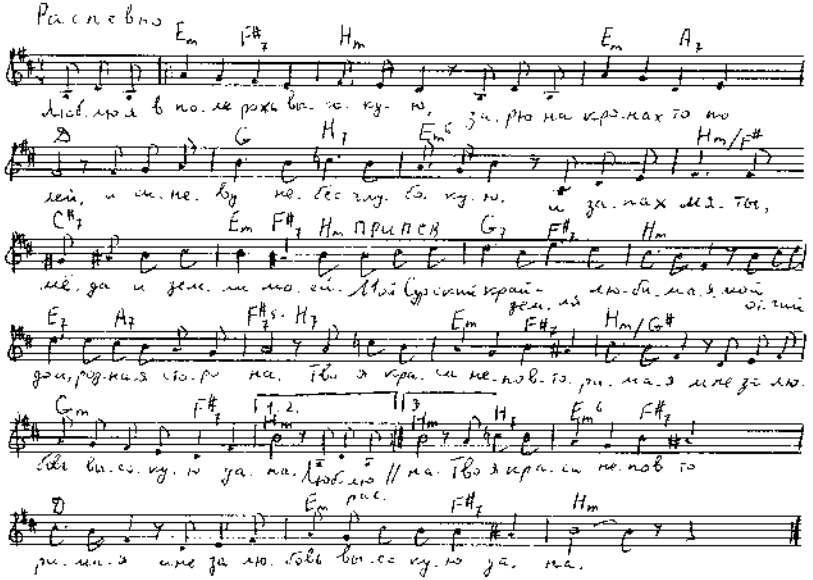
ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА

Закончились празднования 350-летия Пензы и 200-летия М.Ю. Лермонтова. Но, как говорится, жизнь продолжается. Журнал «Сура» начинает новую рубрику «Песенная Пенза», и в этой формуле все сказано: журнал будет печатать песни пензенских композиторов на стихи наших же поэтов.

Открывает рубрику песня замечательного музыканта Валерия Локтаева, верного друга и коллеги Октября Гришина. Текст песни принадлежит Виктору Тикунову, многие годы являющемуся членом той самой «команды Гришина». Кстати, жена (не хочется указывать более точно — вдова) Валерия Локтаева Валентина Гавриловна также долгие годы пела в звездном хоре.

А родом Валерий из Кузнецка, учился в местной музыкальной школе как баянист. С самого детства его обуревала мечта познакомиться с Октябрем Гришиным. В дальнейшем так и произошло. Более того, создатель коллектива, ныне носящего имя основателя, лично пригласил Локтаева в свою обитель. Вскоре поручил ему возглавить оркестр хора. После безвременного ухода из жизни Октября Васильевича Локтаев покинул родной коллектив. Узнав об этом, я пригласил его в школу искусств для одаренных детей. Валерий Николаевич оказался (впрочем, я в этом не сомневался) очень хорошим педагогом — его предельная строгость к подопечным поразительно сочеталась с дружелюбием и сердечностью. Одновременно Валерий Локтаев стал руководить народным хором города Заречного. Там же во время репетиции его и застала мгновенная смерть.

Публикуемую песню, премьера которой состоялась еще при О.В. Гришине, Валерий Николаевич передал в библиотеку школы искусств для одаренных детей. Песня «Люблю тебя, мой Сурский край» не лежала там мертвым грузом, ее с удовольствием пели учащиеся отделения сольного пения.



ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ СУРСКИЙ КРАЙ!

Слова Виктора Тикунова
Музыка Валерия Локтаева

1. Люблю я в поле рожь высокую,
Зарю на кронах тополей,
И синеву небес глубокую,
И запах мяты, меда и земли моей.

Припев:
Мой Сурский край —
земля любимая,
Мой отчий дом, родная сторона.
Твоя краса неповторимая
Мне за любовь высокую дана.

2. Люблю рассветы с жаворонками,
Сады весеннею порой,
Люблю девичьи песни звонкие,
Вечерний чуткий сумрак
над рекой Сурой.

Припев.

3. Люблю я озимь изумрудную
На черни вспаханной земли,
И родника прохладу студную,
И журавлей, летящих в голубой дали.

Припев.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостиный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БАХТИН Вячеслав Васильевич. Родился в 1951 г. в городе Новый Оскол Белгородской области. Окончил Московский государственный институт культуры. Работает в ПГУ. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыки. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ и Почетной грамотой министерства образования г. Пензы. Является автором пятнадцати учебно-методических пособий, в том числе о композиторах и поэтах г. Пензы. Занимается и композиторской деятельностью. Его творчество запечатлено в нотных сборниках «Колокольный поэзии звон» (2006), «Рапсодия сурских поэтов» (2011) и на дисках: «Вальс пилигрима» (2008), «Синий вальс» (2010), «Сурская новелла» (2011), «У камина» (2012). Является лауреатом Всероссийских конкурсов авторской песни «ГРИНЛАНДИЯ-2010» в г. Москве, «ГРИНЛАНДИЯ-2012» и «ГРИНЛАНДИЯ-2013» в г. Кирове и др. В «Суре» публикуется впервые.

БЕЛОЗЕРЦЕВ Иван Александрович. Родился в 1958 г. в селе Бараново Ливенского р-на Орловской обл. Окончил Ульяновское гвардейское высшее танковое военное училище, гуманитарную академию Вооруженных сил Российской Федерации. Кандидат педагогических наук. 1980 — 1989 гг. — служба в частях вооруженных сил; 1992 — 1999 гг. — заместитель военного комиссара Пензенской области по работе с личным составом; 1999 — 2004 гг. — начальник отдела кадров и учета офицеров запаса Пензенской области. Депутат Пензенской городской Думы третьего, четвертого и пятого созывов от Пензенского регионального отделения политической

партии «Единая Россия». В марте 2005 г. был избран главой города Пензы, в марте 2009 г. — переизбран на эту должность. 14 октября 2012 г. избран депутатом Законодательного Собрания Пензенской области пятого созыва от Пензенского регионального отделения политической партии «Единая Россия». 22 октября 2012 года избран председателем Законодательного Собрания Пензенской области. 25 мая 2015 г. назначен временно исполняющим обязанности губернатора Пензенской области. Член генерального совета партии «Единая Россия», секретарь регионального отделения ЕР. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2010), а также медалями «За безупречную службу» III степени, «За отличие в военной службе» I степени, «За воинскую доблесть» II степени, военным орденом Святителя Николая Чудотворца II степени и др. Отмечен Почетными грамотами губернатора Пензенской области, Законодательного Собрания Пензенской области и многими другими, памятным знаком «За заслуги в развитии города Пензы». Женат, двое сыновей. В «Суре» публикуется впервые.

БУТОВ Валерий Григорьевич. Родился в 1940 г. в с. Песчаном Павлодарской обл. Окончил Пермское военное авиационно-техническое училище (1960) и юридический факультет Казахского университета (1981). Участник Карибского кризиса 1962 г. Профессиональный военный. После демобилизации около 10 лет работал собкором железнодорожной газеты и 4 года гл. редактором районной редакции радиовещания. Член СЖ РФ. Член СП России. Автор 16 книг прозы и стихов, четыре из них — для детей. С 2007 г. живет в Бессоновке Пензенской области.

ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович. Родился в 1941 г. в Пензе. Доктор филологических наук. Профессор кафедры литературы ПГУ. Автор «Очерков истории культуры пензенского края», поэтических сборников, книг по литературному краеведению, более 80 научных статей. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

ДЕМИДОВ Олег Владимирович. Родился в 1989 г. в Москве. Окончил филологический факультет Московского гуманитарного педагогического института. Аспирант МГПУ, мариенгофовед, поэт, прозаик, публицист. Лауреат премии им. Демьяна Бедного (2013). Печатался в «Литературной России», «Вокзале», «Волге», «Октябре» и «Сибирских огнях». Составитель собрания сочинений А.Б. Мариенгофа (М.: Книжный Клуб Книговек, 2013). Автор книги стихов «Белендрясы» (СПб: Свое издательство, 2013).

ДОРИ Гаспаре. Родился в 1967 году. Один из наиболее любимых театральных авторов своего поколения. Внимателен к проблематике социальных перемен и влиянию технологий на личность человека. Живет в Париже около 16 лет, совмещая творчество с успешной адвокатской практикой. Из-под его пера вышло свыше десятка театральных пьес и рассказов, в том числе и «139». Автор удостоен различных литературных премий за свои произведения («Бесконечное путешествие», «Пиранделло вкратце», «Оддоне Капеллино», «Рабдоманти» и др.). Некоторые пьесы Гаспаре Дори переведены на другие языки: русский, английский, французский, хинди и армянский — и поставлены в Италии, Франции и России. Пензенский «Театр на обочине» (реж. Марина Михайлова) поставил уже три пьесы Дори, среди которых «Дон Джованни Тенорио» в переводе Ф. Самарина. А в текущем году одна из наиболее известных пьес Гаспаре Дори, «Долгий путь слонов», будет поставлена сразу в трех разных театрах разных стран: в Париже, Москве и Ереване. В «Суре» публикуется впервые.

КАЙМАНОВА Татьяна Александровна. Родилась в 1953 г. Окончила ПГПИ им. В.Г. Белинского. Автор учебных пособий «Экскурсоведение», «Экскурсия как объяснение в любви», «Литературное краеведение в создании турпродукта», каталога экскурсионных туров «Пензенский край — Россия, где вы еще не были», автор-разработчик музейно-туристических проектов. Краевед, автор буклетов и путеводителей «Литературный музей», «Музей А.И. Куприна», «Лермонтовские тропинки в старом городе», многочисленных публикаций по краеведению. Купринист, автор книг о творческом наследии А. Куприна «Александрия», «Куприн: Лирика-Эпиграммы-Афоризмы», «Гвоздь из родного дома», статей о Куприне в ПСС Куприна (М., 2007) и др. Постоянный автор журнала «Сура». В настоящее время — специалист отдела научно-просветительской работы Литературного музея Пензы, доцент ПГУ, экскурсионист.

КОЗЫРЕВА Екатерина Николаевна (Костарева). Родилась в пос. Агаповка Челябинской области. Окончила Московский областной педагогический институт, Высшие литературные курсы в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова. Работала учителем русского языка и литературы; в районных и городских газетах, в журнале «Марфа и Мария». Ведущая литературных объединений «Тальянка» и «Царское Село», издатель альманаха «Вечера в Академическом» и «Царское Село». Печаталась в журналах «Литературная учёба», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «День поэзии», «Москва». Автор поэтических книг: «Дорога в Болдино» (1993), «Свет одиночества» (1995), «Качели над обрывом» (1997), «Неземное кольцо» (1999), «Зимний шиповник» (2003), «Возвращение к себе» (2006), «Берег неба» (2009), книги-эссе «Тайная судьба Пушкина», «Другиня» (2012). Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция». Член редколлегии журнала «Вестник российской литературы», альманаха «Истоки». Член Союза писателей России. Живет в Москве. В «Суре» публикуется впервые.

КУЗНЕЦОВ Юрий Александрович (АРБЕКОВ Юрий). Родился в 1949 г. в Перми. Окончил Пензенский сельскохозяйственный институт. Сын военного моряка. Жил в Североморске, Мурманске, Балтийске, ныне в Пензе. Автор 30 книг прозы, поэзии, драматургии, произведений для детворы. Публикуется в журналах «Наш современник», «Сельская молодёжь», «Литературная газета», «Московский Парнас», «Алтай», «Литературный меридиан», «Дальний Восток», «Енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Детектив+» (Киев), «Теегин герл» (Калмыкия), «Меценат и Мир» (Армения), в электронном журнале «Континент» (Россия, Франция), альманахе «Материк» (Германия), интернет-журналах «Лексикон» (США, Чикаго), «Неформат» (Россия, Канада) и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат литературных премий им. Карпинского, им. М.Ю. Лермонтова, журнала «Сура», Диплома Вооружённых сил «Твои, Россия, сыновья!».

КУЧЕРОВА Ангелина Михайловна. Родилась в 1998 году в городе Пензе. Учится в лицее № 55. Претендентка на золотую медаль и ученик, награжденный за успехи в учёбе, творческую деятельность и активную роль в жизни лицея. Призёр и победитель олимпиад школьного, городского, областного и всероссийского уровней. Выпускница Школы юного журналиста при ПГУ. В «Суре» публикуется впервые.

МАШНОВА Мила (Харьков, Украина). Окончила юридический факультет ХНПУ им. Г.С. Сковороды. Член межрегионального Союза

писателей Украины. Автор сборника стихотворений «Не Она» (Харьков, 2013). Победитель конкурса «Осенний марафон» (2014), поэтического конкурса «Ода любви» (Харьков, 2015), золотой призер ежегодного творческого конкурса «Грани мастерства» международного женского клуба духовного общения «Лада» (Харьков, 2015). Стихи публиковались в альманахах «Лава», «Я — женщина», «Товарищъ», «Ликбез» и литературных журналах «Лава», «Дніпро», «Бельские просторы», «Ступени», «Зарубежные задворки», «Эдита Гельзен», «Наше поколение», «Дарьял». В «Суре» публикуется впервые.

МОИ Джованни (Джанни). Один из самых авторитетных и признанных мастеров итальянской сцены, театральный актер и режиссер. Окончил университет современных гуманитарных искусств Ка Фоскари. Свою творческую биографию как поэт начал в очень раннем возрасте, первые стихи вышли в свет, когда автору было 10 — 11 лет. Публиковался в различных антологиях Италии, среди которых последние — «Меж покровов и отмелей», «Новейшие издания». В настоящее время его поэтические произведения представлены в форме видеоклипов, где автор читает собственные произведения в своем исполнении. Все последние его работы можно послушать и посмотреть в Интернете. Сам Джанни Мои считает, что форма видеопоэзии более всего отвечает пониманию его собственного творчества. Живет в Венеции. В «Суре» публикуется впервые.

МОЧАЛИН Владимир Михайлович. Родился в 1955 г. в с. Знаменское Мокшанского района Пензенской области. Автор-исполнитель песен. С 1974 по 1976 г. служил на Дальнем Востоке в пограничных войсках. Первые стихи были опубликованы еще во время службы в рядах СА. После демобилизации более 30 лет жил и работал водителем в г. Усть-Илимске Иркутской области. Песни сочинялись, как правило, в голове, на память во время длинных и бесконечных командировок за рулем большегруза. Участник и лауреат многих фестивалей авторской песни в городах Сибири и г. Москвы. Готовится к изданию первая книга его стихов. В настоящее время живет в своем родном селе Знаменское. В «Суре» публикуется впервые.

ПОПЕЕВА Светлана Вячеславовна. Родилась в 1963 г. в г. Новоуральске Свердловской области. Окончила Кемеровский институт культуры по специальности «Режиссер массовых праздников». Журналистка «Любимой газеты». Автор книг «Анабиоз» и «Анестезия». Член Союза писателей РФ. Член клуба «Поющие поэты» при журнале «Сура».

РОГОЖКИН Владимир Иванович. Родился в 1956 г. Образование высшее техническое. В настоящее время проживает в Пензе. Инвалид 1 группы по зрению. Самостоятельно освоил работу на компьютере.

САМАРИН Федор Юрьевич. Родился в 1957 г. в Казани. Прозаик, переводчик. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Работал в газетах «Молодой ленинец», «Наша Пенза», «Комсомольская правда», в областном краеведческом музее, на областном телевидении, в телерадиокомпании «Наш дом». Был главным редактором журнала «Мир» (ОАЭ), заведующим отделом в журнале «Северные просторы» (г. Москва), корреспондентом издательского дома «Коммерсантъ». Автор публикаций в российских и зарубежных СМИ. Член Союза журналистов РФ. Лауреат премии литературного журнала «Сура».

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 г. в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

ТЕРЁХИНА (ДОРОШИНА) Лидия Ивановна. Родилась в 1950 г. в деревне Тучковке Лунинского (Иссинского) района Пензенской области. Окончила ПГПИ им. В.Г. Белинского. Редактор отдела поэзии литературного журнала «Сура». Автор книг: «Формула судьбы», «Вязь», «Зимние вехи», «Ночной поезд», «Сезон остановившихся дождей»,

«Лучшая из лучших Фертляндия», «Сезон», «Стихотворения», «Волны житейского моря», «Августейшая любовь», «Любви последней благодать», «Конь и солнце», «Дороги для двоих» (в соавторстве с Даной Лобузной). Лауреат всероссийских премий «Моя малая родина», имени М.Ю. Лермонтова, Губернаторской премии в области литературы. Член Союза писателей РФ.

ФЕДОРОВ Михаил Иванович. Родился в 1953 г. в Вологде. Окончил школу-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете и Высшую Краснознаменную школу Комитета Госбезопасности им Ф.Э. Дзержинского. Автор многих романов и публикаций в журналах «Российская юстиция», «Роман-журнал XXI век», «Россияне», «Пражские огни». Адвокат. Член Союза писателей России.

ШЕВЕЛЁВ Марк Петрович. Родился в 1940 году в Мелитополе. Окончил журфак Киевского университета. Автор двух десятков книг поэзии, прозы, публицистики. Дипломант и лауреат многих престижных конкурсов и премий. В том числе германо-российского конкурса-фестиваля «Пушкин в моей жизни» (2009), международного Берлинского конкурса «Лучшая книга года-2014». Живет и работает в Германии. В «Суре» публикуется впервые.

Учредитель и издатель:
ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА, А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ, Ю.В. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ, В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Р е д а к ц и я:
Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Федор САМАРИН — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (**http://liblermont.ru**)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор), lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), fedor.samarin2011@yandex.ru (редактор отдела прозы), ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 29.06.2015 года. Подписано в печать 29.07.2015 года. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14. Заказ № 1453. Цена договорная. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ОАО «ИПК «Пензенская правда».
Адрес: 440026, г. Пенза, ул. К. Маркса, 16.